

ОЛЕГ
ЗАЙОНЧКОВСКИЙ
ТИМОШИНА
ПРОЗА

Роман

ПРОЗА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ЦЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА СУБИНО

ОЛЕГ
ЗАЙОНЧКОВСКИЙ
ТИМОШИНА
ПРОЗА

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-17

Оформление переплета и макет
Андрея Рыбакова

Зайончковский, Олег Викторович.

3-17 Тимошина проза : [роман, рассказы] / Олег Зайончковский. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 288 с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-17-097052-0

Олега Зайончковского называют одним из самых оригинальных современных русских прозаиков. Его романы «Петрович», «Сергеев и городок», «Счастье возможно», «Загул» вошли в шорт-листы престижных литературных премий: «Русский Букер», «Большая книга» и «Национальный бестселлер».

Герой романа «Тимошина проза» — офисный служащий на исходе каких-либо карьерных шансов. Его страсть — литература, он хочет стать писателем. Именно это занимает все его мысли, и еще он надеется встретить «женщину своей мечты». И встречает. Но роман с ней как-то не задается, так же, как и роман с литературой. Новое возвращение к святой русской теме «маленького человека»? Или «уж не пародия ли он»?

Рассказы «Осень в Зеленой зоне» и «Марина и море», вошедшие в книгу, органично сочетаются с настроением романа и продолжают его тему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-097052-0

© Зайончковский О. В., 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Содержание

ТИМОШИНА ПРОЗА

Роман

7

РАССКАЗЫ

Осень в Зеленой зоне

241

Марика и море

251

Тимошина проза

Роман

Глава первая: В поисках женского

1. Портрет кота

Как и любому из нас, теоретически ему принадлежал весь мир, но Тимоша редко осматривал свои отдаленные владения — он проживал на тринадцати квадратных метрах.

Правда, издавна обжитая комнатка — это тоже мирок, пусть даже и населенный одним-единственным обитателем. Оказавшись в Тимошиной комнатке, можно было, не задавая вопросов, узнать кое-что о его прошлом и настоящем. Вот за стеклом на полке выстроилась коллекция автомобильчиков, — модельки были хотя и старые, но все в отличной сохранности. На торце полки виднелись еще следы переводных картинок, соскобленных и затертых; а если заглянуть за кресло, разделявшее

эту полку и книжный шкаф, то на обоях можно было найти каракули, начертанные младенческой рукой. Это трогательное послание из невозвратимого прошлого свидетельствовало о том, что комната не знала ремонта как минимум тридцать лет. Книжный шкаф справа от кресла, тесно уставленный книгами разной степени зачитанности и далеко не одинаковой художественной ценности, сверху завален был пыльными папками и тубусами, оставшимися, очевидно, от времен студенчества. Здесь же, в шкафу, в буковой красивой рамочке стоял портрет рыжего с пятнышками кота — друга Тимошиного детства и ранней молодости.

Однако и современность тоже заявляла в комнате свои права, пусть даже совершенно стихийно. Старая домашняя парта сама собой давно превратилась в компьютерный стол, а где когда-то была корзина с игрушками, там теперь высилась многоэтажная башня «хай-фай»-аппаратуры. Напротив дивана чуть не половину стены занимал огромный ковер-телевизор, большую часть времени беззвучно пылавший красками. Были тут и вещицы поменьше — разнообразные гаджеты с экранчиками и без, чье назначение не всегда понятно, но без которых уже не полна жизнь современного человека.

В этой же комнате находился предмет, привлекавший особенное внимание Тимошиных посетителей, а точнее сказать, посетительниц.

Он обычно стоял за дверью, прислоненный к стене, и в сложенном виде напоминал большую гладильную доску. Это, однако, был настоящий массажный стол. Посетительницы затем Тимошу и посещали, чтобы на этом столе он гладил и освежал самое дорогое, что у них было.

Комната, где человек прожил достаточно долго, может многое рассказать о нем. О характере и привычках, о занятиях и увлечениях, и даже о состоянии его сердечных дел. Последнее, разумеется, интересовало Тимошиных посетительниц. Независимо от того, имело ли это для них значение, проницательные посетительницы отмечали, что фото кота Тимоша оправил в рамочку, а женских ни одного в комнате не держал. Это доказывало, что у него сердце было или разбито, или просто никем не занято.

2. Посетительницы

Свое любопытство к Тимошиному персональному житью-бытью (впрочем, довольно поверхностное) посетительницы утоляли в ходе ознакомительного визита. Являясь в последующие разы согласно назначенному расписанию, они уже не отвлекались на изучение комнаты. Драгоценных минут не теряя попусту, посетительницы раздевались — застенчиво, или кокетливо,

или отважно-решительно, или царственно-неторопливо. Тимоша тем временем приготовлял ложе, то есть раскладывал свое массажное сооружение и покрывал его простыней. Обнажаясь до пределов, положенных только их собственной скромностью, посетительницы взбирались на высокий стол с помощью небольшой скамеечки, после чего укладывались на живот и опускали лицо в специальный иллюминатор. Когда Тимоша орошал их тело арабским благовонным маслом, женщины сладко ежились: с замиранием сердца ждали они прикосновения его волшебных рук.

Эти полеты на массажном столе производили на посетительниц неизгладимое впечатление и, во-вторых, конечно, оказывали укрепляющее, оздоровительное воздействие.

— Все ломоты и в поясице, и вот в этих местах прямо как рукой снимает, — рассказывали посетительницы своим подругам. — И потом он так это делает, просто не сказать как!

Молва о Тимоше как о талантливом массажисте передавалась из уст в уста. В женских кругах микрорайона он был популярен не меньше Ниночки, выдающейся маникюрши из салона «Локон». Разница между ними заключалась в том, что Ниночка своим искусством зарабатывала на жизнь, а Тимоша лишь подрабатывал. Правильнее сказать, что массаж был для него способом самовыразиться. Каждому человеку

нравится делать то, что у него хорошо получается. Незабываемые свои сеансы давал он по вечерам, не чаще трех раз в неделю, днем же Тимоша трудился в Проектной организации, где от сотрудников требовались не чудо-руки, а умственные способности. К счастью, Москва велика, и Тимошино место работы далеко отстояло от места жительства. Чем занимался он в неслужебное время, коллеги Тимоши не знали, да и вряд ли хотели знать.

Однако предосторожность была не лишняя, если учесть, что в обществе живы еще предрассудки в отношении любого массажа. Многие люди считают, что массажные процедуры доставляют непозволительное удовольствие пациенту и оператору. Какое глубокое непонимание! И вообще, кто сказал, что целебное и полезное непременно должно быть болезненным или горьким? Как бы то ни было, но сотрудники Проектной организации если и пользовались услугами массажистов (а надо думать, пользовались), то, разумеется, не из своей среды.

Хорошо, что никто из среды Тимошиных сослуживцев не проживал от него поблизости. Может быть, это не говорило в пользу микро-района, но как массажисту Тимоше давало свободу рук. Женщин изо всех сред общества схожи строением тела; все они иногда испытывают ломоты и нуждаются в укрепляющих процеду-

рах. Что из того, что Тимошины посетительницы читали только журнальчики со столика салона «Локон». Во время сеансов Тимоша руками чувствовал их первобытную женскую плоть, а они ощущали его первобытную магию рук. И при чем же тут, спрашивается, круг чтения? Конечно, порой случалось, что отзывчивость женской плоти переходила в зов, а Тимошина плоть на зов этот откликалась. Это было вполне естественно и лишь доказывало пользу от его сеансов. Посетительницы забывали о своих ломотах; они покидали Тимошу омолодившимися и обновленными.

Некоторые подробности массажной практики Тимоша благоразумно скрывал от своих родителей, с которыми делил жилплощадь. Но он не мог запретить им тревожиться и фантазировать по поводу посетительниц. Впрочем, во время сеансов родители, как правило, сидели тихо у себя в комнате.

3. Родители

Когда благодарные посетительницы покидали Тимошу после сеанса, их путь пролегал коридорчиком и дальше налево в прихожую, куда выходили еще три двери. В одной из дверей непременно показывалась лысоватая голова. Это был папа, и с ним воспитанные посетитель-

ницы тоже заодно прощались. Папина голова отвечала киванием — сдержанным, но достаточно вежливым. Однако как только за посетительницей закрывалась дверь, сдержанность оставляла папу.

— Эти хождения по вечерам! — восклицал он. — Когда же они прекратятся?

Дверь, где была его голова, открывалась шире — рядом с папой возникала мама. Она поясняла папино возмущение:

— Дорогой, мы просто не знаем, что думать... Эта женщина наверняка замужем.

— Вы опять за свое! — огрызнулся Тимоша. — Ваше ханжество нестерпимо! Если хотите знать, я просто даю сеансы.

Подобные сцены периодически повторялись и были привычны для их участников. Оскорбленный беспочвенными, по его словам, подозрениями, Тимоша скрывался у себя в комнате, а родители продолжали делиться друг с другом невеселыми соображениями.

— Эти женщины явно не его уровня, — уверенно предполагал папа.

— Ты совершенно прав, — соглашалась мама. — И должно быть, не нашего круга.

— Когда он только остепенится...

— Ох, и не знаю... Должно быть, не скоро дождемся мы законных внуков.

Этот обмен замечаниями показывал, что ни в какие «просто сеансы» папа с мамой не ве-

рили. Кроме того, проявлялась сложность родительского запроса. Папе с мамой, конечно, хотелось внуков, потому что кто их не хочет, однако не от кого попало. Эта требовательность означала, что покамест родителей не припекло. Под конец разговора папа уже сидел под торшером и листал газету, а мама целилась в телевизор пультиком.

Для родителей, как и для всех неравнодушных людей, личное отступало, когда подходил ежевечерний час новостей. Час волнительной геополитики, пропагандистских клише, поразительных разоблачений и беспощадной биржевой статистики. В мире происходили события, которые тоже нуждались в папином с мамой анализе, обсуждении и оценке.

Но когда жизнерадостный телесиноптик выдавал завершающую свою порцию лжи, когда прочитанная газета становилась мусором, — тогда к родителям возвращалось «личное». Оно во плоти появлялось в комнате — большое, многословное, немного хмурое.

— Ну что, вы уже свободны?

Тимоша в душе иронически относился к политизированности родителей. Но кое-какое общее увлечение каждый вечер соединяло семью.

— Разумеется, зачем ты спрашиваешь!

Папа с мамой перебирались в Тимошину комнату. Невольно принюхиваясь, они усаживались на его диване. Комната еще хранила запах еги-

петских умщений. Напротив дивана светился огромный экран телевизора. Но это уже был другой телевизор и другое вечернее время; всё актуальное и злободневное улетучивалось из сознания. Наступала пора всей семьей погрузиться в архаусный нудный вымысел. Этому времени суток замечательно подходил, например, скандинавский кинематоргаф. Всем трем своим зрителям он разгружал в преддверии ночи души.

Потом они спали, читая во сне субтитры, и просыпались на другой день. Утро тоже было семейным. Первым поднимался папа и отправлялся на кухню, чтобы для всех приготовить овсяную кашу. Делал он это так: наливал молоко в кастрюльку и ставил ее на плиту. После чего до закипания молока у него оставалось четыре свободных минуты, которые он использовал, чтобы завести часы. Эти часы были старые, их пружина когда-то лопнула и была укорочена, отчего каждую ночь они останавливались. И каждое утро папе приходилось их оживлять. Так получилось, что это действие вошло в рецепт приготовления каши.

Семейное счастье, оно как овсянка – готовится ежедневно. Способы приготовления бывают разные; часто противоречия и разногласия входят в состав рецепта. Можно дружно всей семьей протирать помытую посуду, можно сливаться в любви к скандинавско-

му кинематографу. Но если в семейной каше чего-то недостает или чувствуется горчинка, это значит — пора заводить детей, покамест еще не поздно.

4. Женщины вообще

Но дети не родятся сами. Прежде чем сделать своих маму с папой чьими-то прародителями, Тимоша был должен на ком-то жениться. От него только и требовалось, что найти «подходящую» молодую женщину. Что же имели в виду Тимошины мама с папой? Прямо они не формулировали, но их обмолвки насчет «культурного уровня» и «нашего круга» означали, скорее всего, что женщина должна была быть такая, чтобы любила овсяную кашу и авторское кино.

Однако в Тимошином представлении всё обстояло сложнее. Задача внукорождения для мамы с папой стояла у него не на первом месте. Тимошу в его отношениях с женщинами беспокоила мысль о любви, точнее, о ее отсутствии. Лишь единожды в своей жизни он, кажется, был влюблен, но это случилось давно, в школьном детстве. Что-то вспыхнуло и погасло, но оставило навсегда тревожную память чувств. В дальнейшем, приобретая положенный мужской опыт, Тимоша сперва надеялся снова

влюбиться, а потом перестал надеяться. Только и приходилось, что констатировать: в его отношениях с противоположным полом отсутствовал самый важный ингредиент.

Был Тимоша слишком разборчив или, наоборот, слишком разбрасывался в своих отношениях с женщинами – в сущности, какая разница. Мамин с папой невысказанный упрек был для него как горчинка в каше. Сами родители были так прочно, так безальтернативно счастливы в браке, что казалось, будто они родились женатыми друг на друге. Они полагали, наверное, что Тимоше недостает только доброй воли, чтобы сделаться счастливым тоже.

Но если бы кто-то неделикатно спросил его самого, почему он, дескать, до сих пор не женится, Тимоша бы просто пожал плечами. Он считал, что проблема была не в нем, а в женщинах. Все они были словно скроены по шаблону – и те, что вверяли ему тела свои, и приятельницы, оставшиеся со времен студенчества, и сослуживицы, с коими преломлял он кексы за одиннадцатичасовым чаем. Они изъяснялись готовыми фразами, и фразы эти как будто готовились на одной кухне. Женщины усреднились внешне, секреты своей привлекательности черпая из популярных источников. Но даже и под слоями косметики, под оболочкой усвоенных интонаций и выученных манер не таилось у них никакой за-

гадки. Донышко женской души виделось близким и плоским, как у городского фонтанчика, и лежала на этом донышке разная налетевшая чепуха и денежки.

На самом деле, конечно, женщины были не виноваты. Они не могли удивить Тимошу лишь потому, что он их обобщал, как любой невлюбленный мужчина. Удивление и загадка не в женщине заключаются, а в любви. Если бы он полюбил, то обобщать ему бы уже не понадобилось.

Впрочем, Тимоша и в принципе был склонен к анализу и обобщениям — просто по складу своего характера. Он не мог успокоиться до тех пор, пока интересующее его явление не получало теоретического объяснения. Конечно, теории и объяснения бывают разные, вплоть до самых нелепых, но для таких аналитиков, как Тимоша, лучше иметь нелепые объяснения, чем не иметь совсем. Что касается женщин, то, разумеется, у него были соображения на их счет. Тимоша не отрицал известных достоинств у некоторых из них, но именно что известных. Почему дно души у женщин было зацементировано, а индивидуальность стерта? У Тимоши на это было единственное объяснение (могло быть и больше, но люди аналитического склада ума не любят усложнять теорию). Тимоша считал, что на женщин решающее влияние оказывает среда, в частности город, в котором они ро-

дились или обосновались. Все известные Тимоше женщины были жительницами Москвы, и в этом крылась причина их удручающей унификации.

5. Город

Город Москва чрезвычайно велик и, по идее, должен быть чрезвычайно многообразен. Непрерывно он прирастает новыми жителями и жительницами, приезжающими из других краев. Казалось бы, вот они, удивительные, иные, пахнущие ковылем или кедровой хвоей, многоликие, как сама Россия. Но в действительности получается совсем не так. Провинциальные ароматы выветриваются из приезжих, и остается одна только многоликость. Но московская многоликость — это не более чем разнообразие генетического материала. Бывшие провинциалы, сбжавшие от ковылей и кедров, чтобы слиться с потоком цивилизации.

Люди едут в Москву, чтобы сделаться москвичами со всеми приятными вытекающими возможностями. Только здесь человеку доступен выбор благ и услуг, которого он достоин. Каких только способов наслаждения, насыщения, оздоровления и другой всевозможной самореализации не предлагает Москва! В этом она поистине многообразна. Город дышит поэзией потребительства; он похож на огромную ска-

терть яств, которые не перепробовать. Москва соблазняет, обслуживает и обманывает, а бывшие провинциалы стремятся скорее стать квалифицированными клиентами.

В области соблазнения и потребления особенно преуспевают женщины. Приобретательство — это женский половой признак. Они покупают и покупают — всё, что можно купить, а остальное мечтают получить в подарок. Но, разумеется, шопинг не единственное их занятие. Свободное от покупок время женщины посвящают себе, совершенствуя дух и тело. Москва к их услугам: бесчисленные фитнес-центры и спа-салоны, модные театральные представления, выставки современного искусства, литературные вечера с участием заграничных властителей дум.

Женщины совершают траты, находясь под гипнозом рекламных мантр. «Вы этого достойны!» — слышат они отовсюду, — и как тут не согласиться. Каждая женщина имеет право на новую посудомойку или на то, чтобы грудь у нее была побольше. Вопрос только — стоит ли эта новая большая грудь потраченных на нее денег. Реклама в открытую насмехается: «Если мы вас облапошили, значит, и этого вы достойны». Бывает, что, приходя в себя, женщины чувствуют себя обманутыми. Тогда они видят Москву иначе. Женщины сомневаются: этот город удовлетворяет их или они его?

И вот, при виде московских скверов всех степеней проплеванности, вспомнятся ковыли и кедры. Пландации серо-зеленых пятиэтажек напомнят сердцу капустные гряды. Бескрайние «спальники», белые или охряные, покажутся меловыми утесами или песчаными дюнами, окрашенными закатом. Поля орошения и промзоны, туманные и зловонные, вызовут в памяти образы далеких родных болот.

Ностальгическое уныние настагает в Москве обманутых, но, как правило, ненадолго. В этом городе надо быть готовым к неожиданным неприятностям. Вот в метро, разбросав покупки, падает замертво человек, а москвичи и москвички хладнокровно перешагивают через труп. Случись им самим помереть вот так, их лица не изменили бы присущего отчужденного выражения.

6. Виртуальные провинциалки

Семя, упавшее на московскую почву, обращается в камушек, а если и прорастает, то непременно мутирует. Московские женщины были сплошь ядовитые и колючие, страшно далекие от Тимошиного идеала. А каким был его идеал? На этот вопрос у него четкого ответа не было. Трудно описать словами то, что еще не видел, а главное, не почувствовал. Если кто-

то описывает в подробностях женщину своей мечты, это выглядит как заказ в какую-нибудь неприличную службу.

Но хотя с идеалом Тимоша еще не определился, он знал, где его искать. И даже предпринимал для поиска кое-какие действия, разумеется, втайне от папы с мамой. Часто бывало, что после сеанса с очередной московской своей посетительницей Тимоша включал компьютер и погружался в соцсеть. От физического он переходил к виртуальному, из Москвы перелетал в провинцию. Вот они где обитали – женщины, чистые сердцем, чувствительные и доверчивые, искренние, но загадочные, как само женское первоначало.

В промышленных городах, в райцентрах, в селах и Интернет еще знает где – всюду существовали женщины и в поисках счастья чатились. Зарегистрированные, оцифрованные, сокращенные до резюме, они тем не менее были прекрасны. Их лица светились надеждой и обещанием блаженства. Даже не самых правильных черт, но в макияже, наложенном творчески, обрамленные удивительными прическами. Эти портреты хотелось держать у сердца, но их было слишком много, и потому Тимоша сохранял их в «облаке».

С приглянувшимися провинциалками он виртуально знакомился. Общаться Тимоша предпочитал письменно – так было легче анализиро-

вать сказанное им самим и его собеседницами. И было над чем иногда задуматься — все-таки эти женщины и Тимоша жили в разных мирах. Одна из них, например, не знала, что Бегбедер писатель, а считала, что это сорт иностранного сыра с плесенью. Многие термины провинциалки расшифровывали по-своему, но и Тимоша порой не сразу понимал их намеки и тонкие выражения. Они применяли какие-то древние коды эпистолярного флирта, вышедшие из употребления, как азбука Морзе.

Но кое-какие трудности перевода только подогревали Тимошин живой интерес к немосковским женщинам. Оставалось попробовать познакомиться с ними, как говорится, в реале.

7. Неожиданное решение

Какие фантазии только не водятся в голове, особенно в голове холостого мужчины, какие не громоздятся теории! А тем временем жизнь проходит: дни сменяют один другой, в области темени выпадают волосы. Работа, дежурные развлечения, преферанс с родителями, связи с женщинами без увлечения. Редкие поездки к бабушке за поучениями и на кладбище к дедушке — посидеть в молчании.

Скучная, честная внешняя жизнь Тимоши протекала вполне размеренно. Но по ночам,

когда на кухне останавливались часы, ток этот прерывался. Наступало безвременье, и Тимоша выпадал из реальности. Он фантазировал, чатился с провинциалками, а когда не чатился, предпринимал попытки литературного сочинительства.

Образ Тимошиной жизни, образ мыслей его и характер, казалось, не оставляли надежды на перемену участи. Тем не менее в нем назревало что-то вроде внутренней революции, чего даже сам Тимоша не замечал, несмотря на свою склонность к анализу и самоанализу.

Перелом в сознании произошел как-то вечером. Тимоша курил у себя на балконе. Дым сигареты на фоне неба был практически неразличим. Это московское мутное небо подпирали дома спального микрорайона. Дома были той же серии, что и тот, на балконе которого курил Тимоша. У подножия каждого дома тесно стояли автомобили, напоминая снятые в прихожей туфли. Где-то икала автосигнализация, где-то брехала выгуливаемая собачонка. Вечер как вечер, сплошная обыденность. Тимоша хотел погасить уже сигарету, как вдруг на парковке прямо под его балконом разразился скандал. Две подъехавшие одновременно женщины спорили из-за места. Выбравшись из своих машин, они бранились по-московски крепко и взмахивали друг на друга сумочками. Сверху казалось, что женщины состоят из одних только задов и бю-

стов с приделанными по бокам руками. Бюсты могли быть искусственными, но зады были, конечно, собственные, унаследованные от матерей. Что в этих женщинах было подлинным и неподдельным, так это их злоба. И в этот момент у Тимоши внутри словно что-то лопнуло. Он заплевал сигарету, вернулся в комнату, сел за компьютер и, не дожидаясь ночи, отправился к провинциалкам в «облако».

Тимоша разархивировал провинциалок, но уже не затем, чтобы погрузиться в привычные свои мечтания. Он собирался выбрать только одну девушку и предложить ей встретиться. Это решение не было сиюминутным порывом на нервной почве. Оно вызревало давно, подспудно в недрах его души. Чтобы Тимоше его наконец осознать и принять, нужен был только импульс. Этим импульсом был он обязан двум московским повздорившим автоледи.

Глава вторая:

Люба Новикова

1. Презики как знак надежды

Месседж был послан, и ближе к ночи получен был на него ответ. Тимошу приглашали в гости. Как говорится, процесс пошел – процесс с непредсказуемым результатом. Как знать, чем обернется встреча двух взаимозагадочных миров и тел. Неожиданно для себя Тимоша разволновался. В эту ночь он долго не мог уснуть и дважды ходил на балкон курить. Город тоже – спал и не спал в мерцании множества ночников, тяжело ухая временами и тревожно вскрикивая. Знала ли Москва, что один из ее сыновей хочет ее оставить в поисках альтернативного счастья?

Чтобы его непосредственные родители тоже не стали тревожно вскрикивать, Тимоша

не рассказал им о цели своей поездки. Впрочем, ему предстояло не такое уж дальнее путешествие. Провинциалка была относительная, больше в Тимошином представлении, — девушка проживала в райцентре Федюнино Московской области. Всю экспедицию можно было оформить как загородный уикенд. Маме же с папой Тимоша сказал, что едет на дачу к товарищу по работе. Но даже и это известие произвело родительский переполох. Папа прочел красноречивую лекцию об энцефалитных клещах, а мама просила, чтобы Тимоша, если встретит коров, не приближался к ним, потому что в их стаде может оказаться агрессивный бык. Удивительно, сколько сведений о сельской жизни обнаружили мама с папой. Но в итоге Тимошу благословили, взяв с него напоследок клятвенное обещание не купаться ни в прудах, ни в реках.

В оставшиеся до субботы дни Тимоша укладывал рюкзачок. В поездке могли возникнуть непредвиденные ситуации, к которым следовало подготовиться. Папа с мамой, конечно, помогали советами, но Тимоша и сам был человек обстоятельный. Рюкзачок выходил тяжеленький, но зато в нем имелось всё нужное для выживания за пределами города, включая вязаные носки, репеллент и швейцарский ножик. В тайном кармашке Тимоша спрятал упаковку презервативов.

Тем не менее в ходе сборов Тимоша порой зависал в сомнении. Не то чтобы его пугала эта поездка в неведомое — просто ему непривычно было ощущение авантюры.

2. Отправление по расписанию

Теперь отменить поездку мог лишь какой-нибудь форс-мажор — техногенное или стихийное бедствие. Однако Тимоша в субботу с утра справился на погодном сервисе и не нашел ничего угрожающего. Взглянув непосредственно из окна, он убедился, что солнце светит вполне уверенно в матовом небе города. На железных дорогах, похоже, всё тоже обстояло штатно: в расписании электричек не было никаких отмен. Тимоше оставалось только вскинуть рюкзачок на плечи, расцеловать родителей и отправляться в путь.

Первый этап его путешествия был ему более чем знаком. Каждый день, отправляясь на службу, Тимоша вот так же протискивался в маршрутку, идущую до метро. Привычно закрыв глаза, он, в зависимости от того, как повезет с пробками, некоторое время галлюцинировал в парах бензина. В эту субботу «Газель» долго на заводилась; водитель ругал ее по-таджикски, а она отстреливалась из глушителя. Такое начало поездки можно было бы

счесть дурным предзнаменованием, если бы не было обычным делом.

А в метро обошлось без каких-либо предзнаменований; метро всегда утешает своим бесперебойным функционированием. Лишь единоразово Тимоша вздрогнул — когда чуть было не пропустил остановку. Он по привычке едва не уехал к себе на работу, но, вовремя спохватившись, выскочил из вагона. Станция располагалась непосредственно под железнодорожным вокзалом. Шагнув на платформу, Тимоша сразу, как капля в реку, влился в поток людей с рюкзаками и сумками на колесах. Эти люди обуты были в грубые башмаки и одеты в выцветшие обноски; казалось, что происходит какая-то эвакуация, но это всего лишь пешие дачники мигрировали на выходные. Очень скоро Тимоше досталось под ребра черенком лопаты и отдавило ногу колесом сумки, но его это не расстроило. Даже стало спокойнее оттого, что так много народа ехало вместе с ним за город.

Особенных сложностей не возникло и на железнодорожном вокзале. Тимоша прошел сквозь раму не реагиовавшего ни на что детектора и оказался в зале пригородных отправлений. Пресловутых вокзальных бомжей он не увидел ни одного; вместо них здесь лежали, пованивая, две милицейских овчарки и один ротвейлер. Собаки не реагировали на

окружающее так же, как и детектор. Пассажиры спешили купить билеты, но сталкивались с процедурой. Кроме окошек с живыми задумчивыми кассиршами, в зале были расставлены автоматы, возле которых пассажиры сами впадали в задумчивость. Тимоша тут был человеком новым, и потому билетик приобрел у женщины. Этот билетик выглядел несерьезно в сравнении со своей стоимостью; тоненькая бумажка сминалась и не хотела засовываться в щель турникета. Тимоша преодолел это маленькое затруднение и вышел к платформам. Здесь на него смотрели сразу несколько электричек, словно рыбыны на лотках, мордами в одну сторону. Эти морды должны были стать хвостами. Отыскав среди электричек ту, что шла до Федюнино, Тимоша вошел во второй от морды-хвоста вагон, выбрал место по ходу движения и сел, заложив ногу на ногу. Он испытал промежуточное удовлетворение. Начало его путешествия в общих чертах соответствовало задуманному.

До отправления электрички еще оставалось время. Вагон заполнялся всё новыми пассажирами. Это были, конечно, дачники, обвешанные поклажей, но также студенческая тонконогая молодежь, и застенчивые гастарбайтеры, и надменные женщины-богомолки, и женщины-матери со своими орущими и кривляющимися детьми. Все с волнением выглядывали

свободные места, а наконец усевшись, испытывали промежуточное удовлетворение. Но вот и совсем не осталось незанятых мест в вагоне. Пассажиры, которым не повезло, скорбною вереницей тянулись между сидящими и уходили в другой вагон. Сидящие отворачивались от них.

Поезд тронулся точно по расписанию. Легкая дрожь покотившегося вагона через сиденье отдалась Тимоше и отозвалась в душе легким трепетом ожидания. Он переключил всё внимание на окно, готовый впитывать впечатления.

3. Зона отчуждения

Поезда входят в город и из него выходят через не самые чистые его места. Так повелось исторически, еще с паровозных времен. Железная дорога тогда были чумазой, и городские окрестности ей соответствовали. Потом появилась электротяга; дорога стала гораздо чище, гигиеничнее для организма города. Но окрестности ее остались прежними.

Красивые новенькие поезда на бегу разметали всякую городскую дрянь: пакеты, окурки, пивные банки. Вдоль путей все заборы и стены пакгаузов были исписаны непристойностями, политическими доносами и просто абракадаброй. На придорожных откосах пьянствовали

отбросы городского социума. Трудолюбивой железной дороге, по природе своей склонной к размеренности и порядку, было чуждо такое ее окружение. Она как могла боролась с обступавшим ее городским хаосом. Тимоша прочитывал трогательные железнодорожные надписи, выложенные белым камешком: «Счастливого пути!» — туда, и обратно: «Добро пожаловать!».

4. Самолетик

Но вот кольцевая автодорога накрыла поезд и схлынула — электричка пересекла городскую границу. Рельсы бежали дальше, в так называемое замкадьё. Об этом пространстве Тимоша не имел современного представления. Когда-то, очень давно, ему довелось провести месяц в загородном детском лагере. Везли их туда и обратно автобусами. Поселения, мимо которых проезжали дети, выглядели запущенными, олицетворяя тогдашний экономический кризис. В окрестностях лагеря были, конечно, и лес, и речка, очень красивые, но полные всякой плавающей и летающей гадости. На его территории еще оставались щиты с рекламой пионерского образа жизни; эти щиты при ветре падали детям на головы. Иногда из ближайшего городка слышались звуки стрель-

бы, и каждую такую ночь Тимошин сосед по палате онанировал под одеялом. Мальчик как мог прогонял тревогу. А когда всё это закончилось, уже дома, в Москве, мама нашла у Тимоши вшей.

Эти воспоминания всплыли по выезде из Москвы, но теперь они только мешали свежему восприятию. Замкадье неузнаваемо преобразилось. На станционных платформах, выкрашенных в голубое с белым, электричку встречали девушки в легких платьицах или обтягивающих штанишках. У девушек были татуировочки на тех или иных местах, а в руках они держали смартфончики или баночки с энергетиком. Пристанционные площади пестрели вывесками, а за ними высились заросли новостроек кукурузного цвета. Частные домовладения вдоль дороги были добротными и зажиточными; из-под яблонь и ив выглядывали широкие, рубиново инкрустированные зады машин. В полях представители среднего класса практиковались в верховой езде или, повязавшись банданами, устраивали покатушки на квадроциклах.

А наверху в попутном поезде направлении небо стриг прогулочный самолетик. Тоненький, невесомый, с татуировочками на фюзеляже, он беззаботно вертел пропеллером, не спеша уходить в отрыв. «Вот она какова, провинция!» — удивлялся про себя Тимоша.

5. Федюнино Московской области

В вагоне почувствовался запах хвои. Вдоль дороги сгущались ели — темные, рослые, мрачно-ватые с виду. «Настоящая дичь... — подумал Тимоша. — Здравствуй, батюшка Русский лес!» Он приготовился распрощаться с цивилизацией. Однако дремучий лес скоро опять поредел, перешел в неопрятный кустарник и кончился. Взгляду предстали холмистые выбритые поля, засеянные там и тут дачными поселениями. Поля пересекало шоссе, по которому в муравьином трафике двигались автомобили. Это шоссе с машинами и Тимошина электричка устремились в одном направлении — туда, где маячили над холмами очередные початки высоток. Это и было Федюнино.

Конечно, Тимоша был чужд предвзятости, но, положив руку на сердце, он выезжал из Москвы с заведомыми ожиданиями. Старый советский кинематограф, литература и папа с мамой сформировали Тимошины представления о провинции. Федюнино ему виделось патриархальным, пыльным и сонным уездным городишкой. Где главным транспортом остается мотоцикл с коляской; где на улицах можно повстречать козу, но трудно встретить трезвого мужика. Где девушки, пока свежи, гуляют под ручку с подружками и поют, но скоро выйдут замуж за местных пьяниц. От беспросвет-

ной жизни они превращаются в угрюмых баб. Правда, мужья-алкоголики не доживают до пенсии, но женщины сознают, что их годы вышли, и в виде старушек досиживают свой век на лавочках у калиток.

Девушку, к которой Тимоша ехал знакомиться, звали Люба, а по фамилии Новикова. Судя по резюме, замужем Люба Новикова не бывала и годы ее далеко не вышли. Втайне Тимоша представлял себя благородным рыцарем, спешащим избавить девушку от уготованной ей печальной уездной участи. С ним бы она не сделалась бабой. Тимоша бы не позволил ей отцвести до времени; он бы делал ей регулярный массаж и делился бы с ней своим культурным бэкграундом.

Однако Федюнино не соответствовало заготовленным представлениям. Здание станции было новое, даже с претензией на «хай-тек». Тимоша, как и другие приехавшие, прошел металлические турникеты и оказался на привокзальной площади. Вид ее был если и захолустный, то уж никак не сонный. Площадь была обставлена торговыми павильонами и закусокными. Машины и люди сновали по ней во всех направлениях. Машин было много, хороших и разных. Проезжали и мотоциклы — «чопперы» и спортбайки.

Прибывшие пассажиры растворились в привокзальной сутолоке, и только один Ти-

моша остановился в некотором недоумении. Вокруг него шевелилось и двигалось всё или почти всё. Две девочки неподалеку задумчиво объедали с палочек эскимо, видимо, в ожидании запokuпавшихся матерей. Тимошины представления об уездной действительности развеялись на этой площади, а новые еще не образовались.

— Куда едем, начальник? — спросил его подошедший деловитый тип.

Адрес лежал у Тимоши в кармане, но он вдруг подумал, что не готов еще встретиться с Любой Новиковой.

— Пока никуда.

— Ну-ну. — Тип цыкнул зубом и отошел.

— Пешочком пройдемся, — добавил Тимоша задумчиво.

Идея возникла сама собой. Прежде чем познакомиться с девушкой, он захотел познакомиться с городом. Это было бы даже правильно, в соответствии с его теорией о женщинах и среде обитания.

Стряхнув с себя временное оцепенение, Тимоша двинулся через площадь. У него оставалась еще надежда, что, углубившись подальше в улочки, он отыщет там что-нибудь книжно-уездно-патриархальное. Но сколько Тимоша ни углублялся, патриархального ничего обнаружить не удавалось. Конечно, он избегал скопищ многоэтажек, но даже и в частном секторе

строения были вполне современными. Ни почерневших столетних срубов, ни окошек с резными наличниками, с цветами и бабушками на подоконниках. Домики были обшиты сайдингом и смотрели на улицу без выражения стеклопакетами, скучными, как очки без оправы. И жилые, и прочие здания выглядели тонкостенными, быстросборными, возведенными наскоро и не надолго. Можно было подумать, что жители городка претерпели недавно стихийное бедствие и ожидали следующего. «Словно какая-то декорация», — недоумевал Тимоша. Он повстречал церквушку, но даже ее, казалось, дунь, и унесет ветром.

Так он бродил, изучая Федюнино, пока не почувствовал голод. В рюкзаке у Тимоши лежала коробочка с мамиными пирожками, взятая на всякий случай, но «сесть на пенек», чтобы их съесть, было и негде, и он стеснялся. Но ему повезло: вскоре он оказался на какой-то торговой улице. Здесь был магазин, называвшийся «Супермаркет», и много других магазинов и заведений, соблазнявших разнообразными предложениями — от свежего мяса до турпоездки в Египет и куда угодно. Был, между прочим, и салон массажа. «А как у них с мясом жареным?» — спросил про себя Тимоша и тут же увидел вывеску: «Отдохни». Обеды, отель, бильярд».

6. «Отдохни».

Гамбургер по-федюнински

Прочитав про «обеда», Тимоша решил рискнуть. Войдя в заведение, он и правда почувствовал запах кухни. Из общего небольшого холла можно было пройти налево, в бильярдную, или прямо, к стойке гостиничного ресепшена, или направо, в обеденный зал. Всё было в точности, как обещала вывеска. Ресепшеонистка за стойкой подняла на Тимошу глаза.

— Я туда, — кивнул он направо, и девушка потеряла к нему интерес.

Зал оказался не маленький, не большой: столиков на пятнадцать. Посетителей было не густо. Освободившись от рюкзака, Тимоша расположился за приглянувшимся столиком. Не успел он и оглядеться, как подошла официантка.

— Чикен, картофель фри, гамбургер по-федюнински...

Тимоша не приготовился.

— Подождите, простите, ээ...

— Татьяна. — Официантка ткнула пальчиком в бейджик, лежавший почти горизонтально на ее груди.

— Татьяна, а есть у вас что-нибудь, ну такое... наше?

— Щи могу предложить. Только надо спросить на кухне.

Официантка сходила на кухню и доложила, что всё «о-кей», только надо «чуток обождать», и что будут не щи, а борщ.

— Можем и обождать, — согласился Тимоша.

Он никуда не спешил, но и времени зря не терял. Из рюкзачка он достал коробочку с мамиными пирожками. Это выглядело не совсем прилично, но Тимоша решил, что здесь можно не церемониться, — все-таки он был в провинции. Один пирожок он выложил на салфетку и уже приготовился съесть, как вдруг на соседний стул плюхнулся какой-то дядька.

— Домашние? — спросил он, показывая на пирожки.

— Угощайтесь, — пробормотал Тимоша.

— Вот молодец! — похвалил его дядька. — Ты меня пирожком угостишь, а я... — жестом фокусника он откуда-то достал графин, — а я угощу тебя этим.

В графине плескался, по-видимому, коньяк.

— Нет, нет, нет... — замотал головой Тимоша.

— Брось, сейчас мы вторую стопку.. Танюша, эй!..

«Началось, — подумал Тимоша. — Это тебе не Москва».

Официантка выдала им вторую рюмку, и дядька, не мешкая, ее наполнил.

— Знаешь нашу федюнинскую поговорку? Сухой пирог во рту, он... ну это самое...

— Дерет, — подсказал Тимоша.

— Точно! — хохотнул дядька. — Давай за знакомство и всё такое. Меня, кстати, Толяном звать.

Разбитному Толяну на вид было лет пятьдесят. Он был одет в пиджак и спортивные штаны с кроссовками. Тимоша тоже представился, и они обменялись обоюдокрепким рукопожатием. После этого им уже невозможно было не выпить. Тимоша с Толяном, чокнувшись, опрокинули по одной, потом по другой и по третьей рюмке. Знала бы мама, что пирожки ее будут использованы как закуска! Жидкость в графине оказалась действительно коньяком, но Тимоша пил лишь из вежливости. Все-таки это был первый его контакт с живым, непрдуманым провинциалом. Хотя эта сцена с непрошеным угощением казалась Тимоше странной, он решил, что так проявляется местная простота нравов. После третьей выпитой рюмки Толян захотел беседовать.

— Стало быть, ты из Москвы... — полуспросил, полуконстатировал он.

— Оттуда, — кивнул Тимоша.

— Видишь... А мы федюнинские.

— Да? Ну как вы тут? Живете, и вообще?

Толян на секунду задумался.

— В принципе, зашибись. Смотри сам: гуляем, пьем коньяк, пирожками закусываем.

— А на коньяк-то откуда деньги? Наверное, на заводе хорошо платят?

— Кто его знает, как там на заводе платят...

Склонившись к Тимоше, Толян доверительно пояснил:

— Дурак только вкалывает на заводе, а мы зарабатываем друг на друге. Я с тебя счесал, ты с меня, и оба мы при деньгах.

— Какие-то непонятные тут у вас экономические отношения.

— Что тебе непонятно? Развиваем сферу услуг. Или мы хуже твоей Москвы?

Тимоша уже слегка захмелел, оттого и беседа казалась ему занятой. «Этот Толян, — думал он, — человек простой, говорит напрямик, не виляя».

Официантка Татьяна принесла борщ. Толян заказал еще коньяка и, очевидно из местного патриотизма, гамбургер по-федюнински. Разговор продолжался.

— Вот скажите, Толян, — поинтересовался Тимоша. — Я тут прошелся по городу и заметил, что у вас дома все недавно построены. А куда подевалась ваша историческая застройка?

Толян посмотрел на него не без гордости.

— Срыли к едрене фене! — ответил он. — Зашибись стало, правда? Взять хоть это вот «Отдохни» — не хуже отель, чем в Египете... ты там был? А знаешь, про между прочим, что раньше стояло на этом месте? Историческая пивнушка.

— Неужто?

— В натуре! Мы звали ее рыгаловкой. Только ты в ней пивка не попил бы. — Толян лукаво прищурился.

— Почему же?

— Да потому, что таких, как ты, от которых Москвой за версту разит, мы, федюнинские ребята, очинно не любили.

Тимоша поежился.

— Но теперь-то, надеюсь, всё изменилось?

— Теперь изменилось... — Толян вздохнул. — Теперь наступила толя... как ее... толиорантность. Амнистия, короче, всем. В Федюнине, если хочешь знать, теперь даже негр имеется. Чумазый, и водку пьет, и на бильярде играет — и ничего, только, когда ужрется, спотыкаемся об него ночью.

Борщ оказался съедобным, чикен с картошкой фри был такой же, как и везде в мире. Но плотная трапеза не спасла Тимошу от опьянения; он не помнил, чем кончился их разговор с Толяном. Официантка Татьяна то появлялась, то исчезала из поля зрения, всякий раз, когда он порывался с ней рассчитаться. Было ужасно глупо вот так без причины напиться. Это нелепое обстоятельство спутало ему все планы. Визит к Любе Новиковой откладывался до вырезвления.

Конечно, Тимоше в таком состоянии вряд ли бы удалось произвести благоприятное впечатление на Любу Новикову. Зато официантка Татья-

на проявила к нему снисходительное участие. Получив от него пятитысячную купюру, она сама отсчитала, что следовало, за обед и свое обслуживание, а сдачу сунула ему в карман.

— Кое-кому не мешало бы в койку, — заметила она деликатно. — Можете, если желаете, отдохнуть у нас.

— Можем и отдохнуть... — согласился Тимоша. — А потом на бильярде сыграем.

Поддерживая под локоть, Татьяна вывела его в гостиничный холл. Она же составила ему протекцию на ресепшене и сама проводила в номер. Тимоша был тронут ее заботой; он продолжал бормотать слова благодарности, даже оставшись уже один.

7. Предательство

Всякому пьяному надо проспаться — это общее правило. Как и советовала официантка, Тимоша улегся в кровать. Но что-то пошло не так в процессе его засыпания; сознание не выключалось полностью. Максимум, чего Тимоше удалось добиться, — это впасть в состояние полудремы. Как оказалось, отель «Отдохни» обладал чрезвычайной звукопроводностью. В номере были слышны и шумы ресторанной кухни, и стуки бильярдных шаров, и отрывистый мат бильярдистов. Здание всё беспрестанно поскрипыва-

ло и подрагивало оттого, что внутри него кто-то ходил, а снаружи ветер колебал стены. Как долго просуществует эфемерное заведение, что возникнет на его месте после того, как федюнинцы его «сроят»? Вместо того чтобы спать, Тимоша задавался пустыми вопросами. А что, если скрипы и колебания имели потустороннее происхождение? Может быть, это духи прежних федюнинцев здесь бродили, оплакивая свою «рыгаловку»? Полусонная мысль обращалась к историческим реконструкциям. Палеофедюнинцы представлялись Тимоше в образах мужиков, одетых на голое тело в засаленные пиджаки. Они пили водку с пивом и постоянно осматривались в поисках чужаков. Если же чужаков поблизости не обнаруживалось, мужики устраивали побоища между собой.

Польза фантазий в том, что они отвлекают от настоящего, особенно если оно безрадостное и постыдное. Вот кое-кто поехал за шестьдесят километров, чтобы познакомиться с девушкой, а вместо этого назюзюкался с первым встречным Толяном. И теперь он лежит на кровати в шатающейся гостинице и тем только утешается, что его не вытошнило.

А недостаток фантазий в том, что они всегда уступают место реальности. Когда наконец Тимоша осознал, что уснуть у него не получится, то решил освежиться действием. Он поднялся с кровати, обулся, умылся, проверил свой коше-

лек. Тимоша не знал, куда направляется, — лишь бы прочь от навязчивых рефлексий. Однако, спустившись по лестнице в холл, он был вынужден определиться. Теперь от него бильярдная оказалась справа, а обеденный зал слева. Прямо была входная дверь, открывавшаяся в Федюнино; где-то там ждала его Люба Новикова, о которой сейчас не хотелось думать. «Задача — взбодриться, — подумал Тимоша. — Надо, наверное, выпить кофе». И он повернул налево.

В обеденном зале к вечеру прибавилось посетителей; было шумно, играла музыка. Федюнинцы взбадривались блатным шансоном и алкоголем. Тимоша не без труда отыскал свободное место и присел, высматривая официантку. Она появилась довольно скоро — это была всё та же Татьяна. Официантка заговорила с Тимошей по-дружески, неофициально:

— Что, уже отдохнул?

— Можно и так сказать, — неуверенно ответил он. — Чего-то такого хочется... Скажем, кофе покрепче.

— Кофе у нас растворимое.

— Ну конечно. А чай в пакетиках... — Он вздохнул: — Что-то у вас в Федюнино всё какое-то ненатуральное.

— Ну почему, — возразила Татьяна. — Кое-что натуральное у нас имеется.

— Что, например? — Тимоша поднял на нее глаза.

— Например, я сама, — без улыбки ответила официантка. — Я сама целиком натуральная.

Она подкрепила свои слова легким покачиванием бюста.

— И можно проверить? — чуть удивившись, спросил Тимоша.

Татьяна склонилась к самому его уху:

— Если позовешь в гости.

— Зову, — не раздумывая, ответил он.

В кофе нужды уже не было — сердце забилось само собой. Неожиданно для себя Тимоша заказал коньяку — скорее всего, из соображений имиджа. Татьяна сказала: «О-кей» — и отплыла на волнах шансона.

Но не успел Тимоша проводить ее взглядом, как объявилась другая знакомая ему фигура. Это пришел Толян, с которым они выпивали и который, похоже, с обеда не отдыхал. Наступила Тимошина очередь угощать Толяна. И снова Тимоше не хотелось пить, и снова он поднабрался. Но так было даже лучше, потому что хмель заглушал голос совести. С Любой Новиковой было всё кончено, даже и не начавшись; если она сегодня потратилась на угощение и парикмахерскую, то напрасно.

Однако на этот раз Толян не исчез в алкогольных парах, а заманил Тимошу в бильярдную. Здесь Тимоша имел знакомство с другими аборигенами, включая афрофедюнинца, упомянутого за обедом. Местные были вполне друже-

любны, только во время игры отчаянно матерились. Многие были не прочь обыграть Тимошу, но удовольствием этим Толян поделился лишь со своим приятелем негром. Эти двое за пару часов ободрали Тимошу вчистую.

— Мольдес! — чернокожий хлопал его по плечу и смеялся своим негритянским, как бы простуженным голосом.

Впрочем, когда наличные у Тимоши кончились, оба новых его товарища потеряли к нему интерес. После этого не оставалось ничего другого, как вернуться в свой номер, принять отрезвляющий душ и ждать последнего приключения на сегодня.

Он был уже у себя, когда позвонили родители. Папа спрашивал, всё ли у него в порядке и не едят ли его комары. Тимоша ответил, что комары его не кусают, и в остальном всё тоже более или менее. Слышно было, как его слова папа передает маме. Родители могли спокойно ложиться спать, но Тимоше рано было об этом думать. В любую минуту к нему могла постучаться Татьяна, если, конечно, она не передумает и не поступит с ним так, как он поступил с Любой Новиковой.

Тимоша заглянул в бумажник — просто так, безо всякой надежды. Там оставалась кредитка, московский «единый» и билетик на электричку, взятый предусмотрительно в оба конца. Путешествие получалось столь же затратным, сколь

ко и бесполезным. Тимоша был очень разочарован; такая провинция ему не нравилась. Да и была ли это подлинная провинция? Похоже, «федюнинские ребята» даже и не заметили, как «московские» их победили. Конечно, не на бильярде, а в экзистенциальном смысле.

Федюнино обмануло Тимошины ожидания — что ж, он в отместку обманет Федюнино. Этой ночью не будет ни сантиментов, ни откровений души, ни романтических обещаний. Он встретит Татьяну как мужественный варяг, как закаленный постельный воитель. А завтра Тимоша без церемоний простится с Федюнино и федюнинцами. Он уедет от них неузнанный, и пусть им останется от него только его личность.

8. Сон Любы Новиковой

Тем же вечером в том же Федюнино ужинали две женщины — одна помоложе, другая постарше. Они приступили к еде, когда за окнами уже стемнело. После заката вредно принимать пищу, но у женщин была уважительная причина. Они до последнего часа ждали московского гостя, который так и не появился. Оттого, что ужин готовился на троих, и по причине переживания обе женщины съели лишнего.

— А я тебе говорила, — твердила старшая. — Что за блажь знакомиться через компьютер?

– Мама! – со стоном отвечала младшая.

И они отрезали себе еще по куску торта.

– Мы с твоим покойным отцом повстречались на семинаре по бухучету. А тебе и того удобнее: каждый день пациенты, знай выбирай, который тебе понравится.

– Мама!

Женщины не считали поглощаемые калории; ели, не чувствуя удовольствия, только чтобы подавить раздражение. А сердились они друг на друга, потому что больше сердиться им было не на кого. «Неудачница, интернетчица! – сокрушалась старшая про себя и вслух. – Мне бы твои молодые годы!» А младшая находила старшую примитивной личностью. Знакомиться с кем-то в процессе зубоврачебных манипуляций казалось ей так же неромантично, как и на семинаре по бухучету. Женщины с двух сторон поедали торт, который был им обеим одинаково противопоказан.

После ужина, вымыв и перетерев посуду, они разошлись по комнатам. Позже, уже в халате, младшая ходила в ванную и стрекотала там ирригатором. Ей ли было не знать, как важна гигиена ротовой полости. Завершив положенные процедуры, она заглянула в комнату к старшей, чтобы попрощаться на ночь. Та смотрела по телевизору пошлый отечественный сериал.

День для женщины выдался не из лучших. Но что бы ни случилось в жизни, спать, ко-

нечно, необходимо. Это единственный способ восстановить поврежденное биополе. Первая фаза — так называемый глубокий сон, вторая — быстрый, со сновидениями. Этой ночью женщине снился какой-то ее пациент — мужчина с заплаканными глазами и слюноотсосом во рту.

— Неужели так больно? — спрашивала она его.

Но пациент отрицательно мотал головой.

— Тогда почему вы плачете?

— Не жнаю... — отвечал он.

Женщине не впервой было видеть плачущего пациента, но в эту минуту, во сне, ей тоже хотелось плакать.

Глава третья: Алена

1. Рецессия

И потекла его жизнь по-прежнему: овсянка, работа, исландский кинематограф, женщины для массажа. Москва простила Тимоше отлучку или даже ее не заметила. Он и сам бы хотел стереть федюнинский эпизод, удалить навсегда из памяти. К сожалению, мозг человека не форматируется, как жесткий диск. Хорошо, что свое приключение он сохранил в секрете, так что его недоезд к Любе Новиковой вышутить было некому.

И в окружающей, внешней действительности тоже не было ничего веселого и занимательного. Из-за жары тем летом в обществе чувствовалась апатия, то есть отсутствие определенных чувств. В экономике государства сделалась не-

большая рецессия, отчего в Москве сократилось строительство, отчего в Проектной организации, где Тимоша работал, подвисли заказы и замерла трудовая деятельность. Но безделье приятно только тогда, когда отлыниваешь от работы; если же работы нет, то безделье само превращается в тяжелый труд.

Начальник Проектной организации принимал усилия. Жертвуя своим здоровьем, он ходил на деловые ужины с заказчиками и городскими чиновниками. Вследствие этих ужинов по утрам начальник бывал недоступен ни для кого, кроме секретарши Маечки, которая приносила лед. Однако сотрудники организации верили в его звезду. Их начальник считался заметной фигурой в области градостроения.

Надежда на лучшее будущее помогала сотрудникам проживать никчемное настоящее. В комнате, где Тимошино подразделение убивало время, единственным, кто работал, был кондиционер. Компьютеры-макинтоши светились попусту, даже не шевеля ядрами своих процессоров. О том, что когда-то кто-то здесь занимался делом, напоминали развешанные по стенам планшеты с эскизами бывших проектов и пенопластовый макет застройки, частично уже попорченный и пылившийся на столе в углу.

Рабочее помещение было общее, не разгороженное на клетушки. Можно было бумажную «галочку» пустить беспрепятственно через всю

комнату. И не беда, если «галочка» прилетит на стол к шефу Розкинду. Руководитель подразделения был человеком мягким и либералом во всех отношениях. В неслужебное время Розкинд принадлежал к ЛГБТ-сообществу.

В неразгороженной комнате было видно, кто из сотрудников чем занимается. Конечно, по большей части они не пускали «галочек», предпочитая интеллектуальные формы безделья. Одни вышивали на пяльцах, другие зачитывались Бегбедером и Уэльбеком (который тоже не сорт сыра). Кто-то обменивался рецептами интересных блюд, кто-то без цели и устали множил графические фантазии. Тимоша в компании двух коллег и самого шефа Розкинда расписывали нескончаемую партию в преферанс. Играли, как говорится, «на интерес», хотя особенного интереса никто из них не испытывал.

День за днем проходили, не принося новостей. И вот неожиданно, в самый разгар служебных досугов, к ним нагрянул начальник организации. Карты, вязанье, французские книжки — всё полетело в столы. Сотрудники приготовились получить взбучку. Но восставший с похмельного одра начальник явился к ним не с инспекцией.

— Коллеги, наострите уши, у меня архиважное сообщение, — объявил он.

Они и сами догадывались, что сообщение будет важным, потому что с неважным началь-

ник прислал бы Маечку. Сотрудники предположили, что он выбил-таки заказ и что им придется опять привыкать к работе. Однако они ошибались.

— В этот четверг, коллеги, у Марика состоится персональная выставка. Кто такой Марик, вы знаете. Приглашаются все желающие. Кто не придет, будет уволен.

Последние слова начальника были шуткой. Мариком звали сына начальника, начинающего художника; полное имя его, наверное, было Марк. Сотрудники оживились; кто-то спросил, будут ли на вернисаже подавать напитки.

— Будут, — ответил начальник, поморщившись. — Пропади они пропадом, эти напитки.

2. Вид на Москву с высоты пентхауса

Марик не заслужил пока ни взрослого имени, ни имени в мире искусства. Но фамилия у него была известная, правда, в области градостроения. Поэтому на его выставке собралась главным образом градостроительная общественность. Зато уж сам вернисаж был устроен в наилучшем виде. Папа для Марика снял замечательную галерею — в центре Москвы, в пентхаусе, с выходом на террасу. Если кому-то из посетителей надоедало разглядывать Марико-

вы произведения, можно было пройти на террасу и полюбоваться городом. Надо сказать, что этим удобством воспользовалось большинство гостей. С рюмкой в руке и с канапе в другой они откочевывали на крышу, где и курить позволялось, и разговаривать на любые темы. Разумеется, перед этим все успевали принести свои поздравления папе и самому Марику.

— Успех, несомненный успех! — говорили гости. — Место для выставки выбрано замечательно.

Мама Марика тоже присутствовала на вернисаже, однако на поздравления не реагировала — она наблюдала за тем, как со стола с напитками убывают бокалы и канапе.

Тимоше труда не составило определить среди прочих виновника торжества. В яркой рубашке навыпуск, с кипой на голове взамен артистического берета, Марик был очень заметен. Тимоша пожал ему руку и что-то сказал приятное. После этого можно было с чистой совестью идти к напиткам. Вообще-то, наверное, следовало осмотреть Мариковы работы, почитать аннотации к ним, но Тимоша решил, что это необязательно. Стесняясь Мариковой мамы, он все-таки взял со стола бокал, подцепил канапе и последовал на террасу.

Из искусственной прохлады зала Тимоша попал непосредственно в тропосферу. Густой, нефильтрованный московский воздух объял его

духотой. Над террасой витал смешанный аромат соусированного табака, горьких дамских вечерних духов и взопревшего за день города. Здесь уже посетители чувствовали себя раскованно. А для чего же и было им сюда приходить — для того, чтобы встретиться со знакомыми, пообниматься, поохотать, посплетничать. Как сказала бы Тимошина мама, они были люди одного круга.

Но Тимоша был не настроен ни с кем обниматься и сплетничать. Он подошел к перилам и стал смотреть на Москву. Терраса располагалась выше многих окрестных крыш. Всякий, кто здесь стоял, мог ощутить себя соразмерным городу, совеличественным ему. Но большинству собравшихся это было не нужно; опершись о перила задками, люди покуривали и судачили. «Можно подняться на самый верх, но над собой не возвысишься», — думал про них Тимоша. Размышления привели к тому, что он уронил свое канапе. Перегнувшись через перила, Тимоша искал его место падения, но с большой высоты разглядеть не смог. Город слопал его канапе. Впрочем, Тимоша отнесся к этому философски — снова приняв байронический вид, он допил свой бокал без закуски.

Теперь ему показалось довольно глупо стоять одному и с пустым бокалом. Он не был уверен, что Марикова мамаша позволит ему повторить, но всё же решил рискнуть. Пробираясь через

толпу гостей, запрудивших террасу, Тимоша заметил несколько знакомых лиц. Был тут, конечно, и шеф Розкинд, который ему приветливо помахал рукой. Но Розкинд стоял не один, а уже тусовался в компании нескольких джентльменов. Все повернули в Тимошину сторону элегантные бородки-снобки, но ему нужны были не собеседники, а второй бокал. Из другого кружка, женского, Тимоше сигнализировала секретарша Маечка взмахами накладных ресниц. Словом, дорога к столу с напитками оказалась не так проста. Зато, добравшись до цели, Тимоша удачно сумел ухватить предпоследний бокал. Марикова мамаша ему ничего не выразила — то ли глаз у нее замылился, то ли Тимоша зря вообразил ее жадиной.

Но на террасу он больше не возвращался. Там пришлось бы в конце концов примкнуть к какой-нибудь из компаний, а он уже сыт был обществом даже и без общения.

3. Кислородная недостаточность

Покинуть собрание незамеченным было совсем несложно, ведь и его присутствие мало кто замечал. Вычтя себя из общества, оставшегося на вернисаже, Тимоша спустился на землю и приплюсовался к армии пешеходов. Воздух улиц был гуще, чем на террасе пентхауса,

зато здесь не требовалось ни с кем любезничать. Вместе со всеми Тимоша перебирал ногами, без любезностей и без рефлексий, только покуривая на ходу. Пешеходы струились по тротуарам, как прогоняемые отары, а на проезжей части всхрапывал, напирая, крупный колесный скот. Москвичи, утомленные знанием, стремились в покойные стойла, и лишь непотеющая молодежь жаждала развлечений. Когда-то Тимоша и сам был молодым и веселым, но теперь он принадлежал к утомленному большинству. К тому же он на сегодня свое развлечение получил.

Затем, спустившись еще ниже, Тимоша оказался в метро. Войдя в свой вагон, он наметанным глазом выискал себе местечко, а усевшись, мгновенно оцепенел. Душа пассажира метро путешествует с телом врозь. Покуда она блуждает где-то, в местах, ей одной известных, тело качается в такт с вагоном, спит или смотрит перед собой невидящими глазами. Этот бездумный взгляд может пасть на коленки сидящей напротив женщины, а она как будто и не заметит. Только ее коленки, поерзав, сильнее прижмутся друг к дружке.

В эти минуты Тимоша понятия не имел, куда смотрят его глаза. Он думал о вернисаже и Марике, начинавшем, а может быть уже закончившем, свой путь в искусстве. Возможно, итогом его карьеры станут как раз буклетики с этого

вернисажа. Настоящий талант, полагал Тимоша, должен созревать непублично, без выдаваемых наперед авансов. Он судил не абстрактно, потому что был тоже причастен к творчеству, только литературному. Сам Тимоша созревал правильно: он писал регулярно и как прозаик, должно быть, рос, но никогда никому не показывал своих текстов.

Между тем его тело доехало до нужной станции. Оно вышло из поезда и, поднявшись на эскалаторе, высадилось на поверхность. Только вдохнув знакомую теплую газопылевую смесь, Тимошино тело воссоединилось с его сознанием.

Кислорода в московском воздухе было решительно недостаточно. Недостаток О-два плохо сказывается на работе мозга. Тимошу в тот вечер расстроили и раздосадовали папа с мамой. Они допрашивали его в подробностях о Мариновом вернисаже. Дело в том, что хотя родители и не знали самого Марика, но отдаленно когда-то были знакомы с его отцом.

— Что значит, юноша занят делом, — одобрительно заметил папа. — Такой молодой, а уже известность.

— Да, да, — закивала мама. — Именно делом, а не сомнительными развлечениями.

— Если бы ты, — продолжал папа, — вместо сомнительного массажа тоже как-то себя применил, скажем, в живописи или графике...

— Или хотя бы завел семью... — вставила мама.

— Или завел бы семью, — согласился папа.

— То было бы что? — хмуро спросил Тимоша.

— Мы бы тебя уважали больше.

На том разговор и закончился. Сегодня родителям изменило чувство меры и такта, и за это Тимоша их наказал, лишив вечернего кинопросмотра.

Всю оставшуюся часть вечера он провел в своей комнате, выходя лишь затем, чтобы выкурить сигарету. Когда наступила ночь, небо над городом потемнело, будто запекшись коркой. Воздух не сделался ни свежее, ни чище; Тимоша глотал его вместе с сигаретным дымом. В соседних домах из окна в окно бродили голые потные люди. Внизу на стоянке последний автомобиль устало тыкался рылом в бордюр. Под фонарем догуливала собака, уже еле вскидывавшая свою лапу. В удушающем сумраке завершался еще один суточный цикл жизни; город впадал в забытие, как не раскованный на ночь каторжник.

Этой ночью Тимоше даже не хотелось прозы, да и вряд ли он был способен написать что-то стоящее. Мыслей не было в голове — лишь, как бродяги в заброшенном доме, образы без порядка. Мелькали то Марик в кипе, то вилка в руке у папы, как указующий жезл. Градостроители в бородках-снобках, пугливые коленки

женщин, даже эта собака, мочившаяся на фонарь, — всё могло пригодиться, найти свое место в тексте, но только не этой ночью.

4. Девушка в сарафане

Изредка так бывает, что утомленный мозг, закрывая дневные свои программы, не может завершить работу. Уже отключился анализ и потеряно управление умственными процессами, но пока не придет покой, это еще не сон. Разум парализован, некому охранять границы сознания, и человек грезит. Образы и фантазии самосевом распространяются в голове.

Этой и безвоздушной, и беспокойной ночью вместо нормального сна у Тимоши случилось видение. Не напрягая воображения, он из Москвы, угнетаемой жарким антициклоном, неожиданно перенесся куда-то в альтернативную сельскую местность. Он увидел подлунные доли, залитые туманом, и глянцевитые травы, и рощи, мерцающие листвой. Не вставая с постели, Тимоша словно бы задышал немосковским, полным ионов воздухом. Иллюзия овладела всеми органами восприятия. Живительная прохлада остудила и взбодрила тело. Явственно чувствовался пряный запах — должно быть, это пахло сено. В темноте раздавались трели неведомых насекомых. Реальность, в которую он по-

пал, была поэтична и безупречна экологически, но всё же чего-то в ней не хватало. Впрочем, едва он об этом подумал, как недостаток восполнился. В свете луны показалась девушка, не худая, не полная, в ситцевом сарафане с высокой талией. Черты лица ее были издали неясны, но чувствовалось, что прекрасны...

И на этом видение оборвалось. Слишком сильное впечатление снова запустило мозг. Тимоша, вернувшись к реальности, был очень разочарован, хотелось назад, к этой девушке. Но тут его осенило: ведь то, что ему пригрезилось, где-то существовало на самом деле! В то время как он теребил усталое воображение, пытаясь оживить фантазию, девушка в сарафане где-то ждала его во плоти. А раз это было так, значит и действовать требовалось практически. Вместо бесплодных мечтаний надо было опять поднять картотеку провинциалок. Только стоило поискать где-то подальше Федюнино.

Так к Тимоше пришло решение, а вместе с ним и пришел покой. Немного еще поразмышляв, он заснул обычным порядком.

5. Из Москвы, из Москвы...

Если наутро вы вспомните о решении, принятом накануне, значит, это судьба. Тимоша не только вспомнил, но еще дополнительно укрепил

пился в своем решении, услышав прогноз погоды. Похоже, Москве предстояла участь забытой в духовке пиццы. Поиски следующей провинциалки Тимоша инстинктивно соединил с поисками прохлады. В этом смысле было естественно мониторить северное направление. Поставив себе задачу, Тимоша отправился в облако и сразу понял, что дело за девушками не стало. К северу от Москвы их проживало ничуть не меньше, чем в любом другом направлении. Гораздо труднее было девушку сочетать с местностью в надежде на воплощение вчерашней ночной фантазии. На спутниковой фотокарте было множество болот и речек, обещавших ночные туманы, однако девушки предпочитали жить в населенных пунктах, обеспеченных Интернетом. Наконец Тимоша нашел если не полное совпадение, то, как ему показалось, приемлемый компромисс.

Город звался Бобры, и, правду сказать, его нельзя было отнести к сельской местности. Википедия сообщала, что в нем даже ходили троллейбусы. Однако промышленное производство, способное портить воздух, здесь прекратилось в процессе деиндустриализации. И главное, девушка, та, с которой Тимоша теперь собирался знакомиться, жила на самой окраине. Судя по карте, сразу за ее домом уже начинались какие-то пустыри и кустарник. Девушку звали Алена — чудесное имя, когда оно собственное,

а не придуманное промоутерами для пошлых певичек и делательниц бестселлеров. Но эта Алена, конечно, жила далеко от промоутеров. Правда, Тимоше она писала, что хочет приехать в Москву, чтобы поднять свой культурный уровень. Даже пришлось ее уговаривать сделать наоборот, то есть принять Тимошу у себя в Бобрах. Девушка согласилась, но попросила сообщить номер поезда и вагон, в котором он к ней приедет. Таким образом, предварительные прогулки по городу заранее исключались. «Алена любит определенность», — думал Тимоша, глядя на ее портрет. Он пытался вообразить ее в сарафане.

6. Разговор с родителями

На сей раз ему предстояло настоящее путешествие — не электричкой, а дальним поездом. Тимоша даже решил отпроситься у Розкинда на понедельник. Впрочем, это проблемы не составляло, гораздо сложнее было отпрашиваться у родителей. Папа с мамой, которые ничего не знали о Тимошиных разысканиях по женской части, были, конечно, шокированы. Правда, их изумляло больше не то, что он едет к женщине, а то, куда.

— Зачем тебе эти Бобры? — недоумевал папа. — Москва — колоссальный город, здесь

несколько миллионов шансов встретить прекрасную девушку.

— Всё это очень странно, — вторила ему мама. — И подозрительно. Что общего может быть у тебя с Бобрами? А знаешь ли, что пауки раскидывают свои сети именно в самых темных углах?

— Мама, какие углы! — отбивался Тимоша. — Мы познакомились с девушкой в Интернете, это всемирная паутина, и все так делают.

Родительские волнения начались до вечернего выпуска новостей, а после него продолжились. Мама порывалась даже ехать с Тимошей вместе, чтобы самой увидеть, во что он ввязался. Но это совсем уже было бы Бобрам на смех. Тимоша показывал маме с папой Аленино резюме с портретом и статью в Википедии о Бобрах. То и другое не слишком их впечатлило, но слегка успокоило. В итоге пришли к тому, из чего, по идее, следовало исходить. Мама с папой торжественно объявили, что полагаются на Тимошино благоразумие.

7. На вокзале

Все поезда в России идут в Москву, а поскольку Тимоша уже в ней жил, он и не помнил, когда путешествовал поездом дальнего следования. Но о том, что это такое, он имел представле-

ние из Интернета и старых советских фильмов, где много сцен происходит в вагоне поезда. Тимоша, конечно, знал, что вагоны бывают разные — от «сидячего» до купейного. Ехать ему предстояло на среднее расстояние, поэтому он и вагон выбрал средней комфортности, то есть плацкартный. На сайте железной дороги Тимоша приобрел электронный билет — заключил с ней контракт на перевозку себя в Бобры. Кибербилет он распечатал для предъявления на вокзале и обмена на настоящий.

Наконец наступила пятница, день отъезда. Еще эту пятницу можно было назвать днем складывания рюкзака — складывания, вытряхивания и повторного складывания. Сам отъезд приходился на поздний вечер. Чтобы утром прибыть в Бобры, Тимоша должен был из Москвы выбыть ночным поездом. В организационном смысле это было рационально, но психологически как-то грустно. У покидающего свой кров на закате солнца сердце просто не может не дрогнуть.

Тимоша уже в метро почувствовал собственную отделенность. В это время среди пассажиров большую часть составляли припозднившиеся трудовоголики. Измученные мечтами о карьерных лифтах, трудовоголики разъезжались по «спальникам». Креатив в их глазах простыл; гаджеты выпадали у них из рук. Всех себя отдали они в своих офисах, а значит, отдали себя

Москве, самому офисному из городов. Тимоша смотрел на людей, опоеанных жарой и усталостью, и понимал, что сегодня он им не брат.

А скоро он окончательно распрощался с городом. Пройдя через врата вокзала, Тимоша ступал в иной, железнодорожный мир. Чтобы стать полноправным его обитателем, необходимо было выправить себе билет. После этого человек получал звание пассажира, доступ в зал ожидания и право пользования туалетом. Тимоша решил воспользоваться этими привилегиями — из интереса и просто по обыкновенной надобности.

В зал ожидания он вошел сквозь обязательные антитеррористические воротца. Интерьер помещения был, конечно, антивандалный и состоял в основном из скамей «анатомической» формы. Но анатомия этих скамей, похоже, не соответствовала человеческой — пассажиры в них принимали самые странные позы. Те, кто сидел давно, выглядели уже бесформенными кулями. Зал в основном наполняли провинциалы, это было типичное сборище провинциалов. Люди шикали своим детям и пугливо косились на камеры наблюдения, натканные тут повсюду. Тимоша окинул провинциалов доброжелательным взглядом и проследовал к двери с изображением мужской фигуры.

Опровергая стереотипные представления обо всем вокзальном, туалет оказался чистым

и оснащенным технически. Дизайнерские писсуары сияли снаружи и изнутри; они то и дело сами себя ополаскивали и негромко урчали, словно переговариваясь между собой. Рукомойные краны срабатывали автоматически. Жидкое мыло, бумажные полотенца — казалось, взыскательному посетителю здесь не на что было сетовать. Однако не все в туалете выглядели счастливыми. Провинциалы робели и озирались в поисках телекамер. Какой-то мужчина, Тимошин случайный сосед, поделился своей проблемой.

— Не получается, хоть ты что. Хочется, а никак.

— Сочувствую, — сказал Тимоша.

— Тут у них... — сосед заговорщицки понизил голос, — тут у них всё тотально под наблюдением. Каждый толчок просматривается.

Тимоша не захотел развивать беседу. Он отошел к рукомойнику, а мужчина обратил свои жалобы к писсуару.

И в эту минуту во всем туалете раздался женский официальный голос, который и правда мог напугать. Покрывая все остальные голоса и звуки, он объявил начало посадки на поезд Москва — Бобры. Тимоша поторопился к выходу.

Табличка со стрелкой и надписью «К поездам» отъезжающих направляла во внутренний двор вокзала. Он служил возглавием для перронов и местом, где пассажиры могли почи-

тать табло и подумать или побегать туда-сюда, волоча за собой колесные чемоданы и сталкиваясь друг с другом. Здесь уже ощущался индустриальный запах и чувствовалось присутствие больших машин. За человеческим гомоном слышался лязг металла, свистки маневровых локомотивов и тяжкое бормотание их моторов.

Тимоша прекрасно сориентировался. Тогда как многие пассажиры суетились и нервничали, он без труда отыскал свой поезд и уверенным шагом направился вдоль состава, отсчитывая вагоны.

8. Отправление

Поезд оказался фирменный. У вагонных дверей пассажиров встречали приветливые проводницы. Крепконогие, в туго сидящей форме, они были скроены на один лад, будто их отбирали по кастингу. Возраста женщины казались среднего, но если их построить рядом, вполне бы сошли за какой-нибудь чуть перезревший ансамбль железнодорожной пляски.

— Проходи́ть... Проходи́ть... — Оканье проводницы производило впечатление провинциального простодушия. Но когда Тимоша показывал ей билет, то поймал на себе опытный женский взгляд.

— Проходить, — пригласила его проводница, как и других пассажиров, но ему показалось, что для него голос ее прозвучал теплее. Тимоше на миг припомнилась федюнинская Татьяна, но только на миг; в следующую секунду он и думать о ней забыл.

Время настало знакомиться с внутренним устройством вагона. Жилые отсеки в нем были открыты, словно киношные декорации со снятой стенкой. У Тимоши возникли ассоциации. Казалось, вот-вот увидишь каких-нибудь комсомольцев, отправляющихся на всесоюзную стройку. Советская молодежь запекает что-то бодрое под баян, а в соседнем отсеке женщина кормит младенца грудью, они едут в эвакуацию. А еще через стенку заслуженный партработник пьет коньяк с красивой вдовой. У него на груди депутатский знак, на ней романтический газовый шарфик — двум людям, изведавшим жизнь, выпало встретиться в поезде. А вот и Тимошино место.

Он обнаружил в своем отсеке всамделишную молодежь, разумеется без баяна. Юноша с девушкой, сидя бок о бок, тыкали уже вовсю пальцами каждый у себя в смартфоне. Друг с другом они не общались, но все-таки, видимо, составляли пару. Вдруг у девушки что-то произошло в ее виртуальной реальности.

— Вау! — пискнула она вслух.

Юноша покосился на ее экранчик и с усмешкой сказал:

— Подумаешь...

Отодвинув оконную занавеску, Тимоша обозрел перрон. Проводница стояла еще снаружи, должно быть, на всякий случай. Тимоша прикинул, что если в вагон больше никто не сядет, в его отсеке останется свободная полка. Ему захотелось вдруг, чтобы так оно и случилось. Полка Тимоше была не нужна, но отсутствовавший пассажир представлял собой неизвестность и потому внушал смутное беспокойство. Наконец проводница исчезла из виду — наверное, перебралась в тамбур. Тимоша взывал про себя к далеким водителям поезда, и они его словно услышали — бесшумно, вначале почти незаметно, перрон за окном поплыл. Так бывает, когда закружится голова: справа налево двигались все фонари и урны и люди шагали спиной вперед. Но с головой было всё в порядке, всё вообще складывалось замечательно. Четвертый сосед в отсеке так и не появился; с души у Тимоши отвалился камень.

9. Поезд Москва — Бобры

Всякому, покидающему Москву железнодорожным способом, с ней еще предстоит нескончаемое расставание. Лучше, когда прощание

происходит ночью; «нуар» придает Москве недостающую ей загадочность. Ночь натекает в Москву, а та в свою очередь распространяется далеко во тьму. Границы теряются; город делается безмерным, не уместаясь ни в рамке окна вагона, ни даже в пределах воображения. Ночью Москва разрастается во Вселенную и, как Вселенная, видима только в некоторых своих частях. Тимоша всматривался в Москву сквозь двойное стекло и призрачное отражение самого себя.

Юные его попутчики, кажется, тоже заметили, что поезд уже в пути. Они развернули и съели каждый по вафельному батончику, запив его баночкой газировки. Подкрепившись, молодые люди не разошлись по полкам, а только подобрали ноги и завесились простыней. «Экая дружная парочка», — подумал Тимоша. Сквозь простыню опять засветились два маленьких зарева от экранчиков.

Пассажиры в других отсеках тоже располагались и обустроивались. Стуки полков и голоса доносились будто сквозь вату из-за вагонной акустики. Выглянув в коридор, Тимоша увидел в конце его очередь в туалет. Хорошо, что этот вопрос он для себя решил еще на вокзале.

Постепенно, однако, шум и хождение по коридору стали менее интенсивными. Большинство пассажиров утомилось. Проводница убила общий свет. А Тимоша до этого времени

даже не разобрал постели. Спать ему не хотелось. После того как в окне истаяла наконец Москва, он ощутил нужду, впрочем, не связанную с туалетом. Пошарив в своем рюкзачке, Тимоша достал сигареты и выбрался из своего отсека. Пол вагона погуливал под ногами, делаясь с ним толчками рельсов. Для Тимошиных плеч коридор был довольно тесен, вдобавок из некоторых отсеков торчали ноги. Уклоняясь от этих ног, Тимоша двигался в сторону тамбура. В отсеках, которые он миновал, пассажиры по большей части спали или взаимодействовали со своими гаджетами. Никто не играл на баяне и никто не вел пресловутых вагонных бесед. Только в одном отсеке он обнаружил компанию, но, конечно, никак не похожую на стройотряд. На столике в том отсеке стояла бутылка виски, по сторонам от которой сидели и полулежали мужчины в фасонных бородах. Они разговаривали и смеялись, и бородки их шевелились.

Добравшись наконец до тамбура, Тимоша был сильно разочарован. Он надеялся покурить в одиночестве, а нашел филиал всё той же компании. Такие же два мужчины с бородами баритонили на весь тамбур. С ними была и женщина, без баритона и бороды, но очень самоуверенная. Говорили о монастырской архитектуре; при этом мужчины старались теснее прижаться к женщине, а она была крайне

увлечена беседой. Женщина была нестара, недурна собой и не очень трезва и потому высказывалась с большим апломбом. Из их разговора Тимоша понял, что эти люди — московские архитекторы, которые, как и он, направлялись в Бобры осваивать тамошние достопримечательности.

Находиться в чужом дыму было невыносимо. Едва докурив свою сигарету, Тимоша поспешил прочь. Но, выйдя из тамбура, он наткнулся на проводницу, опорожнявшую мусорный ящик. Сейчас она не была приветлива, хотя и по-прежнему окала.

— Ходят и ходят, — ворчала она. — Московские, одно слово...

Тимоша вернулся к себе в отсек. Не зажигая света, он разобрал постель и лег в полной уверенности, что не заснет. Откуда ему было знать, что в поезде человек засыпает быстрее, чем где-либо. Вагон на ходу покачивался и поскрипывал; колеса его с приятным рокотом бежали по бесконечным рельсам...

Но легкое усыпление не гарантирует легких снов. В поезде они часто смешиваются с явью; вспышки света, толчки и стуки провоцируют сны в духе экшен. А во время стоянок, когда наступает внезапная тишина, пассажир как раз просыпается. Лично Тимоше приснилось, что кто-то напал на поезд Москва — Бобры. Он услышал сердитые, возбужденные голоса, и ему

показалось, что их состав захватила какая-то банда. Впрочем, даже во сне Тимоша анализировал. Он подумал, не просыпаясь, что бандитские времена давно прошли, а наверное, в поезде ловят обыкновенного жулика. Мама о них Тимошу предупреждала.

Но он и здесь ошибался. Жулики в поезде Москва – Бобры если и были, то спали, и их, конечно же, никто не ловил. А скандал, который Тимоша неправильно интерпретировал, произошел по вине архитектурных туристов. Они разговаривали слишком громко и постоянно ходили в тамбур. Проводницу они ни во что не ставили и выражались словами, которых она не знала. Наконец к ней на помощь явился начальник поездной бригады в кителе и фуражке. Он в слова не вдавался, а сразу устроил туристам разгон.

– Что вы тут позволяете?! – рычал начальник. – Это вы можете у себя в Москве, а не у нас в поезде.

Туристы не выдержали его напора. Поначалу они держались заносчиво и трясли бородами, но в итоге сунули в карман начальнику денежную купюру.

– Давайте без конфронтации, – лопотали они. – Мы же, в конце концов, все российские граждане.

Впрочем, возможно, эпизод с архтуристами и начальником тоже Тимоше приснился. Всё

было зыбко, неясно в сумрачном, покачивающемся вагонном мирке. Однако снаружи уже появились первые бледные признаки восстанавливающейся реальности. Небо за окнами светлело, выбеливалось и вдруг — будто лопнуло, как яйцо. Вагон изнутри оранжево озарился; восставшее солнце взяло поезд на абордаж, нагрянуло с обыском во все отсеки, оцупывая лучами тела людей, безвольно колышущиеся на полках.

Тимоша почувствовал на лице словно горячий компресс. Глаза под закрытыми веками щипало; он сожмурился и чихнул. Солнце — естественный пробудитель, хотя не всегда деликатный. Подчинившись ему, Тимоша принял сидячее положение и умылся с помощью влажной салфетки. За окном проплывал пейзаж, подходящий для рассматривания спросонок. Это была равнина, до самого горизонта покрытая пятнами редкого леса. Казалось, что поезд идет не прямо, а обегает кругом одну неподвижную точку. Кое-где на огромном пространстве были вкраплены поселения. Ближние к поезду вдруг показывались в окне со всеми своими подробностями: черные срубы, полуразобранный трактор, корова, сама рогами отворяющая ворота. На улицах сёл собирались стада; сельхозагрегаты, те, что могли еще двигаться, разминали свои шарниры. Деревенские утренние ритуалы со-

вершались заведенным порядком, но Тимоше они были не совсем понятны — и ритуалы, и сами деревни. Зачем вообще человеку вздумалось поселиться в такой однообразной и плоской местности?

Поезд шел на приличной скорости, но это почти не чувствовалось. Сколько он ни вертел колесами, вид окрестностей не менялся. Пассажиры успели выстоять очередь в туалет, и позавтракать, и поскучать, прежде чем в окнах с обеих сторон замелькали пригородные платформы. Как появление над морем чаек сообщает о приближении к берегу, так появление электричек обещает скорую встречу с городом. И они уже показались. Поезд посвистывал им на бегу; электрички в ответ вскрикивали силоватыми чаечьими голосами. И ковыляли дальше по пригородным своим делам. Здешние электрички выглядели старше московских; они были тускло-зеленого цвета — так их в советское время красили для маскировки. Это было бессмысленно дважды, потому что, случись война, окраска не помогла бы, и потому, что война не случилась. Теперь электрички докатывали свой век символом милитаристского абсурда. Но не они одни казались тут памятниками прошлого; железнодорожная инфраструктура на подъезде к Бобрам вся несла на себе поэтическую печать времени. Что могло заржаветь — ржавело, что могло облупиться — облупывалось. Тимоша на

это смотрел с симпатией. «Здесь ничто не спешит меняться, и жизнь совершается не напоказ», — думал он.

Рельсы меж тем начинали уже ветвиться. Поезд вздрагивал, подтормаживая. Проводница пошла по вагону, окая и собирая постели. Тимошина мысль обратилась к девушке, которая должна была встретить его на вокзале.

10. Герберы

Этот вокзал в Бобрах оказался берегового типа, то есть дорога не им начиналась и не им заканчивалась. Он был точкой касания города и железной дороги, уходившей по меридиану вверх. На карте России город Бобры сразу и не отыщешь, но для кого-то он был местом прибытия и отправления, местом, где этот кто-то родился и пригодился, его территорией снов. Фирменный поезд Москва — Бобры подавался, конечно, на первый путь. Вокзал обнимал прибывших псевдоклассическими крылами и ворковал, матерински окая. Портик его поддерживали колонны, а колонны подпирали плечами бомбилы-таксисты, зоркие, словно ястребы. Кроме них, встречающих было немного, и всего лишь одна молодая женщина. И она-то шагнула Тимоше навстречу.

— Я Алена, — представилась она, зардевшись.

Девушка оказалась крупнее телосложением, чем Тимоша себе представлял. Они пожали друг другу руки и соприкоснулись щеками, имитируя поцелуй. От ближайшей вокзальной колонны отделился бомбила.

— Прокатиться, молодые люди?

— Мы на троллейбусе? — Девушка заглянула в лицо Тимоше.

— Ну зачем же! — он приосанился. — Конечно, давайте прокатимся.

— Ходите за мной, — приказал бомбила и быстро повел их через вокзал на площадь и потом через площадь еще куда-то. Тимоша едва успевал осматриваться. Они миновали стоянку нормальных такси и троллейбусную остановку. И прошли бы палатку с цветами, но Тимоша вспомнил, что у него свидание. Он повернул к палатке, а их бомбила, решив, что Тимоша передумал ехать, схватил его за рукав.

— Всё в порядке, — сказал Тимоша. — Только цветочки купим.

Однако в цветочках он разобрался плохо, так что пришлось положиться на общее чувство вкуса. Он купил для Алены сиреневые цветы, формой похожие на ромашки. Выглядели они провинциально-мило, а как назывались, Тимоша не знал. Назывались они герберы. Эти герберы Тимоша вручил Алене; она сунула нос в букет и поблагодарила.

— Лучше бы ты ей купил черешни, — заметил бомбила, которого никто не спрашивал.

Наконец они добрались до машины. Как называлась она, Тимоша тоже определить не смог. Когда все уселись, бомбила включил зажигание, и машина начала заводиться. Алена сказала, куда им ехать; бомбила ответил, что нет проблем. Машина и правда уже равномерно шумела, готовая начать движение. И они поехали. Привокзальную площадь бомбила преодолел прямым диагональным курсом, не обращая внимания на разметку.

— У вас тут свобода передвижения, — пошутил Тимоша.

— Ага, — согласился бомбила, — полный либерализм.

Машину подбросило на колдобине так, что в ее багажнике что-то загромыхало.

— Пусть сначала дороги сделают, — зло про бурчал бомбила. — Тогда мы и будем правила соблюдать.

Ему, вероятно, хотелось выmaterиться, но он удержался из-за Алены. Впрочем, дальнейший их путь пролегал по улицам, где уже не было никакой разметки. Вдоль улиц вразрядку стояли дома, кирпичные и бревенчатые, с подклетами, с резными наличниками и палисадами. Бобры начинали Тимоше нравиться, хотя палисады плясали в его глазах — это портило созерцание. Бомбила, начав ворчать, больше

не останавливался. Рядом с Тимошей сидела Алена, касаясь его плечом. У нее на коленях тряслись сиреневые герберы.

11. Бабушкина квартира

Завершилось городское ралли возле двухэтажного деревянного дома, подобного многим прочим. Бомбила заломил цену и, кажется, был удивлен тем, что Тимоша безропотно расплатился. Впервые за всю поездку лицо его подобрело.

– Удачи вам в личной жизни, – сказал он, упрятывая в карман купюры.

– Вам того же, – ответил Тимоша.

Выбравшись из машины, он вытягивал из нее Алену.

– И приходите завтра на митинг, – крикнул бомбила им вслед.

– Куда-куда? – удивился Тимоша.

– Дак на митинг. Поорем-от и про дороги, и про демократию.

– Не слушайте вы его. – Алена взяла Тимошу за локоть. – Человек из Москвы приехал, нужны ему ваши митинги.

– Ну, как хотить, – лицо бомбилы приняло прежнее выражение.

Машина затарахтела и, выпустив дым, уехала. Девушка повела Тимошу через калитку на ого-

роженный двор дома. Здесь сушилось белье на веревках и стояла древняя иномарка с отвалившимся бампером. Дальше располагались сарай, откуда Тимоше послышался крик животного, вероятно свиньи. В доме было четыре квартиры — две на первом и две на втором этаже. Алена жила наверху. Тимоша поднялся за нею вслед по деревянной протоптанной лестнице.

— Ну вот, — сказала Алена, отпирая дверь. — Сейчас вы увидите, где я живу. Эта квартира у меня от бабушки, которая умерла.

— Повезло вам, — заметил Тимоша. В Москве у него тоже была бабушка, обещавшая ему квартиру.

Но когда он вошел, ему показалось, что Алена бабушка была еще где-то тут. Естественный дух тления, свойственный всякому старому деревянному дому, гармонировал с мебелировкой, тюлевыми занавесками и коврами.

— Уютно у вас, — заметил Тимоша, присаживаясь на кресло.

— Спасибо, — ответила девушка. — Я такая несовременная... Это кресло моей покойной мамочки.

— Как, ваша мамочка тоже?.. — смущенно пробормотал Тимоша, пересаживаясь на стул.

— Ничего, ничего, сидите, — успокоила его Алена.

Она принесла ему тапочки, чтобы было удобней ногам, и сообщила, что на обед собирается

приготовить кролика. Тимоша не возражал против кролика, но предложил до обеда погулять по городу. Алена сказала, что рада бы, только кролик сам себя не потушит. Но если Тимоше хочется, то пожалуйста, пусть прогуляется, а она тем временем позаботится об обеде.

— Буду готовить кролика и думать о вас, — улыbnулась она застенчиво.

— Ну, тогда я пойду, — сказал он. — Буду думать о вас и гулять.

12. Коза в Бобрах

Тимоша немного покривил душой. На самом деле ему просто хотелось на свежий воздух, туда, где не пахнет бабушкой. Как только он вышел на улицу, мысль об Алене его оставила. Бобровские виды располагали к эпическим размышлениям, а не к лирическим. Дело, наверное, было в разреженности застройки и в обилии неба над городом. Улицы тут разбегались далеко в пространстве, а дома уходили своими фундаментами в толщу времени. В этих домах бобровчане жили и умирали, завещая свои квартиры следующим поколениям. И от каждого из ушедших что-нибудь оставалось: или пристройка к дому, или креслице, или хотя бы запах.

Завидя вдали троллейбус, Тимоша успел еще выкурить сигарету. Прежде он справился в на-

вигаторе, как добраться до центра города. Получалось не очень скоро, но зато и без пересадок. А кроме того, познавательно. Билеты в троллейбусе продавала живая кондукторша с сумкой на животе. Ехали они не прямо, а постоянно что-нибудь объезжая, но всё равно то и дело троллейбус с дребезгом падал в дорожные ямы. Кондукторша приседала и даже немного припрыгивала, но она была крепконогая, как все бобровчанки.

В центре города было еще интереснее. Главная площадь в Бобрах оказалась ожидаемо широка. По ее четырем сторонам находились купеческие ряды, драмтеатр, собор и здание администрации. Последнее строилось, очевидно, в советские времена, по этажу в пятилетку, но времена закончились, и его подвели под крышу. Территория площади на удивление была аккуратно вымощена — должно быть, на это ушли все силы бобровских дорожных служб. Но и не даром. Площадь, как ей и положено, предназначалась для важных общественных мероприятий. Тимоша увидел рабочих, свинчивавших конструкции и устанавливавших акустические системы. Он догадался, что это шли приготовления к митингу, о котором говорил бомбила. Но почему-то всё делалось в двух экземплярах — справа, напротив здания администрации, соорудили подиум и такой же построили слева, у драмтеатра. Площадь посередине

была разгорожена леером с вымпелами цветов российского триколора. Устроители с двух сторон пробовали звучание:

– Раз! Раз! Раз! – хрипело в системе слева.

– Педераст! – откликалось в правой.

Акустической пикировкой дело и ограничивалось. Вдоль леера с вымпелами похаживал не улыбочивый полицейский.

Тимоша обследовал площадь с прилегающими строениями и решил, что успеет еще прогуляться к Девичьему монастырю, который, по мнению Википедии, очень стоило посмотреть. Навигатор повел Тимошу уютными улочками, не такими широкими, как на окраине, но тоже безлюдными и безмашинными. Здесь у него сбылась давняя его фантазия: он увидел живую козу, объедавшую палисадник.

Монастырь объявил о себе колокольным звоном, а потом уже и предстал в камне. Его окружала высокая крепостная стена с башнями и бойницами. Всё самое интересное находилось за этой стеной внутри – древние фрески и девичьи живые души, укрывшиеся здесь от мира. Чтобы пройти вовнутрь, надо было купить билетик у монахини в деревянной будке. Можно было насладиться фресками, но к девичьим душам билетик доступа не давал. Возле будки Тимоша увидел архитектурных туристов, с которыми ехал в поезде. Они купили уже билеты, но в монастырь не шли, потому

что допивали пиво, а женщина еще и повязывала косынку.

Эта компания у Тимоши отбила весь интерес к фрескам. Он решил обойти монастырь вокруг. Вдоль стены он прошел до угольной башни, завернул за нее и увидел такую же длинную стену, только глядевшую на реку. Тимоша, конечно, знал, что в Бобрах протекает река, и поэтому не удивился. Между стеной и рекой пролежала набережная: асфальтовая истрескавшаяся тропа, ряд скамей и фонарный ряд. На скамьях были вырезаны имена — много имен, и мужских и женских. Поколения бобровчан приходили сюда целоваться, а за стеной поколения дев прятались от страстей.

Тимоша присел на скамью, чтобы выкурить сигарету. А будь он с Аленой, кто знает, без поцелуев, возможно, не обошлось бы. Вспомнив о девушке, он не мог не вспомнить о кролике и о времени. Пора было возвращаться.

13. Кролик под соусом

Приехав обратно, Тимоша застал Алену в тревоге.

— Я думала, вы заблудились, — сказала она. — Или уехали назад в Москву.

— Как я мог, — возразил Тимоша. — Вы же видели, я оставил вещи.

За время его отсутствия в бабушкиной квартире добавился запах кухни. Тимоша, который с утра не ел, понял, что очень проголодался. И не он один: несколько возбужденных мух носились из комнаты в комнату.

В лучшей из комнат, которую Алена называла залой, стол был накрыт уже для обеда. Его украшала ваза с Тимошиными герберами. Как бы кому ни хотелось есть, обед начался с небольшой церемонии.

— Давайте, — предложила Алена, — выпьем на брудершафт.

— Это идея, — ответил Тимоша.

Они через стол потянулись друг к другу, так что едва не свалили герберы. Теперь и Тимоша к Алене, и она к нему могли обращаться на «ты», но они не воспользовались этим правом, а принялись закусывать. Заговорили только после холодных блюд, непосредственно перед кроликом.

— Как погулял? — спросила Алена.

— Неплохо, — ответил Тимоша. — Видел козу, монастырь. Кстати, у вас на площади что-то, кажется, намечается.

— Митинги, что же еще. — Алена махнула рукой. — Даже артистов не пригласили.

— Я так понимаю, митингов будет два?

— А как же. Один либеральный, другой за Россию.

Тимоша вспомнил давешнего бомбилу:

— А на котором будут орать про дороги?

— Дак на обоих, — пожала она плечами. — Им про что ни орать... Я, например, в Доме быта работаю, дак у нас все сапожники за Россию, а парикмахеры за либералов.

О том, что Алена работала в Доме быта, Тимоша, конечно, знал, но ему не хотелось подробностей. Он обратил ее мысли к кролику. Впрочем, она и сама далеко еще не наелась. Ненадолго оставив Тимошу, Алена ушла на кухню, но он постоянно слышал скрип половиц под ее ногами.

Горячего блюда Тимоша ждал с сомнением и надеждой. Он где-то читал, что крольчатину часто едят в провинции, сам же ни разу ее не пробовал. Алена потушила кролика в соусе бешамель. Тимоша взял для начала небольшой кусок, отделил от него совсем маленький и попробовал. Оказалось довольно вкусно. Он похвалил Алену. Алена сказала, что готовить кролика ее научила бабушка.

— Выпьем за твою бабушку, — предложил Тимоша. — А также за тебя и за кролика.

— Тогда и за папу, — сказала Алена. — Он же его зарезал.

— Твой папа?

— Ну да. Кролик сам себя не зарежет.

Прибавили папу в список тостуемых. Из услышанного Тимошей следовало два вывода. Во-первых, кролик был свой, а не купленный, а во-вторых, папа Алены был жив.

— Но ты не волнуйся, — сказала она, — он тут почти не бывает. Он с Нинкой сошелся, с нашей приемщицей, а у нее свой дом.

Постепенно Тимоша узнал много важного об Алене, такого, о чем в резюме девушка не напишет. Кроликов она держала единственная в своем дворе, потому что другие соседи выращивали поросят. «Я такая оригиналка», — пояснила она не без гордости. Проблема заключалась в том, что кроликов нужно было периодически резать, но это не женское дело. Папа, конечно, решал вопрос, однако за его услуги приходилось расплачиваться шкурками, а шкурка у кролика ценнее тушки. В результате папина Нинка ходила в мехах, а Алена только тратилась на комбикорм.

Тимоша давно был сыт; кроличья тема ему наскучила; он позволил себе зевнуть. Алена захлопотала, приготавливая чай. На столе появился торт, и тема беседы переменялась. Алена вдруг принялась рассказывать, как ездила в город Прагу с подружками из пошивочного.

— Дома там такие хорошенькие и стоят впри-
тык, будто склеенные меж собой. Улочки та-
кие узенькие, дворики такие махонькие. Уточ-
ки в речке плавают не для еды, а так. Я гуляла,
гуляла, аж балетки протерла.

Неожиданно она смутилась:

— Что это я про Прагу заговорила? Извини,
я сегодня сама не своя... Вот уже ты смеешься.
Он представил себе ее в балетках.

14. Не принц

Тимоша уже опасался, что в обмен на свою откровенность она захочет узнать, какая у него зарплата. Но Алена его ни о чем не спрашивала то ли из деликатности, то ли она и правда была сама не своя. После обеда Тимоша хотел помочь ей с посудой, но Алена ему не позволила, сказав, что это не мужское занятие.

— Что же мне делать? — спросил Тимоша. — Может быть, надо зарезать кролика?

— Иди покури, — сказала Алена. Она принесла ему пепельницу и отправила на балкон.

В ее доме балкон был совсем не такой, как в Тимошиной многоэтажке. Он нависал низко над тротуаром, и улица с него просматривалась в обе стороны. Тимоша на этом балконе тоже был отовсюду виден. Он и минуты не простоял, как услышал, что снизу кто-то с ним поздоровался. Перегнувшись через перила, Тимоша увидел немолодую женщину.

— Простите, я обозналась, — сказала женщина.

Деревянный балкон ощутимо пошатывался. Вряд ли бы он обрушился, но Тимоша инстинктивно присел на какой-то ящик. Солнце тоже присело, спряталось за трубой на крыше. Дым сигареты вспыхивал, выходя из тени. На Бобры опускался вечер, прида-

вая фасадам домов теплый цитрусовый оттенок. Остывающий воздух был тих и чист. Ждать или нет этой ночью тумана — почему было знать Тимоше. Но у него самого после кролика и вина словно туманом затягивало сознание. В этом тумане предметы прятались от анализа. А главный предмет на сегодня, конечно, была Алена, это же к ней он сюда приехал. «Вот эта улица, вот этот дом, — пошутил сам с собой Тимоша. — А вон эта девушка, моет посуду». Он не мог для себя решить — она ему нравится или нет. Алена ему представлялась то в окружении кроликов, то с ее хитроватым папой и остальными усопшими и живыми родственниками, которых, наверное, полбобров. Тимоша попался на собственной же теории о провинциальных девушках. Теперь он увидел живую провинцию, но девушку вычленил никак не мог.

Непродуктивные размышления были прерваны неожиданно. На балкон прямо с крыши спрыгнула большая кошка или, скорее, кот. Увидев Тимошу, зверь изумленно выгнулся и зашипел. Тимоша был удивлен не меньше, но постарался не выказать никакой агрессии. Он даже придал своему лицу приятное выражение, что для животного, впрочем, ничего не значит. Кот с урчаньем вскочил на перила и, держа хвост свечой, бесстрашно по ним прошелся — в Тимошину сторо-

ну и в обратную, окончательно подтвердив свой пол. Этот кот был добавочный штрих в наблюдаемой картине мира. Он был тут вполне уместен, а Тимоша нет, и оба они это чувствовали.

15. Неоконченный кинопросмотр

Не было ясности, для чего Тимоша понадобился Алене. Может быть, только затем, чтобы было кем похвалиться перед подружками из пошивочного. Или чтобы он резал кроликов и шкурки не доставались Нинке. Что-то подсказывало Тимоше, что уточнять не стоит, и все-таки он попробовал. Он решил испытать Алену скандинавским кинематографом.

Когда он вернулся в комнату, там уже было прибрано. Все предметы вернулись на свои места, включая и мамино креслице. Сейчас его занимала Алена, поместившись удобно от подлокотника до подлокотника. На столе перед ней был открыт ноутбук, освещавший ее лицо. Алена всматривалась в экран с напряженной полуулыбкой, как дети глядят в аквариум.

— С кем-нибудь уже чатишься? — спросил Тимоша.

— Что ты, — ответила она кокетливо. — Кроме тебя ни с кем.

На его предложение посмотреть кино Алена не возражала.

— Ты такой интересный, — сказала она. — Другой бы полез обниматься.

Но от объятий Тимоша все-таки воздержался. Он нашел замечательный норвежский фильм, чувствительный, как раз для девушки. Спустя полчаса от начала просмотра, Алена голова стала клониться к его плечу. Упрекнув себя в чрезмерной холодности, он придвинулся ближе, но оказалось, что девушка просто спит. Возникла неловкая ситуация, из которой Тимоша не знал, как выйти. Выручил Аленин кот. Намеренно или нет, он с грохотом что-то обрушил на кухне и помчался, часто скребя когтями. Алена проснулась и бросилась за котом. Тимоша нажал на «паузу», но ловля кота подвела черту в киноэксперименте.

— Паразит, — сказала Алена нежно, вернувшись с котом на руках. — Тапком бы его надо.

Больше она на креслице не садилась и к ноутбуку не приближалась.

Ночь уже наступила; туманы, наверное, уже легли на пустырях за сараями. Можно было пойти проверить. Возможно, Алена бы согласилась и у нее, вероятно, нашелся бы сарафан. Но она уже показала свою эстетическую слепоту, и если по правде, то и телесно была не в Тимошином вкусе.

Девушка и сама понимала, что гость обниматься не расположен. Она постелила ему на диване в комнате, где они обедали, и пожелала спокойной ночи.

Но покоя он не нашел на ее диване. Хруст пружин отдавался Тимоше в ухо. Откуда-то доносился ответный скрип — это стонала кровать Алены. Бабушкин запах в темноте усилился. Где-то поблизости ходил кот. Тимоша боялся пошевелиться, чтобы девушка не догадалась, что он не спит. Скованный неподвижностью, он испытывал странное беспокойство, прямо не относившееся к Алене и ни к чему конкретно. Тимоша пытался анализировать собственные ощущения и наконец достаточно утомил свой мозг, чтобы забыться сном.

Во сне он увидел себя котом, которому ради шутки надели носок на голову. Тимоша со стороны видел, как он же, кот, трясет головой и мечется, но помочь себе был почему-то бессилён.

16. Гусь перелетный

Наутро его, как и в поезде, разбудило солнце. Он шевельнулся, под ним затрещал диван, и Тимоша вспомнил, где он находится и почему. Ясное утреннее сознание словно лучом

высветило всю глупость и ужас его положения. Поднявшись с дивана, Тимоша почувствовал на себе чей-то взгляд. Это был кот; он лежал на столе, подобравши лапы и постукивая хвостом.

– Надеть бы на тебя носок, – прошептал Тимоша.

Но разбираться с котом было некогда. И носки, и рубашку, и джинсы Тимоша быстро надел на себя. Передвигаясь на цыпочках, он собрал и упихал в рюкзачок одеколон, смартфон, сигареты и зубную щетку. Время от времени он прислушивался, но из Алениной комнаты доносились мерные звуки сна. Только кот торжествующе наблюдал за ним.

Так Тимоша сбежал от Алены – не позавтракав и не объяснившись с девушкой. Мало того, что он поступил не по-джентльменски, но к тому же и опрометчиво. Теперь ему предстояло в ожидании поезда, уходявшего только вечером, проболтаться весь день в Бобрах. На эту вторую свою прогулку Тимоша отправился прежним, известным уже маршрутом. Но сам он уж не был прежним после своего предательства, и прогулка вышла не такой приятной. Троллейбусная кондукторша посмотрела на Тимошу пристально и билетик оторвала слишком резким движением. Доехав до центра, он с облегчением вышел и следующие два часа провел в первом попавшемся

скверике, изучая птиц. Бобровские воробьи и голуби были такие в точности, как в Москве, но на Тимошу они смотрели недоверчиво-подозрительно. В течение этих двух часов он ничего не слышал, кроме чириканья, воркованья и отдаленного звона колокола. В монотонном своем повторении эти звуки воспринимались как тишина. Но потом между ними вклинились человеческие голоса, усиленные акустикой. Это на главной площади разгорались митинги. Так и не подружившись с местными голубями, Тимоша поплелся на площадь.

Из двух намечавшихся митингов открылся пока один. Первыми ход свой сделали либералы. На подиуме уже выстроилась очередь из ораторов. Тот, что владел микрофоном, взмахивал кулаком и кричал:

— Долой!

— Долой! — отвечало ему полплощади.

Тимоша вошел в толпу либералов, и они его будто ждали. К нему оборачивались и пронзали требовательными взглядами.

— Долой кого? — уточнил Тимоша.

Вокруг засмеялись и засвистели. Кто-то хлопнул его по спине. Тимоша увидел бомбилу, который вчера их вез.

— Кундяева, брат, а еще кого же!

— Это ваш губернатор?

— Митрополит!

Тимоша подумал, что не расслышал.

— При чем тут митрополит? А как же дороги и демократия?

Бомбила округлил глаза:

— Прикидываешься ты, что ли? Вот с попами покончим, и всё у нас будет.

У либерала, стоявшего рядом, задергалась вдруг щека.

— Что вы с ним дискутируете, — взвизгнул он, — вы же видите, это засланный!

Обращенные к Тимоше взгляды исполнились отвращения. Дергающийся активист целил пальцем ему в лицо.

— Долой! — закричала толпа.

— Долой! — подхватили на подиуме.

Тимоша почувствовал, что пахнет жареным, и поспешил покинуть либеральный стан. Он добрался до леера, разгораживавшего площадь, и занес уже ногу, чтобы перешагнуть его, как услышал командный оклик:

— Стой! Ты куда, турист?

Тимошу остановил полицейский, уперев ему в грудь растопыренную пятерню.

— Я не определился, — пробормотал Тимоша.

— Так, так! — полицейский похлопал дубинкой себя по ляжке. — Значит, ты гусь перелетный... А ну, покажи рюкзак!

А на другой половине площади в это время грянули колокола.

— Слава Кундяеву! — проревело из акустической установки.

— Многая лета! — соборным эхом отозвалась толпа.

Прокундяевцы то и дело осеняли себя крестами. Хотя они запрягали дольше, чем их противники, но кричали громче. Впрочем, Тимоше неважно было, кто здесь кого перемитингует. Он знал, что сегодня уедет и больше в Бобры никогда не вернется. Его утомило кипение чуждых ему страстей. Тимоша двинулся сквозь толпу, прокладывая себе дорогу то правым, то левым плечом. Прокундяевцы оборачивали к нему свои православные бороды и роптали. Вдруг опять его хлопнули по спине. Оглянувшись, Тимоша глазам своим не поверил — перед ним был знакомый бомбила.

— Значит, и нашим и вашим? — бомбила недобро осклабился. — Мужики! — крикнул он, привлекая внимание прокундяевцев. — Этот парнишка засланный!

Прокундяевцы наставляли на Тимошу бороды.

— Иуда!.. Иуда!.. — ворчали они, и глаза их наливались кровью.

— Отстань, сумасшедший! — вскричал Тимоша и оттолкнул бомбилу.

Выбравшись из толпы и покинув площадь, он еще долго шел без направления, прежде чем перевел дух.

17. Поезд Бобры — Москва

Улицы города, малолюдные еще вчера, сегодня казались совсем пустыми. То ли попрятались бобровчане, то ли ушли на митинги. Редкие пешеходы показывались вдали, но сворачивали куда-то, словно бы не желая встречаться с Тимошей. Он и сам избегал людей после увиденного на площади. Тимоша скрывался в сквериках, где были одни только голуби, но они при его появлении разбегались прочь. Когда он решил пообедать и зашел в кафе, официантка выронила поднос. Чувствовалось, что город выталкивает Тимошу, что все тут, до голубей включительно, желают избавиться от его присутствия. Он и сам избывал мучительно время, оставшееся до отъезда. Тимоше хотелось скорее юркнуть в поезд и затаиться в вагонных глухих потемках.

Последние два часа он провел на вокзале, бегая от служительницы со шваброй, которая повсюду его преследовала. Наконец он нашел себе безопасный угол и чуть было не заснул от нервного перенапряжения. Объявление о посадке вывело его из транса. Выйдя к поезду, он отсчитал свой вагон и нашел свой отсек в вагоне и в отсеке место. Сбылось то, о чем Тимоша мечтал весь день, и казалось, он мог расслабиться. Только соседи его по отсеку странно помалкивали при нем и отворачивались к окну.

Тимошина проза

Как бы то ни было, всё закончилось. Как и с Аленой, Тимоша с Бобрами не попрощался. Он сделал вид, что дремлет, а сам слушал, когда отстучат под вагоном последние городские стрелки. Лишь после того, как дорога выгладилась и зазвенела ровно, после того, как соседи, которых он даже не рассмотрел, улеглись, завернувшись в простыни, — только тогда Тимоша открыл глаза. Он поглядел в окно, а там не было ничего, кроме мрака и редких во мраке волчьих глаз безымянных селений.

Глава четвертая: Надежда

1. Постбобровский синдром

Он отправлялся в Бобры налегке, а вернулся отягощенный. Разобрать рюкзачок было делом минутным, но выгрузить из души досаду Тимоша не мог еще долго. Родители, проявляя чуткость, не допрашивали его расспросами. Мама только сказала папе:

— Похоже, там не сложилось.

И папа ответил:

— Похоже. Значит, конец истории.

Но как бы не так; Тимошу эта история не отпускала. Он думал, что никогда не избавится от позора, которым себя покрыл в Бобрах. Впрочем, Тимоша преувеличивал. Чувство вины и стыда проходят со временем, вопрос только, как человек это время переживет и не

случится ли у него депрессия. Внешне Тимоша не выделялся среди своих душевно здоровых коллег и москвичей вообще, а внутреннее его состояние мало кого заботило. Возможно, ему всё же стоило показаться специалисту, такому, который бы научил, как унять муки совести. В Москве их не меньше, чем массажистов, — аналитиков и психологов всех степеней маститости. Но Тимоша ни с кем откровенничать бы не стал — если он что-нибудь анализировал, то только самостоятельно. А может быть, он был прав, обойдясь без специалиста. Потому что его депрессия или расстройство совести постепенно сошло на нет. К Тимоше вернулись аппетит и сон и охота к литературному творчеству. Возобновилась массажная практика.

Экономическая ситуация тоже улучшилась, по крайней мере в пределах Проектной организации. Начальник сумел заключить договор с очень денежной добывающей корпорацией на проектирование кое-чего за полярным кругом. Совершив этот подвиг, он улетел во Францию поправлять здоровье, а сотрудники принялись освежать свои навыки в автокаде и архикаде.

Изнуряющая жара из Москвы ушла, а с ней и фантазии насчет провинции. Лишь иногда затуманивался Тимошин взгляд, и эта черточка в нем импонировала посетительницам.

2. Неурочная посетительница

Но всё же поездка в Бобры не прошла для него без последствий. Тимоша стал опасаться включенного телевизора. Его расстраивали сюжеты о митингах и протестах, даже происходивших где-нибудь в арабском мире. Воспаленные гневом люди повсюду свергали своих кундяевых и бомбилы разных национальностей скалились и грозились, чиркая себя рукой по шее. Прежде Тимоша был равнодушен к политике, но теперь этот жест принимал отчасти и на свой счет.

В отношении к женщинам у него тоже произошла внутренняя перемена. Женщины приходили к нему в рабочем порядке, в качестве посетительниц, но самая мысль о сердечном знакомстве стала ему неприятна. После Бобров Тимоша удалил из «облака» всех до единой провинциалок. Теперь его ум и эмоции сосредоточились на скандинавском кинематографе и собственной прозе — обстоятельной и неяркой.

Говоря по-научному, у Тимоши слегка повредился душевный код. Но иногда повреждения приносят пользу. Помидор с измененным геном хотя и теряет вкус, но становится лежким и транспортабельным. Тимошино существование потеряло вкус, но упростилось и упорядочилось. В образе генно-модифицированного помидора Тимоша и оставался, пока, так сказать, не понадобился в салат.

Это случилось однажды вечером, в тот относительно поздний час, когда большинство москвичей уже вставили в двери цепочки. К Тимоше явилась незваная посетительница. Это было с ее стороны нарушением всяких правил, а со стороны Тимоши было глупостью ее впустить. Но, видимо, так и приходит к человеку его судьба.

Женщина, которую Тимоша впервые видел, поздоровалась без смущения с ним и с папиной головой. Не оставалось ничего другого, кроме как пригласить ее к себе в комнату. Надо было узнать, как она прорвалась к Тимоше без протекции и предварительного звонка. Однако, начав проявлять галантность, он вынужден был и продолжить. Тем более что посетительница оказалась чрезвычайно хороша собой. Прежде чем приступить к допросу, Тимоша предложил ей чаю.

— Я пью только кофе, — сказала она. — Но теперь уже слишком поздно.

— Что правда, то правда, — заметил Тимоша. — И все-таки я заварю.

Он вышел, чтобы приготовить кофе и чтобы собраться с мыслями. Время действительно было позднее, предназначенное для другого. Вообще незаписанным соискательница его услуг Тимоша отказывал по телефону — аппарат этот удобен тем, что не видишь глаза собеседника. Как поступить с неожиданной очаровательной посетительницей, он понятия не имел.

— Ну-с, давайте поговорим о деле, — сказал он, вернувшись с подносом. — Обстоятельства таковы, что ввиду моей занятости...

— Да, я слышала, — перебила гостья, — и про занятость, и про то, что вы не берете новеньких. Я сама не хотела обращаться к частнику.

— Что же вас побудило?

— Не знаю. Я мониторила, мониторила и решила, что вы мне подходите как никто.

Она улыбнулась, что называется, обезоруживающей улыбкой:

— Мне сказали, что вы порядочный человек и не станете распускать руки.

— Нет, буду, — в ответ улыбнулся Тимоша. — Это моя работа. Но вообще-то я безопасен, если меня специально не провоцировать.

Гостья, закинувши ногу на ногу, обещала не провоцировать. В эту минуту они уже оба не сомневались в его решении. Оставалось немного еще полюбезничать и совершить небольшую бюрократическую процедуру. Новую посетительницу полагалось внести в Тимошино расписание. Он присел за компьютер, а женщина подошла, любопытствуя через его плечо. Тимоша спросил ее имя и номер мобильного телефона. Ответы звучали у самого его уха. Звали ее Надеждой, а для Тимоши — Надей; имя было какое-то немосковское.

Кофе Надежда-Надя так и не стала пить. Покончив с формальностями, Тимоша проводил

ее к выходу из квартиры. На прощанье она сделала ручкой папе, который от удивления даже показался полностью. Дверь за нею закрылась. Тимоша без комментариев ушел к себе. В непонятном волнении он выпил две чашки кофе — свою и вторую, сваренную напрасно. Этой ночью он долго не мог заснуть оттого, что напился кофе, и потому, что, конечно, был заинтригован и спровоцирован.

3. Тяжелая неделя

Если первое Надино появление было неожиданным-негаданным, то второму предшествовало слишком долгое ожидание. Премьера ее на массажном столе должна была состояться только через неделю. Обычная астрономическая неделя состоит из астрономических суток, которые состоят из ночей и дней. Но в Тимошином внутреннем космосе всё перепуталось из-за Нади. Здесь условные дни и ночи менялись за сутки по многу раз; смена душевных фаз напоминала качели. Снова и снова Тимоше виделась пирамидальная стройная композиция сложенных друг на дружку ног. Снова он чувствовал в ухе щекотание от выдыхаемых ею слов. Немосковское имя Надя и телефонный номер всплывали в его мозгу, словно вирусная реклама. Тимоша взлетал на волне романтиче-

ских предвкушений, а минутой спустя низвергался в бездну критической меланхолии. Как ни крути, романтический опыт был у него отрицательный.

При том что Тимоша не знал ничегошеньки об этой Наде, кроме имени, телефонного номера и внешних данных. Бесспорно, она умела красиво складывать ноги и у нее был приятный голос. Что же еще? Очень рискованно было увлечься женщиной, не изучив ее резюме. Кстати, об имени — Надя могла оказаться приезжей покорительницей столицы, а это опаснейшие существа. Намакияженные пираньи, объедающие своих жертв до костей, агрессивные карьеристки, шагающие по трупам. В Проектной организации была такая. Говорили, что секретарша Маечка съела уже двух мужей и теперь примеривалась к начальнику.

Кто же она и какого круга? Замужем ли она? Вопросы вертелись в Тимошиной голове, между тем как в рабочее время были бы не должны вертеться. Ответов на эти вопросы он всё равно получить не мог, но зато мог легко напортачить в проекте. Что и случилось в итоге. Шеф Розкинд схватился за сердце, а когда его отпустило, велел Тимоше «сидеть вечерами и как угодно», только чтобы исправить содеянное. Эта служебная неприятность вынудила Тимошу отменить на неделе все плановые сеансы. Но для него, возможно, так было даже

лучше. Заниматься оздоровлением посторонних тел ему уже расхотелось. Теперь его интересовала только одна пациентка.

4. Первый сеанс

И всё же она истекла — неделя, что пролегла между Надиными двумя визитами. Наступило число и час, на который назначен был первый ее сеанс. В приближении этого часа Тимоша пытался себя успокоить. «Всё в наших руках, — повторял он мысленно, — всё в наших руках». И руки, доставившие ему известность, Тимошу не подвели. Во время сеанса они не дрожали и не потели. Как всегда, их манипуляции были точными, сильными и одновременно мягкими. К рукам у Тимоши претензий не было; хуже он проявился в интеллектуальном плане. Завязать какой-нибудь разговор у него решительно не получалось. Вся его речь свелась к умягчительному воркованью массажиста, при котором язык выступает вспомогательным инструментом.

Тимоша был словно летчик, попавший в густой туман. Он «пилотировал по приборам», не имея возможности изобразить никакой фигуры. Только после того как сеанс окончился, после того как Надя снова сделала папе ручкой и упорхнула, — только тогда стал возможен раз-

бор «полета». В комнате поразвевались ароматы, убран был стол, и к Тимоше вернулась способность анализировать. Правда, анализ его был до крайности субъективным. Он размышлял о предметах, в принципе для анализа не подходящих, таких как прелестная ступня ноги, увенчанная живыми пальчиками, или слетевший с прелестных уст звук нечаянного удовольствия. Впрочем, раздумья, сопровождающиеся сердцебиением и выкуриванием нескольких сигарет подряд, правильнее называть не анализом, а переживаниями. Что же с Тимошей произошло? Много раз он ходил на балкон, курил и спрашивал у ночного города.

5. Недостаточное сближение

Тимоша давно не терял сознания в присутствии раздетой женщины. Он повидал их немало — это бы подтвердил верный его товарищ, массажный стол, если бы мог говорить. Однако, работая с Надиным телом, Тимоша чувствовал незнакомый трепет. Наподобие ювелира, в руках которого оказалась редкая драгоценность, он счастлив был потрудиться, обновляя ее совершенства, но при этом страдал оттого, что не был ее обладателем.

Если женщина обнажается перед мужчиной, их отношения делаются короче — это естествен-

но и неизбежно. И особенно неизбежно, когда она пациентка, а он оператор массажа. Потому что массаж по сути — это форма физической близости. Но отношения двух естеств — пациентки и оператора — столь же коротки, как и кратки. Оздоровленная женщина благодарит, поправляет прическу и идет по своим делам, а оператор складывает свой стол и убирает за дверь до следующего сеанса.

И строго по этой схеме проходили сеансы с Надей. Тимоша как будто попал в колею, которую сам же и протоптал. Он и хотел, и боялся выйти за нормативные рамки, памятуя, что кто-то рекомендовал его Наде как порядочного человека. В духе естественного сближения они перешли на «ты», но и то по Надеиной инициативе.

И все-таки для Тимоши сеансы с Надей стали абсолютно необходимы. От прихода ее до ухода, в это короткое время, он свою мануальную энергетику обменивал на романтическую. Полученного заряда ему хватало, чтобы в волнении и размышлениях провести несколько дней между уходом ее и приходом. Этот поток анализа, чувствований и желаний переполнял Тимошу и выливался на страницы прозы, смывая и заменяя прохладные умственные ассоциации. Скандинавские фильмы Тимоша смотрел теперь через силу; ему стало скучно есть, общаться с родителями и работать.

Окружающий мир не знал, что происходит внутри Тимоши. Неинтересное человечество, как и прежде, влачило бессмысленно-будничное существование. В Проектной организации люди сплетничали, кокетничали, подсиживали друг друга и ругали власти. И хотя Тимоша преобразился внутренне, он тоже был должен участвовать в этой ежедневной несмешной комедии.

Нарушился весь баланс Тимошиного существования. Чаша внутренней жизни перегрузилась, а внешняя опустела. Но так не могло продолжаться вечно, природа не терпит подобного неравновесия. Что-то должно было произойти в отношениях между ним и Надей, потому что в них-то и была проблема. Однако Тимоша в ее присутствии снова и снова впадал в непонятное состояние словобоязни и умственной пустоты. В нем усиливался кровоток и одновременно пресекались токи всего нефизического. Он по-прежнему мало о Наде знал — что она из себя представляет в то время, когда бывает одета.

6. Раскодировать Надю

Занимая так много места в душе Тимоши, Надя по-прежнему для него была словно закрытая книга или большой, но нечитаемый файл. Тимошу съедало ревнивое любопытство — ревнивое по отношению к ней самой. Чтобы ее раскоди-

ровать, нужно было переходить в наступление, но Тимоша медлил. Он боялся испортить их отношения, то есть то, чего в сущности не было.

Наконец он набрался решимости. После очередного сеанса Тимоша сразу Надю не отпустил, а предложил остаться на чашку кофе. Заранее для такого случая он припас шоколадный торт с орешками, так что это был не экспромт. Дальше кофе и торта замыслы его не простирались, поскольку Тимоша не собирался портить имидж порядочного мужчины. Однако и торт остался без применения. Вместо этого Надя, к его удивлению, предложила пойти куда-нибудь погулять. То ли она не любила шоколадных тортиков, то ли берегла фигуру — как бы то ни было, для Тимоши всё в ней дышало загадкой.

Надино неожиданное предложение привело его в замешательство. Прогулка в Тимошином плане не предусматривалась. К тому же он никогда не гулял «куда-нибудь», а только заведомо зная, куда и зачем и во что ему следовало обуться. Впрочем, «зачем», сегодня он, кажется, понимал — это подсказывало его сердце.

Когда они вышли из дома, Надя взяла его под руку. Пальчики, сжавшие Тимошин бицепс, мешали сосредоточиться в выборе дальнейшего направления. Надя соображала быстрее.

— Если хочешь, — сказала она, — можем пойти к реке.

— Здесь не река, а канал, — поправил Тимоша. — И, наверное, там нечисто.

— Я знаю, — сказала Надя. — Я тоже ведь тут живу.

Между Тимошиным домом и судоходным каналом располагалось то, что местные жители называли парком, а в чиновничьих документах значилось как зеленая зона. Разница в терминах для чиновников была важна: парк полагается благоустраивать, а зеленую зону — как им захочется. Когда-то Тимоша в кустах этой зоны прятался с первой своей сигаретой; здесь на шатающемся турнике развивал в себе силу и ловкость, здесь валялся в траве, прогуливая уроки. Со времен его детства зеленая зона практически не изменилась. Тот же турник, вконец проржавевший, те же кострища от шашлыков и давленные пэт-бутылки.

Тропинка, терявшаяся в сырой траве, была для двоих узка. Надя, боясь оступиться, не отпускала Тимошин локоть, а он своими замшевыми ботинками косил обочину. Ботинки уже промокли и издавали при каждом шаге явственное хлопанье. Впрочем, и это хлопанье, и пугающее жужжание насекомых были незначачие пустяки. Рядом с Надей Тимоша готов был терпеть и худшее. Это худшее, кстати, лежало у них под ногами, оставленное многочисленными собаками. Но все эти мелкие неприятности искупил пейзаж, открывшийся им с обрыва.

— Как хорошо! — воскликнула Надя.

Под обрывом лежала вода канала, дрожавшая, будто в приятном ознобе. Она простиралась вплоть до противоположного берега, где тоже росли кусты и деревья, за которыми снова громоздился город. Слева над водами распластался автомобильный мост, справа — мост железнодорожный. Из-под мостов выползали четырехпалубные теплоходы. А надо всем этим в небе взблескивали самолеты, вышивая по темно-синему золотом следов инверсии.

Помогая друг другу, Тимоша с Надей спустились к воде и уселись на бревнышке, выбросившемся на берег случайно, но очень кстати. Тимоша достал сигареты. Он не спешил с разговором, да и Надя тоже. Окружающий мир говорил за них. Слева слышался неумолчный мощный шорох автомобилей, справа гулко бубнили частые поезда, сверху крошечные самолеты слали земле свои запоздалые, несоразмерно тяжелые громы. А над водой вместе с дизельным перегаром разносилась утробная песнь судовых моторов.

— Ты, наверное, часто сюда приходишь, — предположила Надя.

— Нет, — ответил Тимоша, — но, наверное, теперь буду.

Мимо них проплывали, расплескивая канал, морские роскошные яхты. Что эти яхты делали здесь, в глубине евразийского континента? На палубах их веселились пузатые вип-мужчины

и большегрудые девушки, а над кормой висели российские триколоры. На волнах возле берега вместе с мусором качались утки, необъяснимо чистенькие и спокойные.

— Уточки не для еды, — пробормотал Тимоша.

— Что ты сказал? — не расслышала Надя.

— Так, мимолетное, — смутился он.

— Скажи, ты случайно не сочиняешь? — вдруг спросила она.

— Почему ты решила?

Она улыбнулась:

— По твоему поведению. Но ты не стесняйся, тут нет ничего такого. В наше время сочиняют все, даже массажисты.

Тимоша слегка обиделся:

— Откуда ты знаешь?

— По специальности, — вздохнула Надя. — Видишь ли, я работаю литературным редактором.

— Неужели? — Тимоша взглянул недоверчиво. — Я бы и не подумал... по твоему поведению.

Она усмехнулась:

— Я сочинителей повидала, а ты — много ли видел редакторов?

Тимоша задумался, переваривая неожиданную информацию. Он даже опять закурил.

— И ты говоришь, сочиняют все?

— Все, — уверенно подтвердила Надя. — Только вот некому их вычитывать.

Утки совсем перестали бояться. Они выходили на берег и шлепали по песку пешком, покря-

кивая и посматривая иронически. Тем временем солнце, в последний раз глянувши исподнебья, закатилось за автомобильный мост. От воды потянуло холодом. Природа как будто давала понять, что ее гостеприимство исчерпано. Хотелось бы с природой поспорить, но у Тимоши было мокро в ботинках. Надя, казалось, тоже больше не радовалась пейзажу.

Есть время гулять туда и время гулять обратно. В микрорайоне к их возвращению жизнь уже перешла на ночной режим. По опустевшим улицам, взреывая, носились дрэгрейсеры; из подвалов вылезали кошки; под фонарями собирались кучками незаконные иммигранты. Тимоша намеревался Надю проводить до дома, он она ему не позволила.

— Вдруг меня кто-то увидит, — сказала она, — муж или какие-нибудь знакомые.

Надя чмокнула его в щеку и скрылась, не слушая возражений. Но для Тимоши прогулка не кончилась. Он понимал, что, придя домой, совершит ее на диване заново — начисто и с анализом.

7. Стульчики

Вместо следующего сеанса Тимоша и Надя стали любовниками.

Потом они снова пошли смотреть на суда и уток. Теперь Тимоша не сплеховал — обул-

ся как следует и взял про запас два свитера — для себя и для Нади. К сожалению, на старом месте не оказалось бревнышка — его или смыло прибоем, или украли люди. В прошлый раз Тимоша не думал об этом бревнышке, отнесся к нему как к данности. И вот оно, необдуманное, пропало, и нужно было ему находить замену. Чтобы впредь не зависеть от ненадежных бревнышек, Тимоша решил купить переносные складные стульчики.

И он выполнил свое решение. В третий раз они с Надей сидели на берегу каждый на своем стульчике. Так было удобнее, чем на бревнышке, только издали они были похожи на рыболовов.

8. Литературный кризис

Но для четвертого их свидания стульчики не понадобились. Собственно, это было не совсем свидание, и не в зеленой зоне. Там, куда Надя его пригласила, стульчики уже стояли — это был популярный литературный клуб. О его популярности и вообще о том, что клуб этот существует, Тимоша узнал от Нади. Здесь должна была состояться презентация книги, а точнее, сборника, вышедшего под ее редакцией. Для нее это было рабочее мероприятие, поэтому Тимоша не понимал, зачем Надя сюда его привела. Он

еще не был с ней достаточно хорошо знаком, чтобы угадывать скрытые ее намерения.

Помещение клуба напоминало актовъй зал какого-нибудь сельсовета. Ряды разномастных стульев здесь отводились публике, а для выступающих был поставлен обыкновенный конторский стол. Вряд ли владельцы клуба были настолько бедны, но, должно быть, литературной публике нравилась простота.

Надя не стала Тимошу ни с кем знакомить. Она посадила его где-то в заднем ряду, а сама присоединилась к группе здешних распорядителей. Тимошу задело такое пренебрежение. Он и сам, вероятно, выбрал бы задний ряд, но не хотел, чтобы ему определяли место.

Клуб заполнялся, хотя и не слишком густо. Кто-то из публики соответствовал здешнему интерьеру, а кто-то выглядел очень светски. Любители литературы были разными, как стулья в зале. Некоторые из них горячо приветствовали друг друга, а некоторые держались высокомерно, будто, придя сюда, делали остальным чрезвычайное одолжение. Впрочем, Тимоша не знал — может быть, так и было. Кое-кого из высокомерных распорядители усаживали вперед.

Надя общалась с виновниками предстоящего торжества, то есть со своими авторами. Их было пятеро: молодая женщина и четверка молодых людей. Выглядело это так, словно тренер

дает указания своей команде. Для авторов приготовлены были стулья и один на всех микрофон на кривоватой ножке. Микрофон пока не хотел работать, но его со знанием дела щелкал ногтем и тормошил некий, по-видимому, клубный деятель. Был он летами не юношей, но юношески подвижным; похоже, ему отводилась роль модератора мероприятия.

Наконец микрофон заработал. К этому времени на презентацию пришли уже все, кто хотел прийти. Надя в последний раз напутствовала свою «команду» и усадила за стол. Сама она с авторами не осталась — место ее заняла дама постарше, с виду решительная и строгая. Надя же ушла в зал и поместилась рядом с Тимошей, вскользь ему улыбнувшись. С заинтересованно-ревнивым видом она приготовилась смотреть и слушать.

— Кто эта важная дама? — спросил Тимоша.

— Главный редактор, — прошептала Надя.

— Так я и думал, — кивнул Тимоша. — Главных редакторов я не видел, но по ее поведению сразу понял.

Презентация началась. Первым взял микрофон тот самый неюноша модератор. Он говорил, грассируя, преувеличенно возбужденно. Смысл его речи сводился к тому, что русская литература в опасности и что эти пятеро замечательных авторов, сидящих здесь, — последняя ее надежда. После него слово взяла дама глав-

ный редактор. Она заявила свое авторитетное несогласие с модератором. Ничто не грозило литературе, пока ее судьбы держало в руках издательство, которое она представляла. Если чего не хватало русской литературе, то это денег, а в замечательных авторах дама главный редактор недостатка не видела.

— В литературном процессе, — сказала она, — автор является низшим звеном. Он поставщик сырья, от которого требуется одно: соблюдение договорной дисциплины.

— Что-то одни только общие фразы, — заметил Тимоша.

— Она не читала книгу, — шепотом ответила Надя.

После того как дама главный редактор завершила свое наставительное выступление, модератор вернул внимание публики к авторам.

— Теперь предлагаю, — воскликнул он, — нашим героям дня высказаться самим и объяснить нам с вами, зачем мы должны читать их замечательные произведения. Итак, кто начнет?

Авторы переглядывались, нервно ерзая под столом ногами. Тимоша невольно прикинул, что бы чувствовал на их месте он.

— Пожалуйста, э-э... — Модератор вложил микрофон в руку ближайшего от себя автора. — Только не долго и в порядке очереди.

Авторы забубнили. Они рассказывали о себе и зачитывали фрагменты текстов. Все они были провинциалы, за исключением женщины, которая сообщила, что живет в Москве.

— Несколько лет проработала проституткой, — пояснила Надя.

Авторы мужского пола все как один описывали свое детство. Правда, детство у каждого протекало в особых, неповторимых условиях, потому что они были родом из разных мест. Бывшая проститутка, как и следовало ожидать, черпала вдохновение в недавнем прошлом. Тексты Тимошу не впечатлили.

— Знаешь, — шепнул он Наде, — на фоне твоих писателей я не испытываю комплекса неполноценности.

— А должен был? — Надя подняла бровь. — Ах да, я забыла, ты тоже пишешь в свободное от массажа время.

Это был выпад, которого он не ждал. Чтобы ответить, Тимоше требовалось перевести дух, но потом ему расхотелось что-либо говорить совсем.

Тем временем официальная часть мероприятия завершилась. Модератор спросил, нет ли у публики вопросов к авторам, и оказалось, что вопросов нет. Публика дружно повставала с мест и, толкаясь, двинулась, но не к выходу, а в соседнее помещение на фуршет. Авторы посидели еще за столом немно-

го, а потом поднялись и отправились вслед за публикой.

— Мне тоже туда, — объявила Надя. — Ты со мной или как?

— Или как, — ответил Тимоша холодно.

Презентация в нем оставила неприятное ощущение, и особенно его ранило Надино поведение. Тимоша был так расстроен, что по дороге домой, в метро, толкнул какого-то человека. Толкнул и не извинился, что было совсем на него не похоже. Но постепенно, пока он ехал, чувство досады в нем распространилось и на себя самого. Может быть, это он повел себя как-то не так — не умел быть приятным и тем спровоцировал Надю на колкость. Напротив него в вагоне сидела пожилая женщина; глядя мимо Тимоши, она покачивала головой. У женщины просто устала шея, но выглядело это так, будто она всю дорогу о чем-то своем сокрушается.

Ночью Тимоше снились Бобры. Там на центральной площади происходило литературное мероприятие. На трибуне стояла Надя в очереди к микрофону. Тимошу она не видела или не хотела видеть. Зато его опознал бомбила с лицом клубного модератора. «Ребята! — вопил модератор-бомбила. — Этот парнишка засланный массажист!» Публика гневно гудела. «Долой!» — слышал Тимоша со всех сторон. А на трибуне Надя очаровательно улыбалась, готовая к выступлению.

9. Голубь

Наутро Тимоша замерз в постели. Он встал, чтобы плотнее закрыть окно, и увидел, что в городе наступила осень. Дома и прочий наземный пейзаж растворялись в липкой сырой субстанции, выделяемой небесами. Четким был только передний план, то есть приделанный под окном ящик кондиционера с сидевшим на нем печально-шарообразным голубем. Обездвиженный непогодой голубь смотрел на Тимошу бессмысленно-пристальным глазом. Прилетевшая сверху капля щелкнула голубя в темя, но он лишь невесело подмигнул и выпустил экскременты.

Тимоша вернулся под одеяло — затем только, чтобы перележать сборы родителей на работу. Они уже были на выходе: из передней слышались шорохи их одежд и осторожный шепот. Вот наконец и лягнул дверной замок, не умевший защелкиваться бесшумно. Если Тимоше случалось проспать, как сегодня, этот звук обязательно его будил. А просыпал он довольно часто, потому что в Проектной организации к офисной дисциплине относились без фанатизма. Тимоше зато выпадала возможность утром побыть одному в квартире.

Он застал еще в воздухе диалог папиного одеколона с мамиными духами. Еще на плите не остыла овсянка, только стала немного рези-

новой. Вместе с этой овсянкой Тимоша вкушал свое воображаемое одиночество. Будто призрак его сиротства витал по кухне, присаживаясь на пустые родительские табуретки. К счастью, то был всего лишь призрак, просто повод подумать о папе с мамой.

Тимоша любил с утра остаться один в квартире, на просторе и в тишине. Но сегодня ему захотелось совсем не пойти на работу. Голубь подал ему идею — этот бессолнечный мокрый день слишком располагал к созерцанию и печали. Можно было бы, глядя в окно, зарастающее дождевыми брызгами, наполняться переживаниями и образами, а потом их изливать в виде прозы. Оставалось преодолеть небольшое сопротивление в виде совести и, позвонив доверчивому шефу Розкинду, ценой какой-нибудь правдоподобной лжи купить себе день свободы.

10. Тимошина «Азбука»

Итак, этот первый осенний день весь посвящался прозе. Вопреки вчерашнему щелчку от Нади, спровоцировавшему ночной кошмар, Тимоша отнюдь не считал себя человеком, посторонним литературе. Несколько лет у него в компьютере существовала папка под заголовком «Азбука». В ней лежало еще тридцать папок, обозначенных от «А» до «Я» буквами алфавита. Это не было картотекой — в папках хранилась

Тимошина проза. Он регулярно приумножал ее, добавляя тексты то в одну, то в другую папку. В каждом Тимошином тексте присутствовало ключевое слово. На какую оно было букву, в ту папку и помещался текст. К примеру, сегодняшний голубь, после того как был художественно описан, упокоился под буквой «Г».

То, что Тимоша писал, не было дневником, воспоминаниями или какими-то предварительными заметками. Это были не связанные между собой прозаические миниатюры, плод свободного вдохновения. Если в мозгу возникало ключевое слово, Тимоша творил на одном дыхании. А когда дыхание пресекалось, текст считался законченным и отправлялся в соответствующую папку. Так был устроен Тимошин литературный процесс. Но даже надежная организация не отменяет трудностей творческого характера. Бывало, что ключевое слово не приходило на ум, а писать всё равно хотелось.

Была и другая проблема. Тимоше, как всякому сочинителю, требовался читатель. Он до сих пор никому не показывал своих текстов — даже родителям, полагая не без оснований, что реакция их будет та же, что на его занятия массажем. Тимоша утешался тем, что пишет «непосредственно в ноосферу», но с ней, к сожалению, не было обратной связи.

Однако сегодня ему творилось неудержимо. Ноосфера дышала близко, она обнимала, оку-

тивала Тимошу. Ключевые и просто слова, не застревая в сознании, сразу выстраивались во фразы. Под быстрыми пальцами вкусно пощелкивала клавиатура, а за окошком дождик тоже что-то выстукивал на кузове кондиционера. Сегодня «дыхание» не кончалось. В литературном угаре Тимоша провел весь день и почти не отметил в сознании, как вернулись с работы родители. За ужином он был рассеян и невпопад говорлив, впрочем, предметы застольной беседы казались ему несущественными. Даже физические предметы, такие как нож и вилка, виделись как бы уменьшенными в размерах.

Вечером он отказался смотреть кино. Тимоша был так наполнен собственным творчеством, что приобщаться к чужому казалось ему пустой тратой времени и душевных сил. Зато целую ночь он не гасил компьютер. Стоило ему прилечь, как в голове возникала новая удачная фраза или поправка к старой. Такого с Тимошей еще не бывало. Наутро он твердо решил, что порывает с массажной практикой и посвящает всего себя литературным занятиям.

11. Осенние прогулки

Так в Москве стало меньше одним массажистом. Конечно, отставленные пациентки огорчились — кто больше, кто меньше, в зависи-

мости от того, как много в их жизни значили Тимошины процедуры. Зато обрадовались родители.

– Наконец-то! – воскликнул папа. – А то у нас не квартира, а проходной двор.

– А по-моему, у него появилась постоянная женщина, – заметила мама глубокомысленно.

Ни тот ни другая не поинтересовались, чем Тимоша займется вместо массажа, да он бы и не сознался. Впрочем, мама была права. В Тимошиной жизни возникло сверхключевое слово. Он сам его вырезал у себя на сердце, как другие вырезают ножиками на скамейках. Для него в этом слове сложились сразу две страсти – мужская и творческая. Надя сделалась его музой, несмотря на возникшие между ними литературные недоразумения.

Сама же она не догадывалась о таком совмещении его страстей. Надя пришла к нему в свой положенный день и держалась так, будто на презентации ничего не случилось.

– Я уже по тебе соскучилась, – сообщила она, развязывая поясok на платье. – Что же ты не раскладываешь свой стол?

– Я больше не массажист, – объявил Тимоша. – Кажется, это тебя смущало.

Надя не поняла намек или сделала вид, что не поняла. Ну не могла же она сказать: «Раз ты больше не массажист, я готова прочесть твои тексты». Она только подняла брови:

— Значит, я что же — должна уйти?

— Оставайся, — ответил он. — Но только теперь бесплатно.

Надя, казалось, была не рада. Тень сомнения легла на ее лицо.

— Выходит, у нас будут отношения, — сказала она задумчиво.

Тимоша опешил:

— А до сих пор что было?

— Я думала, что на массаж хожу.

— Но ведь мы же с тобой не только...

— Да, да. Но теперь я должна буду окончательно изменить.

— В смысле мужу? А до сих пор ты изменяла ему предварительно?

— Прости, я не знаю, что говорю.

Надя немного запуталась. Было видно, что у нее возникла потребность в анализе. Впрочем, поразмыслив минуту, она попросила Тимошу все-таки разложить стол, и у них состоялся первый сеанс некоммерческого массажа.

Но несмотря на то, что Тимоша изменил образ жизни, а Надя изменила мужу, в их отношениях оставалось всё как будто по-прежнему. Только осень заставила переменить концепцию их прогулок. Зеленая зона сделалась сначала желтой, а вскоре и вовсе опала прахом. Кроме собак с хозяевами, там гуляли теперь, вспоминая минувшее, лишь старички со старушками. Но Тимоше с Надей было рано вку-

шать печаль, и поэтому их прогулки переместились в город. Сезонному климатическому унынию город противопоставлял культурную альтернативу. В Москве проходили художественные выставки с инсталляциями и перформансами, в хорошо оборудованных подвалах звучала актуальная самодеятельность и, конечно, в кинотеатрах три-дэ шли новейшие сиквелы к приквелам. Ужиная в кафе, Тимоша с Надей обменивались впечатлениями. Они беседовали о том о сем, но никогда — о главном. Тимоша не спрашивал Надю о ее семье, а она Тимошу о его литературном творчестве.

Обычно походы в общественные места предшествуют поцелуям и телесной близости, а у Тимоши с Надей было наоборот — сначала массаж, а потом культурные мероприятия. И между ними опять восстанавливалась дистанция. Тимоша не заговаривал о своей прозе, потому что в нем боролись тщеславие с самолюбием. А какая происходила в Наде внутренняя борьба — этого он не знал. Но умолчание не отменяло наличия у Нади мужа, а у Тимоши прозы. После свидания каждый из них возвращался в свою запароленную область жизни, куда не было доступа для другого. Туда, где обманутый Надин муж обнимал ее по ночам и, может быть, по утрам варил для нее яйцо; туда, где Тимоша до петухов сублимировал многим ведомое в никем не читанное, оставаясь один-одинешенек в ноосфере.

12. Что скажет бабушка?

Конечно, Тимошины папа с мамой не могли не заметить, что у него роман. А поскольку они заметили, то не могли воздержаться от высказываний и комментариев. Не потому, что они твердо знали, что сказать по такому поводу, но потому лишь, что были родители. Тимошины отношения с замужней женщиной не укладывались в их образцовую картину мира и к тому же не обещали им скорого и законного появления внуков. Конечно, родители много смотрели кино и не могли не знать, как бывают сложны человеческие отношения. Люди на их глазах сходились и расходились, в погоне за счастьем заводили и обрывали связи. Там, за пределами папысмаминого личного опыта, в отношениях мужчин и женщин всё было очень непостоянно. В основном эти сложности были выдуманы сценаристами, но всё равно оставался тот факт, что людям свойственно разводиться и снова вступать в браки. В головы папе с мамой закрадывалась такая мысль: что если, как в кино, эта женщина уйдет от мужа и присоединится к Тимоше? Тогда в отношении внуков было бы не всё потеряно.

Прямо и косвенно папа с мамой пытались выудить из Тимоши сведения и об его избраннице, и о планах его на будущее. Но они задавали вопросы, ответов на которые он сам не

знал. «Есть ли дети у этой Нади?» — спрашивали родители, а Тимоша лишь пожимал плечами. И поскольку он им не отвечал или отвечал уклончиво, папа с мамой не знали, что думать. В их семье нечасто такое случалось, чтобы родители оба не знали, что думать, но если случалось, то в крайнем случае можно было спросить у бабушки. Мнение бабушки было не обязательно верным, но всегда окончательным. Бабушкины суждения были не только непререкаемыми, но и строгими. Ее приговора Тимоша всегда страшился, а родители этим пользовались. «Почему ты не ешь овсянку? — слышал он часто в детстве. — Что скажет об этом бабушка?»... «Что бабушка скажет, когда увидит кошмар в твоём дневнике?» На самом деле, конечно, бабушку все не беспокоили, потому что родители сами ее побаивались. Их она подвергала критике за неактивную жизненную позицию — и вообще, и в вопросах Тимошиного воспитания. «Если его не шлепать, дельного человека вам из него не вырастить». Аргументацией бабушка не утруждалась, а, как правило, сразу переходила к резолютивной части. «Что может путного выйти из такой семейки?! Вы живете и благодушествуете в своем болоте». Маленького Тимошу такое сравнение задевало. «Зато, — говорил он бабушке, — ты обитаешь в джунглях». Это больше походило на правду, потому что она у себя в квартире держала ко-

шачий прайд. Тем не менее в сложных случаях к бабушке обращались – чтобы избавиться от сомнений и возложить на нее ответственность за принятые решения.

Ситуация с Надей не получала достаточно-го объяснения в малом семейном кругу, поэтому было не обойтись без бабушкиного суда. В этом случае было тактически важно, кто первым представит свои аргументы. Так у Тимоши зародилась идея бабушку познакомить с Надей. Это был бы его аргумент в натуре.

13. Автобусная площадь

Идея в Тимоше зрела, но до исполнения не дозревала. Бабушка не любила визитов без приглашения, а приглашения от нее можно было дожидаться не скоро. Делу помог непредвиденный случай. У бабушки вышел из строя очередной телевизор, и для покупки нового ей понадобился Тимоша. По этой причине она сама ему позвонила и говорила почти что ласково. Когда же он объявил, что приедет, может быть, не один, бабушка удивилась, но не могла отказать.

Надя тоже была не прочь познакомиться с его бабушкой. Она заявила, что любит знакомиться и вообще обожает московских старушек.

— Если любишь старушек, — сказал Тимоша, — значит, и кошек должна любить. Ты не будешь разочарована.

И в назначенный день Тимоша с Надей встретились на остановке. Путь предстоял неблизкий, не через центр города, а по «хорде», двумя маршрутками. Приличный район, откуда они стартовали, и другой приличный, в котором проживала бабушка, разделяли районы с плохой репутацией. Тимоша об этом Надю предупредил, но она была в курсе.

Впрочем, начало пути было просто скучным. Маршрутка тащилась промзонами меж бесконечных бетонных заборов и каких-то слепых терминалов. Эти заборы и стены могли бы оживить граффити, но, кажется, не вдохновляли ни на какое творчество. Лишь кое-где попадались дурно выполненные эмблемы спортивных клубов и агрессивно-патриотические призывы. Потом показались жилые пятиэтажки, но пейзаж от этого веселее не стал, а только прибавилось лозунгов. Обстановка внутри маршрутки сделалась более нервной. На остановках в салон залезали аборигены обоих полов, обитатели плохих районов. Они матерились непринужденно; в их руках пузырились сосуды с пивом, а во взглядах читалась блуждающая угроза. Полбеда, если бы можно было просто проехать этот беспокойный отрезок пути. Однако Тимоше с Надей требовалась пересадка

практически в сердце пятиэтажного региона. Этим «сердцем» являлась площадь, куда сползались автобусы и маршрутки с трехзначными номерами. Метро неглубокого залегания здесь выгружало своих конечных, а значит, самых непрезентабельных пассажиров. Отсюда они разбредались по ближним микрорайонам либо наземным транспортом ехали куда-то дальше. Но делали это не сразу: непрезентабельным пассажирам нравилось побыть на площади. Их приманивали павильоны с выносными столиками, где желающий мог заморить червячка, остограммиться и отдохнуть душой. И желающих было много: они опрокидывали в себя пластиковые стаканчики и закусывали фаст-фудом, сплевывая себе под ноги несъедобные фракции. Из водительских окон маршруток, отстаивавшихся между рейсами, гремел шансон и вылетали окурки. И каждый, кто был на площади, добавлял от себя или мусор, или хотя бы плевков. Здесь царила нечистота и безнадежная невоспитанность. Всякий раз по дороге к бабушке Тимоша переживал эту площадь как квинтэссенцию всего чуждого. А сегодня к тому же он путешествовал с Надей. Он опасался, что здесь кто-нибудь скажет ей грубость, толкнет или замарает взглядом. К счастью, ничего такого с ними на площади не случилось — может быть, потому, что Тимоша демонстративно расправлял плечи и посматривал вокруг сурово.

Хорошо, что на неприятной площади пробыли они недолго. Следующая маршрутка их забрала отсюда и повезла туда, где город выглядел более цивилизованным. Дорожные виды теперь чередовались в обратной последовательности: сначала пятиэтажки, потом промзоны и терминалы. На заборах поменялись лозунги с патриотических на либерально-протестные. Это были уже пометы, оставленные средним классом. Маршрутка въезжала в благоустроенную часть города.

14. У бабушкиного порога

Чем меньше им оставалось ехать, тем большее место бабушка занимала в Тимошиных мыслях. Как-то она встретит Надю — вот о чем он волновался. Как она встретит его самого, Тимоша примерно знал.

И было занятно, что скажет о бабушке Надя. Тимоше было уже известно, что Надя симпатизирует бабушкам в принципе. Почему — непонятно, но хорошо. Однако старушки в Москве, как и прочие женщины, делятся на два класса: один составляют московские уроженки, другой — взятые из провинции. Какова между ними численная пропорция, определить невозможно. Старушки второго типа выращивают цветы на придомовых клумбах и охотно избира-

ются старшими по подъезду. Их большинство на лавочках во дворах и у детских площадок. Они всегда на виду и, конечно же, на слуху. А коренные старушки, московские уроженки, сидят по своим квартирам и стерегут недвижимость. Их удел — одинокий оборонительный образ жизни, потому что они боятся черных риелторов и бродячих продавцов картошки.

Надя не уточняла, каких предпочитает старушек. Между тем Тимошина бабушка была типичной представительницей уроженок. Тому, кто хотел бы прижать ее к сердцу, нужно было пройти сначала процедуру идентификации. Тимоша об этом знал и поэтому не спешил. Домофон улюлюкал с минуту, прежде чем бабушка сняла трубку.

— Кто? — спросила она настороженным голосом.

— Мы, — ответил Тимоша.

Бабушка не открыла.

— Кто это «мы»?

— Дед Мороз со Снегурочкой.

— Так бы и говорил, — проворчала бабушка. — Я не обязана узнавать.

Наконец она их впустила. Тимоша с Надей вошли в подъезд и ощутили кошачий запах. Но это пахло пока не бабушкиными, а другими кошками, умершими, возможно, уже давно. В каждом подъезде московского пожилого дома пахнет кошачьей мочой, и в некоторых таких

подъездах еще живут в затворе старушки-квартировладелицы. Но как бы старушки ни караулили свою жилплощадь, всех их ждет неизбежное выселение. Скоро к каждой из них придет неумолимый, чернейший из всех риелторов. И в подъездах от прошлого только и останется, что кошачий запах.

Впрочем, Тимошина бабушка была крепка. Конечно, и с ней могло случиться самое страшное, то, что с дедушкой уже случилось, но пока что она об этом только любила поговорить. К примеру, Тимоша бесчисленно раз слышал напоминание, что она завещала ему квартиру. Если бабушка призывала его починить выключатель или отрегулировать в унитазе слив, она напирала на то, что он это делает «для себя». Но такие намеки с ее стороны были чистой воды спекуляцией. В квартире у бабушки лишь унитаз и другая техника чувствовали себя плохо, а сама она не подавала признаков нездоровья. Мысль о том, что когда-нибудь ее не станет, Тимоша гнал от себя как абстрактную и неактуальную. Во-первых, бабушка была всегда, а во-вторых, он понятия не имел, что ему делать с кошками.

Год за годом игра продолжалась: бабушке что-нибудь требовалось отремонтировать, приезжал Тимоша, чинил как умел и получал в награду угощение и наставления. Сакраментальный вопрос «Что скажет бабушка?» получал здесь

ответ быстрее, чем мог быть задан. Кладезь истин был полон по самый край — бесспорных, проверенных временем и спрямленных бабушкиным мышлением. Но хорошо было то, что она сама вопросов не задавала и никогда ничего у него не выводывала. Мелкие новости бабушке не интересовали, а крупных она от Тимоши давно уже не ожидала. Уклониться от этих бесед и от домашних починок не представлялось возможным. Бабушка не была самодостаточна в бытовом отношении, но и в душевном тоже, хотя, разумеется, ни за что в этом бы не призналась. Кошки не полностью закрывали ее потребность в общении.

Однако сегодня Тимоша надеялся бабушку удивить. Сегодня он приготовил для бабушки большую новость, и эта новость приехала вместе с ним.

15. Кошки и телевизор

К Тимошиному облегчению, знакомство бабушки с Надей задалось наилучшим образом. Помогли, как ни странно, кошки. Эти твари, известные своей пугливостью, неожиданно проявили к Наде благожелательный интерес. Бабушка была тронута.

— Чуют хорошего человека, — заметил Тимоша, чтобы развить эффект.

– То-то они на тебя не обращают внимания, – обронила бабушка.

Кошек было семь штук. Надя, присев на корточки, всех до единой погладила и спросила про каждую, как эту прелесть зовут. Бабушка даже немного разволновалась:

– Люся, Дося... простите, Лиза... это, кажется, Зося... Подождите, мне надо надеть очки.

Эту путаницу устроила она сама, наделивши своих воспитанниц однотипными именами. Кошки тем более не могли запомнить, которую как зовут, и поэтому не реагировали ни на какие клички. Впрочем, вряд ли они вообще понимали какие-нибудь слова – для наведения дисциплины бабушка пользовалась невербальным средством в виде старого полотенца.

Позабыв о Тимоше, женщины перешли из передней в большую комнату. И сюда же переместился разговор о кошках.

– Вижу, вам нравятся мои девочки. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Очень нравятся. Даже не знаю, какая лучше.

– Полагаю, вы не собачница.

– Что вы! Собаки гораздо хуже.

– Я скажу даже больше, – бабушка тронула Надину руку, – собаки – отвратительные животные. Такие назойливые, слюнявые.

Тимоша сидел отдельно, не вмешиваясь в их беседу. Кошки действительно не обращали на

него внимания. Все они лезли на бабушку и на Надю и терлись о них, подергивая хвостами.

— Ай! — вдруг вскрикнула бабушка. — Лиза, паршивка, меня оцарапала!

— По-моему, это Дося, — поправила ее Надя.

— Извините, что прерываю, — не выдержал наконец Тимоша. — Мы ведь не ради кошек к тебе приехали.

— Какой ты бестактный, — поморщилась бабушка. — Чем-то похож на собаку. Если хочешь заняться делом, пойди в магазин и купи телевизор.

— А со старым-то что у тебя приключилось?

— Сдох, полагаю, — махнула она рукой. — История повторяется.

Эта история повторялась у бабушки не первый раз. Кошки метили телевизоры своим секретом, медленно их отравляя и доводя до гибели.

— Лучше бы твои кошки сдохли, — бестактно заметил Тимоша.

16. Зимний сад

Спровадив Тимошу за телевизором, бабушка предложила Наде выпить и покурить. Для этого нужно было перебраться в другую комнату, называемую зимним садом. Здесь когда-то располагался общий бабушкин с дедушкой каби-

нет, а теперь были только растения в кадках, два обшарпанных креслица и журнальный столик, осыпанный табачным пеплом. На столике неизменно стояла бутылка дешевого коньяка, никогда не пустая и никогда не полная. Зимний сад был бабушкиным убежищем, где она отдыхала от кошек и, может быть, от самой себя.

Женщины сели в креслица. Бабушка разлила коньяк и раскурила вонючую папиросу, предварительно дунув ей в хвост. Благожелательный разговор продолжился, но уже не на кошачью тему. В зимнем саду полагалось предаваться воспоминаниям.

В советские времена бабушка и дедушка заведовали учреждениями. Славные это были годы. Никто не боялся никаких риелторов; бабушка с дедушкой жили открыто и приглашали к себе гостей. У них была домработница, женщина из провинции. Она не блистала ни чистоплотностью, ни трудолюбием, но зато умела готовить качественный самогон. Эта их домработница обладала собственным аппаратом, составлявшим, наверное, главный ее капитал. Аппарат обеспечивал самогом и ее саму, и бабушку с дедушкой, и друзей дома. Всё шло замечательно. Бабушка с дедушкой много работали, много пили и много курили, словом, жили активной жизнью. Но у всего замечательного, как известно, бывает плохой конец. Папиросы и самогон погубили дедушку — он за-

болел и умер. Бабушка выжила, но испугалась и постаралась себя ограничить в дурных привычках. С самогона она перешла на коньяк, который был намного полезнее для здоровья. Однако на этом перемены в жизни для нее не закончились — вскоре ее советское учреждение прекратило существование, а бабушку «ушли» на пенсию. В это тяжелое время и завелась первая ее кошка.

17. Дедушка в бумажном виде

В зимнем саду сегодня разве что не пели птицы. Возлияние с воскурением благотворно действовали на бабушку; она восполняла накопленный дефицит общения. Правда гостя порой чихала от папиросного дыма, потому что была некурящая, но даже этот ее недостаток не мешал беседе. Бабушка так увлеклась, что не вышла взглянуть на собственный свежкупленный телевизор. Тимоша его распаковывал, устанавливал и настраивал лишь при живом участии кошек. По идее, ему полагалось радоваться тому, что Надя и бабушка быстро спелись.

После того как задание было выполнено, Тимоша пришел в зимний сад с докладом. Бабушка скупно его похвалила. Никто не заметил, что вместе с Тимошей в святая святых проскользнула кошка. Нехотя встав из креслица, бабуш-

ка пошла на кухню разогревать обед. Тимоша занял освободившееся место, чтобы тоже выкурить сигарету. Однако Надя перепорхнула на его колени, повинувшись внезапному импульсу. В это же самое время кошка вспрыгнула в большую кадку. Думая, что они одни, Надя с Тимошей слились в поцелуе.

— Твоя бабушка — прелесть, — дыша коньяком, прошептала Надя.

Кошка в кадке всю скреблась.

Вскоре бабушка пригласила гостей к столу, который был, разумеется, накрыт на кухне. Кухня в бабушкиной квартире была многофункциональная; она служила также столовой и кошачьим клубом. Зоси, Доси и Люси смотрели тут отовсюду, даже из посудной раковины. Кошки валялись на подоконнике, или грели зады на теплых конфорках электроплиты, или разгуливали по столам, сея шерсть. Тимоша с большой неохотой ел на кухне у бабушки. Кошки, обычно к нему равнодушные, здесь теребили его за штанины и изводили мяуканьем.

Однако сегодня бабушка не поленилась очистить кухню, применив свое знаменитое полотенце. И насколько она сегодня строга была с кошками, настолько же любезна с Надей. Их общение за обедом продолжилось в том же приятном духе, что и в зимнем саду. Бабушка даже полюбопытствовала, кем Надя работает.

— Полагаю, вы не риелтор? — пошутила она осторожно. — А то в наше время, знаете ли, образовалось столько странных профессий.

— Что вы, — улыбнулась Надя. — У меня профессия отмирающая.

Она сообщила, что трудится в книжном издательстве литредактором. При этом известии бабушка неожиданно возбудилась.

— Ах, дорогая! — воскликнула бабушка. — Вас мне сам Бог послал.

— Неужели? — насторожилась Надя.

— Полагаю, да. У меня для вас кое-что имеется. Прочитаете — не пожалеете.

Тимоша от изумления перестал жевать. Бабушка живо встала и со словами: «Сейчас, сейчас... Где это у меня?» — вышла из кухни. Надя глядела с немым вопросом, но Тимоша лишь пожимал плечами. Впрочем, скоро всё разъяснилось. Бабушка принесла большую папку, завязанную на тесемки.

— Вот, — объявила она торжественно. — Это дедушкины записки.

— Я о них ничего не знал, — пробормотал Тимоша.

— Знал бы, — холодно сказала бабушка, — если бы интересовался.

Она повернулась к Наде.

— Вы понимаете, мы с ним оба служили по административной части. — Бабушка погладила рукой папку. — Я бы тоже могла написать

о многом, но у меня нет его литературных способностей.

Надя не выглядела удивленной.

— Да, понимаю, — сказала она. — Только нон-фикшен — это, к сожалению, не моя область.

— Как вы сказали? — переспросила бабушка, развязывая тесемки. — Понимаете, в этих записках вся его жизнь, вся наша эпоха. Если хотите, тут есть и фото для иллюстрации.

В папке, помимо сотен листов машинописи, оказался еще конверт с фотографиями. На них фигурировал дедушка в разных видах: и за столами каких-то президиумов, и на банкетах, за столами яств, и с бабушкой на курортах, и даже один раз в гробу.

— Понимаете, — сказала бабушка, — сама я стара по редакциям шляться. Так что вы даже очень кстати.

— Очень мило, — сказала Надя. — Но мы, к сожалению, принимаем тексты только в электронном виде.

— Вот беда, — огорчилась бабушка. — Может, что-нибудь можно сделать?.. А ты что молчишь? — толкнула она Тимошу. — Твой же дедушка, в конце концов.

Он посмотрел на Надю:

— Можно, наверное, отсканировать?

Она вздохнула:

— Ну, отсканировать куда ни шло.

Обед они завершали как бы уже вчетвером. Папка с завязками оставалась лежать на углу стола, а в папке был дедушка, вся его жизнь. Тимоша терзался ревностью. Почему мемуары чужого дедушки Надя прочесть согласилась, а Тимошиной прозы не хотела знать? Зато у бабушки сделалось очень хорошее настроение. Когда наступило прощание, она не жалела для Нади приятных слов:

— Рада была познакомиться, — повторяла бабушка. — Вы прекрасная, полагаю, женщина, и чудесная у вас профессия. Так что не отмирайте ни в коем случае.

— Вы тоже, вы тоже, — отвечала Надя.

18. Уловка отчаянья

Завершилась поездка к бабушке там же, где началась, — на остановке маршруток. В тени павильона Тимоша с Надей устало поцеловались.

— Ну пока, — сказал он печально. — Пойду я сканировать дедушку.

— Можешь не торопиться, — ответила Надя. — Пока, пока.

Дома за ужином папа с мамой спрашивали о бабушке: как она поживает и что говорит. Тимоша не стал им рассказывать, что ездил к бабушке вместе с Надей, а отчитался выборочно.

Он сообщил, что физически бабушка вполне здорова, но что у нее появилась блажь.

— Бабушка, — усмехнулся он, — хочет оцифровать дедушкины записки.

Папа не согласился:

— Это не блажь, а хорошая мысль. Будущее за цифрой.

Мама вспомнила, что когда-то дедушкины записки уже читала.

— Плакала даже, — призналась она.

В тот же вечер Тимоша приступил к сканированию. Надя советовала не торопиться, но делал он это не ради дедушки и даже не ради бабушки. В его голове созрел кое-какой хитроумный план, так что Тимоша действовал в собственных интересах. Сканер прочитывал дедушкину машинопись, перемещая тексты в цифровое будущее. Никакого желания их прочесть в настоящем не возникало. Тимоша трудился, как типографский рабочий, подкладывая страницы. Один только раз пробежал он глазами лист, случайно слетевший на пол. Тимоше досталось повествование без начала о том, как дедушка комсомольцем был в Казахстане на Целине и чинил там бороны. Слог у дедушки оказался невыразительным и удручающе обстоятельным. Этого следовало ожидать.

Много после полуночи папка с завязками наконец обрела электронного двойника. В этом

Тимошина проза

электронном виде дедушкины записки можно было отправить Наде по электронной почте. И тут-то Тимоша осуществил свой план. Вместе с дедушкиными записками он прикрепил к сообщению папку с лучшими своими текстами. И всё унесла киберпочта. С этой минуты пошло ожидание; мяч был на Надиной стороне. В такой ситуации только дедушка мог не испытывать авторского волнения.

Глава пятая: За полярным кругом

1. Зима наступила

Голова человека, в которой помещается его сознание, окружена невидимой сферой чувств. Они обращаются, словно спутники вокруг планеты, уравновешивая друг друга в сложном взаимодействии. Стоит чувству сойти с орбиты, оно улечивается или, наоборот, ударяет в голову. Последнее может иметь катастрофические последствия.

После того как Тимоша отправил Наде на суд свои тексты, произошла перемена в его системе чувств. Все они улечились, кроме авторского тщеславия и авторского малодушия. Но зато эти два оставшихся его спутника разрослись, приблизившись. Поочередно они восходили ночью и уже не меркли при свете дня. Которому предстояло пасть на Тимошину голо-

ву — этот вопрос мог решиться одним звонком или одним имейлом. Но ни того ни другого от Нади не поступало. Дни проходили в неведении и складывались в недели. От Нади не поступало даже обычной ее эсэмэски с предложением встретиться. Тимоша тоже ей не звонил — сперва в ожидании ее звонка, а потом потому, что она не звонила.

А в Москве уже стал выпадать однодневный снег. Осень предпринимала настойчивые попытки превратиться в зиму. И параллельную метаморфозу претерпевала Тимошина сфера чувств. В нем остывала надежда. Ничто не падало ему на голову, но он цепенел душой в горьком недоумении. Тимоша был как часы со взведенной пружинкой, которые не пустили в ход.

Конечно, начало зимы — это не время надежд. Закончился дачный сезон. В московских дворах скопились обледенелые автомобили — им больше некуда было ехать. Все предприятия и учреждения заработали полным штатом. Офисного планктона повсюду образовалась максимальная концентрация. В Проектной организации воцарилась производственная атмосфера; даже начальник был у себя, чтобы решать вопросы. Сотрудники, тем не менее, были рады приходить на службу — встречаться, здороваться, пить чай, согреваясь текущими сплетнями. Зима заметала город; в такое время люди искали приюта и офисного покоя.

Но для Тимоши покоя не было уготовано. Глядя, как за окном роятся и мечутся кристаллы снега, он представлял, что скоро станет сам летучей снежинкой. В такую погоду, когда хозяин собаку из дома не выгонит, его посылали в командировку за полярный круг. Коллеги демонстрировали свое сочувствие; шеф Розкинд отводил глаза. Возражать и отказываться не имело смысла; Тимоша в душе понимал — этот жребий выпал ему не случайно.

2. Интерлюдия

Самолет, сотворяя свою маленькую пургу, разбежался, подпрыгнул и слепо вонзился в пургу большую. Турбины не ослабляли рева; машина долго и трудно выпутывалась из облаков, словно дитя, застрявшее в одеяле. Наконец отчаянными усилиями самолет выбрался на простор, в ночную околоземную пустоту. Здесь он впал в относительную неподвижность; полет его стал практически незаметен. Маленький и нагой самолет медленно мчался в сопровождении ледяной луны и невидимых демонов и валькирий.

Россия в ту ночь была с головой укрыта. Лишь по багровым пятнам на облаках внизу угадывались города. Они светились, как в космосе светятся газовые сгущения. Что там делалось под покровами толстых туч? С самолета

нельзя было видеть, как в городах и поселках брызгали фейерверки — в чью-то честь или просто бессмысленные; как на улицах происходили пьяные ДТП с жертвами и без жертв; как в глубине жилищ совершались зачатия и суициды. Но эти светящиеся сгущения были только вкраплениями на пространствах тьмы. Что было там? Какая материя заполняла темные территории? Облачной целине подлежала умо-непостижимая страна Россия.

Пассажиры пытались в самолете спать, но иногда шевелились и выглядывали в иллюминаторы. Под дрожащим крылом самолета час за часом ничто не менялось. Пассажиры зевали в дорожной скуке, соединенной с гордостью от осознания огромности своей страны.

Приступы сна чередуются с приступами воображения, которым повержены все, кто путешествует в ночное время, или кто держит ночную вахту, или кто не находит другого времени для литературных занятий. Пассажир самолета прислушивается к работе двигателей. Часовой солдат, сжимая оружие, напряженно всматривается в темноту. Грузчик ночного мусоровоза подозревает жену в неверности. Литератор, подозревая себя в гениальности, льет свои худшие тексты.

Ночь — это время фрустраций, время таких вопросов, на которые нет ответов. Чаще других ученых сходят с ума астрономы — лишь оттого,

что они постоянно смотрят в ночное небо. Так что если лететь ночным самолетом, то лучше с запада на восток. Так скорее придет рассвет и останется целей рассудок.

3. Великосибирск

В городе Великосибирске все перспективы затянуты были сизой мглой. Эту мглу надыхал сам город — всеми ноздрями жителей, всеми своими трубами и моторами. Зима, сковавшая континент, была никому не матушка, а безжалостная правительница, но в морозном ее королевстве люди удерживали автономии. Город Великосибирск являлся административным центром всего живого и теплотворного.

— Это наш драмтеатр, — сообщил водитель Серега.

— Где? — Тимоша потер окно.

— Однако, проехали. Памятник архитектуры.

Сидеть на переднем сиденье слева казалось и странно, и с непривычки боязно. Машина была из Японии, праворульная, как большинство легковушек на здешних улицах. Но люди тут жили всё те же русские. К примеру, водитель Серега даже не выразил удивления, когда увидел, что один из его клиентов прилетел абсолютно пьяным. Этот клиент, сидевший кулем на заднем сиденье, был Селиверстов, менеджер по маркетингу. Его раз-

везло еще над Уралом. Тимошу с ним ничего не связывало, кроме общей командировки.

Принимающая сторона, добывающая корпорация, обеспечивала трансфер на достойном уровне. Серега встречал клиентов при галстукe, крепко чем-то надушенный, а по пути занимал их разными сведениями о городе. Но клиенты воспринимали плохо, потому что биологические часы у одного показывали еще ночь, а у другого совсем стояли.

Однако Великосибирск со всем, что было в нем интересного, не являлся конечной целью командировки. Завтра Тимоше и Селиверстову предстояло лететь уже за полярный круг, в город добытчиков Новый Бурым. Авиарейсы не стыковались, как и многое в их поездке. Не сочетались друг с другом Тимоша и Селиверстов, да и сама ненужная командировка не сочеталась со здравым смыслом. Или у этой командировки было какое-то скрытое назначение, о котором Тимоша не знал.

Машина тем временем уже вкатилась под козырек гостиницы. Даже крыльцо ее говорило, что заведение respectable. Возле стеклянных раздвижных дверей сверкали урны и постлана была дорожка. Тимоша с Серегой выгрузили Селиверстова из машины и поставили на ноги. По дорожке все трое прошли в гостиницу, которая встретила их ожидаемым великолепием. Были тут и швейцар в ливрее, и зеркала,

и ковры, и стены, отделанные под дуб. Солидная обстановка подействовала на Селиверстова. Он ожил и перестал качаться, так что мог бы сойти за трезвого, если бы не дышал. Водитель Серега дождался, пока Тимоша и Селиверстов зарегистрируются на ресепшене, а потом отозвал их в сторону.

— Я тут того, однако... Может, вам девочек подогнать?

Селиверстов дыхнул перегаром:

— Давай — вечерком.

— Мне не надо, — сказал Тимоша.

— Ну, значит, одну пришлю. Беленькую или черненькую?

— Сервис, однако... — Селиверстов задумался на секунду. — Нет, черненькую не хочу.

4. Между «Европой» и «Тундрой»

Наконец они добрались до номера, где Селиверстов по праву пьяного первым занял санузел. Всё, что он делал там, было отчетливо слышно. Эти звуки в своей откровенности были поистине отвратительны. Из санузла маркетолог вышел голый и толстобрюхий.

— В сортир пока не ходи, — предупредил он Тимошу.

Повалившись в кровать, Селиверстов тотчас уснул и, разумеется, захрапел. Храп его был ужа-

сен: могло показаться, что в номере штробили стены. Нет, не так бы Тимоша хотел путешествовать. Прозаику в дальних странствиях полагается плодотворно думать, а он преодолел уже тысячи километров, и без единой интересной мысли. Хуже того, дорога даже не успокаивала ему нервы. Путешествие складывалось из множества раздражающих неудобств, апофеозом которых стал этот мерзкий храп. Получалось, что даже вдали от Москвы Тимоша не мог ни отрешиться от горьких своих проблем, ни заново их проанализировать. Он попросту перетасил за тысячи километров свою тоску.

Но в такой обстановке и тосковать невозможно было. Храп Селиверстова вызывал только слепое бешенство. Оставалось одно из двух: либо пьяного маркетолога задушить подушкой, либо бежать из номера. Тимоша предпочел второе.

В коридорах гостиницы было пусто, только пели пылесосы горничных. В парадном холле четыре китайца медитировали с планшетами. Женщина-ресепшионистка, лежа на стойке грудью, о чем-то секретничала со швейцаром. Когда показался Тимоша, они замолчали и стали на него смотреть. Китайцы тоже подняли непроницаемые глаза-щелочки. Тимоша прошел мимо всех, никому ничего не сказав. Он накинул на голову капюшон «аляски» и шагнул на мороз.

Только отчаяние могло заставить гулять зимой в Великосибирске. Было неинтересно

и очень холодно. Большой некрасивый город жил собственной жизнью, не стремясь никому понравиться. Тимоша решил посмотреть драмтеатр, памятник архитектуры, но вместо театра нашел только дом-музей какого-то декабриста, к тому же закрытый по случаю понедельника. Продрогнув вконец, он зашел в подвернувшуюся забегаловку — только чтобы согреться. Забегаловка оказалась «стоячая», с высокими круглыми грязными столиками. В задней стене небольшого зала было устроено внутреннее окошко для раздачи пищи. В окошке стояла женщина с непроницаемым взглядом.

— Два? — спросила она.

— Два чего? — не понял Тимоша.

Женщина удивилась:

— Чего — «чего»?

— Не понимаю. — Тимоша пожал плечами. —

Ну, если хотите, пусть будет два.

Без выражения на лице, двигаясь с точностью автомата, женщина шлепнула два чебурека в тарелочку из картона. Так же автоматически она поставила перед Тимошей граненый стакан и опрокинула в него мерку водки. Ему оставалось сказать «спасибо».

Что-то во всем этом было не так. Порядки в закускойной показались Тимоше странными, и он вспомнил, как далеко от Москвы забрался. Но далека была не Москва, а Тимоша сам всегда был далек от подобных закусовых. Чувствуя

на себе взгляды раздатчицы и посетителей, он пристроился к столику у окна. Лучше было смотреть на улицу, чем вовнутрь забегаловки.

Водку он выпил одним глотком и сейчас же почувствовал в теле неестественное тепло. На какое-то время мысли его оставили, и Тимоша лишь краем сознания контролировал чебурек, норовивший излиться соком. Перед собой он видел окно в побежалостях инея, а за окном большую проезжую улицу, по которой ползли японские автомобили, бородатые от сосулук. Через дорогу напротив располагалось здание, выстроенное с претензией. Проемы его фасада имели овальную форму, но смело срезывались по хорде. На фронтоне занятого здания пылали два слова, составленные из светодиодов: «Кинотеатр «Европа». Вывеска переливалась, постоянно меняя цвет. От забегаловки до «Европы» было рукой подать. Тимоше хотелось переместиться отсюда туда, где, конечно, было теплей и чище и где были кресла, в которых гораздо комфортнее ни о чем не думать.

Но в чем-то еще было дело. Слишком настойчиво мерцала вывеска. Казалось, она сигналила, как бы подавая Тимоше знак. Он смотрел и не мог понять. В поле зрения проезжали те же японские сплошь машины; те же в китайских пуховиках возникали и исчезали прохожие. Только одно исключение нашел Тимоша: у вхо-

да в «Европу» стояла женщина. Точнее сказать, попрыгивала и приплясывала, стучая ножкой о ножку. Может быть, неспроста над нею мерцала вывеска? Почему, несмотря на мороз, эта женщина не шла в «Европу»? Она словно нарочно хотела дать себя рассмотреть. И Тимоша всматривался, хотя окно забегаловки искажало детали, — всматривался с каждой секундой всё более напряженно. В его голове созревала невероятная, фантастическая догадка. Эта женщина была Надя! Капюшон ее красного пуховичка был накинута, так что лица Тимоша не мог увидеть. Но он узнал ее не по лицу, а по манере двигаться. Какая другая женщина могла бы приплясывать, отогревая ножки, с такой непринужденной грацией! Сомнения отлетели. Как и зачем оказалась Надя в Великосибирске — некогда было об этом думать. Тимоша, застегиваясь на ходу, выскочил из закуской.

Тимоша метался по улице вверх и вниз в поисках перехода, но не нашел его. И тогда он решился проезжую часть пересечь в неполюженном месте. Тимоша исполнил опасный танец с автомобилями и выбрался невредимым на другую сторону. Но оказалось, он рисковал напрасно. «Европа» была перед ним, она никуда не делась; на Тимошу оглядывались прохожие, все одетые во что-то бурое. Только красный пуховичок исчез. С последней надеждой Тимоша бросился в кинотеатр. «Ев-

ропа» автоматически открыла двери — одни и потом вторые. За вторыми дверями было уже фойе, но Тимоша и здесь не увидел красного пуховичка — только в немых гримасах тарасились на него с афиш героини каких-то блокбастеров. Единственной живой душой была тут кассирша, сидевшая за стеклом, в котором сделана была щель для передачи денег. Через эту щель Тимоша попробовал заговорить с кассиршей:

— Скажите, вы тут не видели... — начал он.

— Говорите, пожалуйста, в микрофон! — перебил его металлический голос.

Тимоша был слишком взволнован, чтобы искать микрофон, он только громче повторил вопрос:

— Женщина такая, знаете, в красном пуховике...

— Не знаю я никакую женщину, — ответил голос. — И говорите, пожалуйста, в микрофон. Не хватало мне только от вас заразиться.

Кассирша, сидевшая за стеклом, открывала рот, но слова ее приходили откуда-то из другого места.

Тимоша в тревожной растерянности отошел от кассы. Через окно, похожее на половинку большого иллюминатора, он снова на всякий случай осмотрел тротуар перед входом в кинотеатр, а потом и всю улицу. Нади, конечно, не было там. Только прохожие в буром, японские

автомобили и забегаловка через дорогу. Можно было теперь прочесть, что забегаловка называлась «Тундра».

Голос из кассы заставил Тимошу вздрогнуть.

— Мужчина! Если пришли погреться, купите билет.

— Билет? — растерялся Тимоша. — Я не хочу, я ищу человека.

Голос настаивал:

— Очень рекомендую: у нас сегодня «Смурфики-три» в показе.

— Что в показе?.. Какие смурфики?

Тимоша почувствовал, что диалог его с кассой начинал отдавать безумием. В состоянии, близком к панике, он бежал из «Европы» прочь.

5. Температурный кризис

Тем временем в Великосибирске уже намечались сумерки — по-зимнему ранние, по-городскому бескрасочные. Природа отнюдь не давала вечернего представления; просто она сберегала энергию. Над городом сократилась централизованная подача света и солнечного тепла. Мороз до костей пробирал Тимошу, но, кроме того, его пробирало необъяснимым страхом. Встречные люди в бурых одеждах посматривали на него из-под накинутых капюшонов. Что означали эти недружелюбные взгляды? Неужто он прови-

нился тем, что не пошел на «Смурфиков»? Тимоша догадывался, что допустил оплошность, но не мог уловить какую. Ему очень хотелось спрятаться от мороза и от людей; его знобило.

Тимоша не помнил, как оказался в гостиничном номере. Здесь он нашел тепло, но не уединение. Селиверстов как раз потягивался, проснувшись.

— Как погулял? — поинтересовался он.

Тимоша насторожился:

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. — Селиверстов зевнул. — В принципе, мне накакать.

Озноб у Тимоши не проходил. Кое-как избавившись от одежды, он забрался в постель под толстое одеяло. Селиверстов обеспокоился:

— Ты это что? Еще рано спать.

— Я заболел, — сообщил Тимоша, накрывая подушкой голову.

— Только не это! — маркетолог взвыл. — Как это так, заболел! Ко мне же путанка придет, я при тебе договаривался.

— Мне накакать, — Тимоша отозвался глухо.

Под синтепоном он чувствовал лишь себя, и чувствовал себя плохо. Того, что происходило снаружи, Тимоша почти не чувствовал. Там расстроенный Селиверстов матерился и причитал, не зная, как быть ему с проституткой. Но, по всей вероятности, эту проблему сама

проститутка и разрешила. Тимоша не слышал из-под подушки, как она появилась, как шушукалась с Селиверстовым и как они оба вышли из номера. Просто в какой-то момент подушка стала не нужна Тимоше; он обнаружил, что вокруг него сделалось темно и тихо. Но тишина оказалась обманчива. Скоро Тимоша почувствовал чье-то присутствие рядом – деликатное и почти невидимое. «Нет покоя!» – подумал он, вмысливаясь в темноту. С некоторым усилием, постепенно, ему удалось опознать гостей – это были китайцы, которых он видел давеча на ресепшене. «Наверное, ошиблись номером», – решил Тимоша. После разоблачения гости сделались как бы контрастнее. Но вслед за китайцами стали приходить другие, чье появление было необъяснимо. Пришли и кассирша, боявшаяся заразиться, и подавальщица из забегаловки, и сутенер Серега. Некоторых из гостей Тимоша даже впервые видел. Но всё это были ему совершенно ненужные персонажи. И терпел он их потому только, что дожидался Надю.

А Надя не приходила. Остальные, непрощенные, явно маялись, то растворяясь, то снова конкретизируясь в темноте. Чего они все хотели? Если анализа, то напрасно; Тимоша на тот момент чувствовал себя не в форме. Безотносительно ко всему у него возникла кое-какая естественная потребность. По мере ее нарастания гости начали пропадать.

6. Невероятное очевидное

Что может быть хуже, чем разболеться вдали от дома. Однако Тимоше неожиданно стало лучше. Тело его исходило потом, но это был пот соматического облегчения. Сознание полностью прояснилось. Теперь он и мог, и хотел мыслить критически и объективно. Материал для анализа был: китайцы и прочие гости пропали, но живо рисовались в памяти. Пережитое им непрошенное нашествие Тимоша определил как температурный бред. Но оставался вопрос: почему у него в мозгу, временно вышедшем из-под контроля, сыгралась именно эта, а не другая сцена? Будучи правильно истолкован, бред человеческий приобретает смысл. Нигде, как в бреде, люди не проговариваются сами и не бывают так восприимчивы к проговоркам свыше. То, что Тимоше привиделось, было, конечно, такой проговоркой, которую требовалось расшифровать.

В бреде, как в художественном произведении, ничего не бывает случайного. Если к Тимоше пришли китайцы, то это что-нибудь значило. Но были еще другие, на первый взгляд не имевшие ничего общего ни с китайцами, ни между собой. Лишь кассирша и подавальщица были, возможно, женщины одного круга. И всё же их что-то связывало. Может быть, все они состояли в каком-нибудь тайном обществе, были

членами неизвестной организации или сети. Это предположение, если не цепляться к терминам, выглядело не так уж глупо. Оно объясняло многое. Например, их безмолвно-красноречивое переглядывание, пока они толпились в номере. Тимоша проигрывал в памяти обстоятельства, при которых встречался с ними — уже не в бреду, а в реальности. И разрозненные случайности — странные умолчания и обмолвки и брошенные мельком взгляды — укладывались, как кирпичики, в стены выстраиваемой концепции. Из пучин осязаемой им действительности всплывало нечто угаданное в бреду на пределе чувствительности.

Тимоша на терминах не заикливался; пусть их придумывают сочинители боевиков и диванные конспирологи. Но если анализировать по существу, то становилось ясно: вокруг Тимоши происходила какая-то тайная деятельность. И началось это, видимо, после того, как он послал свои тексты Наде. Факты, вылущиваемые анализом, были неумолимы. Надино длительное молчание и сегодняшнее ее внезапное появление в Великосибирске доказывали, что Тимоша был вовлечен в большую игру, только не знал, в какую. Если всё же прибегнуть к термину, он был задействован «втемную», то есть являлся не игроком, а фишкой. Правда, фишкой, должно быть, важной — иначе зачем бы такая организация прислала своих агентов освидетельствовать его в бреду.

Тимоша, однако, мог анализировать только наружные факты, доступные наблюдению. Смысла в их совокупности он по-прежнему не понимал. Это было неудивительно — так и случается, если кто-то становится частью игры, правил которой не знает. Вероятно, футбольный мяч понятия не имеет, зачем двадцать два человека гоняют его по полю, а может лишь констатировать получаемые пинки.

Но Тимоша был все-таки не футбольный мяч. Он мыслил, пытаясь в происходящем найти закономерности и пружины. Снова и снова припоминал он события минувших суток. Вот взревел самолет, разбежался и взмыл. Небо тогда над Москвой было цвета густого какао. Стюардесса на время взлета выключила улыбку; в откидном своем креслице она сидела лицом в салон. Теперь-то Тимоша вспомнил ее непроницаемый взгляд, наставленный на него. Не мог этот взгляд ничего не значить. Когда самолет набрал высоту и скорость, Селиверстов достал бутылку и вылил ее в себя, ни от кого не прячась. Стюардесса, конечно, видела, но не сделала замечания. Почему? Да по той причине, что они были заодно. Дальнейшая цепь событий была хорошо спланирована. Селиверстов надрался в стельку и выгнал Тимошу из номера своим нестерпимым храпом. Кто-то знал, разумеется, что когда Тимоше прискутит слоняться

по городу, на его пути окажется забегаловка. Из забегаловки не было другого вида, кроме как на «Европу», где давали «Смурфиков». Даже Надю они использовали для приманки. Он вспомнил фигурку в красном пуховичке, и сердце его защемило. Что ж! Эта сложная многоходовка удалась бы, купи Тимоша билет. Но он не пошел на «Смурфиков» и до конца не исполнил назначенную ему роль. Дальше Тимоша не знал, что будет. Наверное, он был в опасности.

Игра с непонятными целями, неназываемая организация — трудно было в такое поверить. Но, с другой стороны, известно, что всякое тайное тем легче скрыть, чем оно кажется невероятней. Так Тимоша раздумывал, параллельно потея и выздоравливая от простуды. А потом он обсох и заснул.

7. Не выдать себя

Неверно сказать, что он спал спокойно, — Тимоша совсем ничего не чувствовал. Можно было назвать это гибернацией или мертвецким сном. «Гости» Тимошу больше не посещали вплоть до того момента, когда пришел Селиверстов. Но то был не гость, его сосед. И был он такая свинья, что разбудил бы и мертвого. Селиверстов не мог не шуметь ни в каком из своих проявлений. Могло показаться, что в номер явилось

сразу несколько Селиверстовых. Один из них кашлял, другой напевал, третий чем-то шуршал, а четвертый разговаривал с тремя первыми. Тимоша лежал не двигаясь, хотя, конечно, уже проснулся. Вдруг Селиверстовы замолчали. Тимоша услышал над головой приближающееся сопение. Он шевельнулся и открыл глаза.

— Да ты живой! — обрадовался Селиверстов. — А то мне почудилось, что ты не дышишь.

Сам маркетолог был полон жизни, бодр и доволен собой. Тимоше он всё простил. Оказалось, они с проституткой здесь же в гостинице сняли на ночь свободный номер.

— Так что ты, если что, не переживай. У меня всё ништяк. Веришь ли, даже кондомы кончились.

Тимоша молчал, натянув одеяло на нос. Он наблюдал, как старательно Селиверстов разыгрывает свою роль, и не верил ему ни в едином слове. Теперь самому Тимоше следовало обдумывать тактику поведения. Осторожность подсказывала ему тоже принять свой обычный вид, словно бы он ни о чем не догадывался. Пусть Селиверстов и те, кто стоит за ним, продолжают играть с Тимошей. Он же за их маневрами станет наблюдать исподволь. «Надо учиться танцевать с дьяволом», — сказал сам себе Тимоша. Следуя принятой установке, он выбрался из постели, сделал утренние дела и оделся. С Селиверстовым вместе они спустились в гостинич-

ный ресторан позавтракать. С утра в ресторане был шведский стол. Тимоша взял себе круассан и кофе, а Селиверстов сожрал остальное.

Водитель Серега за ними прибыл без опоздания. Он, конечно, осведомился, довольны ли москвичи проведенным временем. Селиверстов пожал ему руку и рассказал про закончившиеся кондомы. В аэропорт они ехали тем же маршрутом, что и вчера, только теперь на переднем сиденье восседал Селиверстов. Снова Серега упомянул драмтеатр, и снова Тимоша не смог его рассмотреть. Тем не менее он был уверен, что никогда не забудет город Великосибирск.

8. Самолет

Следующим этапом командировки был перелет за полярный круг. У Тимоши предощущение экстрима возникло еще до взлета. Низкопольный автобус, задом цепляя наледи, долго петлял по бетонным просторам аэродрома. Он привез их в какой-то отстойник, где с приставленным трапом ждал смельчаков самолет местной авиалинии. Поземка мела ему на колеса. Снабженный двумя винтовыми моторами, летательный аппарат был, очевидно, уже в том возрасте, когда помирать не страшно. Крыло, расположенное над фюзеляжем сверху, делало его немного похожим на чучело птицы. При

виде такого воздушного судна Тимоша почувствовал фаталистическое возбуждение, а Селиверстов, наоборот, пал духом.

— Ты как хочешь, а я нажрусь, — с дрожью в голосе объявил он. — Дай только сесть в эту колымагу.

Кроме него, однако, труса никто не праздновал. Вместе с Тимошей и Селиверстовым опралялись в небо еще человек сорок. Это были привычные к испытаниям и опасностям вахтовики-бурильщики и ненцы-оленеводы, которые других самолетов вообще не знали. Ненцы были утомлены встречей с цивилизацией, но выглядели довольными: они возвращались к стойбищам после шопинга в Великосибирске. Вахтовики же, наоборот, летели от дома прочь. За brutальными внешностью и манерами они хоронили свою печаль.

В маленьком самолете иллюминатор оказался большой и круглый. Через него хорошо просматривались крыло со всем оперением, двигатель и шасси. Это были важнейшие механизмы, поэтому возле них до последнего колдовали аэродромные техники. Работать на ледяном ветру удовольствие небольшое, но техники с большим усердием проверяли все возможные соединения. Хотя лететь предстояло не им, лица их были серьезны. Техники понимали, что в случае катастрофы они окажутся крайними. Хорошо, что Тимоша сидел

у окна, — Селиверстову лучше было не видеть этих приготовлений к полету.

Наконец завершились наземные процедуры. Трап отделился от дверного люка, сложился и укатил на своих колесах. Техники, сделавшие что могли, отступили от самолета. Жребий был брошен; машина осталась одна в чистом поле между землей и небом. Двигатель через заднее свое отверстие выпустил сгусток бурого дыма, затем голубого. На переднем его конце замахал лопастями пропеллер и растворился в воздухе, образовав мутноватый круг. Внутри самолета всё завибрировало; в салон проникло гудение разгоняющихся турбин; оно повышалось в тоне, переходя в равномерный вой. Эти моторы с винтами звучали несовременно, а раньше, в Тимошином детстве, довольно часто так пело небо. Самолет понатужился и поехал, мелко попрыгивая на ледяных кочках и устраивая позади себя искусственные бураны. Минут через пять он добрался до взлетно-посадочной полосы и замер, удерживаясь на тормозах. Вой моторов его перешел в громовой ошеломляющий рев. Селиверстов перекрестился, к Тимошину удивлению. Самолет, опустив тормоза, побежал, ускоряясь. Взлет состоялся благополучно. Продолжая набор высоты, самолет произвел несколько головокружительных припаданий то на одно крыло, то на другое, будто решая, куда направиться. В Тимошин иллюми-

натор заглядывали городские дома-доминошки и какие-то фабрики с трубами, а потом проваливались, уступая место быстробегущему небу, подбитому облаками. Потом выражи закончились, и самолет утвердился в курсе, нацелив свой нос на север. Летчикам было несложно ориентироваться, потому что маршрут проходил над большой рекой. Это была одна из тех рек, что, подобно морщинам скорби, залегли на челе Сибири. Впрочем, зимой она не текла и больше напоминала несшитый шрам, зарубцевавшийся льдами. По обоим ее берегам, до куда хватало видимости, простиралась тайга, знаменитые «легкие нашей планеты». Сейчас эти легкие не дышали; леса стояли в анабиозе и кислорода не делали. Тайга была не густая; смотрелась она, как щетина, проросшая сквозь белый грим, например, у актера или покойника. И кроме необозримой однообразной тайги, не было ничего другого. Тимоше пора было осознать, что напрасно он набивает лоб, глядя в иллюминатор. Их полет проходил в непрерывной болтанке, на высоте, неудобной для самолета и пассажиров. Атмосфера была полна невидимых уплотнений и турбулентных потоков. В иллюминатор Тимоша мог наблюдать, как нервно крыло пошевеливает элероном, как оно, пробивая воздушные сгустки, трепещет и выгибается. Селиверстов в соседнем кресле тоже нервничал и трепетал. Бедняга даже не

в состоянии был напиться, потому что его без того мутило.

Полет продолжался в штатном режиме. Тимоша привык к болтанке и вою двигателей. Эти реалии постепенно перестали его отвлекать; он углубился в свои размышления. Надо было обдумать одно происшествие, случившееся в аэропорту прямо перед отлетом. В толпе пассажиров Тимоша снова увидел красный пуховичок. Надя, кажется, регистрировалась на московский рейс. Наученный вчерашним опытом, он не бросился к ней, а, напротив, спрятался за людскими спинами. Наблюдать, ни во что не вмешиваясь, — это была его новая тактика. Тем не менее он незаметно сфотографировал Надю на свой смартфон. Ему нелегко было в ту минуту победить в себе искушение просто набрать ее номер. Но звонок его, без сомнения, был бы немедленно зафиксирован и отслежен. Тимоша ни в коем случае не должен был подставлять ни себя, ни Надю. Теперь ему очень хотелось втайне от Селиверстова посмотреть фотографии, но смартфон был в полете выключен.

9. Бурым, да не тот

За бортом среди дня наступали сумерки — чувствовалось Приполярье. Зима, владелица этих мест, сэкономила на освещении необжитых тер-

риторий. Естественный свет убывал с неестественной быстротой, а искусственного под крылом не было видно ни огонька. Тимоша поглядывал в иллюминатор в надежде увидеть хотя бы северное сияние, но оно не показывалось. Дальнее небо затянуто было бесцветной непроницаемой мглой, а ближнее только мерцало красным в такт самолетному маячку. Когда у Тимоши стало закладывать уши, он догадался, что самолет приступил к снижению. Вой моторов сменился расслабленным воркованием; они лишь слегка подгребали винтами, помогая машине планировать. Селиверстов заерзал в кресле, проверяя под животом ремень безопасности. Он тоже оглох от перепада давления и потому матерился неприлично громко. Вскоре к моторному гулу прибавились другие звуки: жужжание разных внутренних механизмов, какие-то стуки и даже скрежет. Эта деятельность предвещала скорую встречу с землей. Пассажиры, пристегнутые ремнями, не влияли на ход событий. В эти минуты они сознавали полную свою зависимость от независящих от них причин. Стать хозяином своей судьбы пассажир надеется после успешного приземления, когда разрядится в положенных рукоплесканиях и отстегнется от кресла. Но ему следует быть осторожным: случалось, что люди получали травмы, скатившись с трапа при высадке из самолета.

Однако на этот раз обошлось без аплодисментов, хотя приземление было удачным. Бурильщики были народ суровый, а ненцы, наверное, сдерживались в эмоциях до встречи со своим шаманом. Дверь самолета выделилась из фюзеляжа и отъехала в сторону; в образовавшийся черный проем хлынул морозный пар. Тимоша при выходе задержался, глотнув ледяного воздуха. Сзади его по спине хлопнул какой-то бурильщик:

– Город Бурым, приехали!

– Где же город? – пробормотал Тимоша, осторожно спускаясь по трапу.

Не было видно не только города, но даже нормального аэровокзала. Лишь вдалеке фонари освещали кучку аэродромных служб.

– Город здесь недалёко, – сказал бурильщик. – Тайгой километров шестьдесят.

Пассажиры пешком потянулись в сторону фонарей. Скрип снега под их ногами заглушал все другие звуки – так силен был мороз. Шли они к наибольшему из барачков, который, по видимому, выполнял функцию аэровокзала. «Бурым» извещала вывеска, прикрепленная на его крыше, чтобы пассажиры знали, куда они прилетели. Возле барака с вывеской их встречали собаки, не караульные, а простые, похожие на бродячих. Влаивая и повизгивая, собаки ластись к пассажирам, путаясь у них в ногах и норовя вместе с ними просочиться в барак. Собак отгонял аэродромный служитель.

— Вон пошли! Кыш отсюда! — взмахивал он на собак ногой, обутой в огромный валенок.

К пассажирам служитель был милостив:

— Вы заходите, граждане, — приговаривал он. — К вам это не касается.

Селиверстов, который до этого только молча стучал зубами, неожиданно возмущился:

— Тебя самого бы по жопе валенком! Собачкам ведь тоже погреться хочется.

— Куды там погреться, — возразил служитель. — Это они не зазябли, а волков боятся.

Селиверстов ему не поверил.

— Гонишь, дядя! — сказал он строго. — Волки бывают в сказках.

— Куды там, в сказках. — Служитель вздохнул. — Энтими днями двоих заели.

— Двоих?!

— Собачек, конечно, не вашего брата. — Служитель чуть усмехнулся. — Вы тоже, однако, далёко тут не гуляйте; если посцать или что, идите близехонько, за угол.

Зал ожидания был обустроен без роскоши. Интерьер его состоял из фанерных диванов, настенного неработающего телевизора и кулера без воды. Пассажиры с собой нанесли запахи мокрой обуви, табака и псины, впрочем, может быть, здесь и до них так пахло. Как бы то ни было, но они должны были радоваться возможности обогреться и спрятаться от волков. В полном составе прибывшие собрались в ба-

раке. Всем предстояло следовать транзитом далее. В Бурый никому не требовалось, хотя он и был всего в шестидесяти километрах. Ссылнокасторжный городок давно потерял экономическое значение. Он отдал свое имя другому городу, построенному из стекла и стали на месте крупного месторождения. Придорожные местные волки оставались без промысла и потому охотились на собак. Новый Бурый находился в тундре, в трехстах километрах к северу. У него еще не было собственной воздушной гавани, и поэтому между Бурымами осуществлялось вертолетное сообщение.

Именно в ожидании вертолета транзитники коротали в бараке время. Ненцы ели тушенку; бурильщики или дремали, или развлекались с гаджетами. Время от времени пассажиры ходили «близехонько за угол», но возвращались целыми, незаеденными. Всех разморило в бараке, но главное было то, что уснул-замолчал Селиверстов. Это значило, что Тимоша мог наконец посмотреть снимки, сделанные в аэропорту. Оглядевшись украдкой, он вытащил свой смартфон. Палец его подрагивал над экранчиком; он и хотел увидеть красный пуховичок, и почему-то боялся. Но оказалось, боялся Тимоша зря: никакого красного пуховичка на фото не было вообще.

Рядом всхрапывал и подергивался Селиверстов — наверное, ему снились волки.

10. Вай-фай и собачий вой

Наконец и Тимоше приспела надобность прогуляться «за угол». Страшный мороз и собаки встретили его за дверьми барака. Собаки гремели сосульками, наросшими на хвостах. Прирожденные спутники человека сопровождали Тимошу до места и с ним за компанию оросили снег. Казалось, вот-вот, и они начнут выпрашивать сигаретку.

Аэродромное поле цвело дежурными огоньками, редкими и холодными. Далекий, чуть слышимый трактор чистил взлетную полосу. За пределами его света фар на сотни окрестных верст лежали тайга и мрак. Трактористу, наверное, было страшновато и одиноко. Должно быть, ему хотелось поскорее вернуться к людям или хотя бы к собакам.

Конечно, в бараке среди пассажиров было не так тревожно, только был нехорош надышанный ими воздух. Люди сидели почти не двигаясь, уйдя глубоко в себя, исполненные терпения, — будто какое-то древнее племя, скопившееся на ночлег в пещере. Первобытные ассоциации сами напрашивались, когда за стенами барака слышался вой собак. С цивилизацией и прогрессом здесь, казалось, ассоциировался один пересохший кулер. Но это была только видимая реальность, которая, словно ширма, скрывала присутствие технологий. Ти-

мошин смартфон, к примеру, обнаружил в бараке вай-фай и доступные подключения. Это значило, что, казалось бы, Богом забытое место не было забыто чертом. И что этот условный черт, а на самом деле властители технологий влезли в Тимошины фотофайлы и удалили из них Надино изображение.

Собаки на улице не унимались. Что они чуяли — волчий дух или присутствие технологий? Может быть, просто жаловались на судьбу. Ниоткуда и никуда, время невыносимо медленно вытягивалось из темноты и в темноту же кануло. Утро не наступало и не могло наступить. Но пассажиры не утра ждали, а только прибытия вертолета.

11. Город будущего

Удивление — это дитя неожиданности, а неожиданность — дочь контраста. Вертолет, который держался в воздухе посредством дикого грохота и отчаянной жестикуляции двух винтов, принадлежал еще старому, индустриальному миру. Но он перенес пассажиров не только на некоторое расстояние, а, можно сказать, в другую реальность. В Новом Бурyme уже был виден завтрашний день человечества или как минимум день иной. Он не был похож на обычный земной город, а скорее напоминал обитаемую инопланетную станцию. В нем

дома не имели фундаментов и всё поселение существовало как бы поверх природы. Тепло-непроницаемый, герметичный Новый Бурым не нуждался в солнечном свете, а питался энергией от своих источников. Чтобы заметить присутствие технологий, тут не требовалась собачья чуткость, да и не было в этом городе ни одной собаки.

С первых минут, проведенных в Новом Бурyme, Тимоша решил соблюдать максимальную осторожность. Сомневаться не приходилось: в этом логове технологий всем и вся заправляли те, кто технологии контролировал. Те, кто властвовал в киберпространстве и имел удаленный доступ к гаджетам всех людей. Кто этой ночью взломал маленький мозг Тимошиного смартфона.

Вознесенный над мерзлотой путепровод обвивал глянцевитые пирамиды офисов. Низкое небо над Новым Бурымом было озарено неполярным сиянием логотипа добывающей корпорации. Улицы города украшал набор подobaющих вывесок: суши-бары, солярии, кинотеатры три-дэ. Что же скрывалось за этими вывесками? Вне истории, мановением технологий смурфики в тундре устроили свою базу, чтобы высасывать соки заповедного Заполярья. В здешних краях веками люди били пушного зверя и отрясали кедровые шишки, а теперь эти промыслы угасали.

Ум заходил за разум; Тимоше хотелось спать. Но расслабляться было нельзя: не далее как сегодня в плане командировки значилось важное совещание.

12. Приехал без папки

Хозяева технологий строили в соответствии с утопическими концепциями. Гостиница, где поселили Тимошу и Селиверстова, оказалась внутри прозрачной, как обиталище Северной королевы. Даже стена туалетной кабины в номере выполнена была из матового стекла. Но сквозь эту стену просвечивало брюхатое мужское тело, не соответствовавшее никаким утопическим представлениям. Селиверстов напоминал эмбрион на экране узи-аппарата, но уже со вторичными половыми признаками.

Обменявшись сеансами гигиенической вынужденной откровенности, Тимоша и Селиверстов побрились электробритвами и повязали галстуки. У них оставалось время, чтобы до совещания подкрепиться ланчем или как это тут называлось. Пищеприемное помещение они увидели сквозь три стены. Стулья, столы и тарелки, конечно же, оказались стеклянными. Физически непрозрачными здесь оставались только люди и пища, но у людей были ясные лица с выражением полной открытости, а еда

о себе сообщала всё: цену, вес и число калорий. Недалеко от Тимоши и Селиверстова ланчевала группа сотрудников корпорации. Они и питались, и демонстрировали командный дух. Через равные промежутки времени сотрудники хохотали сильными голосами. Селиверстов по своему обычаю принял смертельную дозу калорий. Тимоша, напротив, есть вообще не смог. Блюда ему казались одинаковыми на вкус. Вернее сказать, он не чувствовал никакого вкуса. Когда Селиверстов насытился, он отрыгнулся в ладонь из уважения к окружающим.

До встречи с заказчиком оставалось каких-нибудь четверть часа. В принципе, это мероприятие можно было бы провести в Москве. Тогда бы с обеих сторон в совещании поучаствовали начальники и по его итогам поужинали бы в «Пекине». Всё равно это вышло бы не дороже, чем посылать двух болванов за полярный круг, а «галочку» бы поставили куда жирнее. Только одно объяснение находил Тимоша всей этой странной командировке: она служила прикрытием для какой-то тайной сложнозадуманной операции.

— А где твоя папка? — спросил неожиданно Селиверстов.

Тимоша не понял:

— Какая папка?

— С материалами для совещания. Ты же идешь не в кино на «Смурфиков». Или папка, или планшет, что-нибудь полагается.

13. На грани провала

Из гостиницы в храм совещаний вела прозрачная труба перехода. Этими трубами соединялись все здания Бурым-сити. Сотрудники корпорации с папками и без папок, подгоняемые деловой нуждой, перетекали по трубам туда-сюда. Клаустрофобия здесь никому не грозила, однако вид из трубы на полярную ночь тоже угнетал психику. Сотрудники корпорации не смотрели вовне трубы, чтобы не потерять улыбок. Позитивный настрой был им, по-видимому, предписан, как и ношение бейджиков с указанием должности и сексуальной ориентации. Тимошу и Селиверстова встретила секретарша-гетеро. Она проводила их в конференц-зал, где на столе заседаний уже светились включенные ноутбуки. В ту же минуту откуда-то появились три сотрудника корпорации с папками и улыбками. Стороны поприветствовали друг друга и, не теряя времени, приступили к делу, которое состояло в следующем. Надо было согласовать в проекте изменения изменений, внесенных при предыдущих согласованиях. А проектировался центр досуга для сотрудников добывающей корпорации. Материалы к согласованиям у Тимоши лежали на жестком диске, который лежал у него в кармане. Диск этот вставили куда надо, и на экранах всех ноутбуков воз-

никли трехмерные впечатляющие проекции. Лица заказчиков сделались деловито-непроницаемы. Двое второстепенных сотрудников косились на главного. Тот, однако, не проявлял эмоций, молча всматриваясь в экран. Когда картинки закончились, главный заказчик откинулся в кресле.

— Ну, у кого какие будут соображения? Кто будет чай, кто кофе?

Гетеросекретарша возникла с термосами и галетами.

Завязалось обсуждение изменений. Тимоша не первый раз принимал участие в совещаниях такого рода. Но сегодня, он это чувствовал, было ненастоящее совещание. Заказчики проговаривали свой текст. Они соглашались, что их прежние пожелания учтены, однако взамен у них появились новые. «Окей, скалодром, — говорили они. — Камеры виртуальной реальности — тоже очень прекрасно. А здесь у вас что? Библиотека, читальный зал? Новый Бурый, господа, это не академгородок». Слушая их, Тимоша догадывался, что им плевать не только на библиотеку, но и на скалодром тоже. Заказчики были фальшивые, и всё совещание выглядело как плохой спектакль. Что же происходило на самом деле? Тимошу кольнула догадка: возможно, под видом пустопорожного обсуждения совершался обмен кодированной информацией. Может быть, эти фразы, буд-

то взятые из карманного корпоративного разговорника, содержали особенный, скрытый смысл. Если да, то Тимоша не понимал его. Он ощутил информационный вакуум как физический, то есть почувствовал, что задыхается. На лбу у него проступила испарина; Тимоша схватился за горло, пытаясь расслабить галстук. Присутствующие замолчали, уставившись на него. Тимоша, пробормотав невнятные извинения, вскочил и в смятении бросился вон из конференц-зала.

Только одно желание в ту минуту владело им — спрятаться где-нибудь. «В туалете! — мелькнула у него идея. — Пусть думают, что у меня понос...» В предбаннике встрепенулась гетеросекретарша:

— Вам туда! — пропела она с позитивной улыбкой.

Догадливость секретарши была неприятной и подозрительной. Здешнее туалетное оборудование тоже как будто читало мысли. Писсуар при его приближении заворковал, а умывальный кран автоматически пустил воду. Скверное было дело. Тимоша отчетливо сознавал, что едва себя не раскрыл. Вовремя он сбежал, ведь еще минута, и все догадались бы, что он обо всем догадывается. Но как было страшно догадываться! Сердце его стучало; Тимоша себя ощущал одиноким канатоходцем над пропастью.

14. Игра продолжается

— А! Вот ты где притаился! Вижу, вижу — ты во второй кабинке. Тут у них никуда не скроешься.

Селиверстов одновременно мочился, подавшись к писсуару тазом, балагурил и громко пускал ветры. Он был в неплохом настроении. То, что Тимоша сбежал с совещания, кажется, забавляло его.

— Эй, ты там не уснул?

— Нет... — отозвался Тимоша сдавленным голосом. — Как всё прошло?

— Ништяк, не переживай. Скажешь своему Розкинду, чтобы выкинул библиотеку.

Не выходя из кабинки, Тимоша задал трудный вопрос:

— А обо мне... что-нибудь говорили?

— Так, немного. Спрашивали, что ты такое съел. Я сказал, что тебя укачало в воздухе.

Поведение Селиверстова на Тимошу подействовало успокоительно. Надо было уже выбираться из туалета. Он полагал, что его командировочное задание было выполнено. Тимоша и Селиверстов вернулись в конференц-зал для подписания согласований. Рука у Тимоши еще дрожала, но он крепко сжимал авторучку пальцами. После кризиса, пережитого в туалете, он испытывал некоторое облегчение. Опасность разоблачения отступила; Тимоша сделался словно бы опытнее и смелее. В тактических инте-

ресах он даже сблизился с Селиверстовым. Когда были кончены все дела, они как напарники вместе выпили, сидя в прозрачном номере на своих кроватях. Маркетолог, казалось, радовался общению; должно быть, ему было надо отрабатывать собственное задание. Он говорил с сочувствием о расстройстве, случившемся у Тимоши, не зная, что понос был ложный. Селиверстов касался различных тем, словно прощупывая Тимошу.

— Как тебе этот Новый Бурый? — неожиданно поинтересовался он.

Тимоша, конечно, почувствовал, что вопрос с подвохом.

— Что бы тебе сказать... — пробормотал он уклончиво.

— Я имею в виду, — уточнил Селиверстов, — это прямо-таки охренеть. Мы как будто на Марс прилетели или на Сатурн какой-то.

— Нет, Сатурн — это газовая планета, — возразил Тимоша.

— Газовая, нефтяная, какая разница! Главное, денег у них немерено. Ты погляди, какой они дисней-ленд отгрохали себе в тундре.

Тимоша подошел к окну и посмотрел сквозь жалюзи. Далеко-далеко за городом он увидел подсвеченные конструкции. Это могли быть стартовые сооружения, замаскированные под буровые вышки. Селиверстову он не сказал об этом.

— Одного не пойму, — вздохнул маркетолог, — это что мы с тобой тут делаем? Идиотская командировка.

Тимоша лишь усмехнулся, блеснув глазами. «Всё ты знаешь и понимаешь, — подумал он. — Но актер ты, по-видимому, хороший».

Прошедшие сутки отняли у него много душевных сил. Это Тимошу сделало легкой добычей для алкоголя. Заснул он скорее, чем Селиверстов, и потому даже не слышал, как тот храпел.

15. Возвращение

Сколько ни спит человек в полярную ночь, он просыпается затемно. Тимоша не открывал глаза в ожидании маминого призыва, ласкового и неумолимого вместе с тем. Мама не приходила его будить уже очень давно, и так же давно Тимоша затемно не вставал. Что-то хрюкнуло в темноте, закашляло, зачесалось и пробурчало голосом совсем не маминым:

— Что за хреновина! Целую ночь вертолеты снятся.

Селиверстов боялся лететь, а Тимоша боялся вернуться к действительности — их обоих тревожило неизбежное. Однако возвратное путешествие из Бурыма в Москву совершилось без приключений. Авиарейсы на этот раз состы-

ковались плотно, не оставив зазоров для скуки и рефлексий. Тимоша и Селиверстов, пара обычных командировочных, перенеслись через добрые пол-России в три воздушных прыжка. Так космические аппараты, отскакивая от планет и получая новое направление в их гравитационном поле, пересекают Солнечную систему. Хозяин этой системы, Солнце, само явилось, озолотив кристаллический лед на стеклах иллюминаторов. А когда в Великосибирске остановилось время, то и солнце замерло на небосводе. Горячим своим языком оно вылизывало Тимоше правое ухо и щеку, а он нарочно не опускал оконную шторку. Так Тимошино ухо и загорало до самой Москвы.

По выходе из столичного аэропорта Тимоша и Селиверстов взяли такси на двоих. Это было естественно, так как оба, как выяснилось, жили в одном административном округе. Тимоша не удивился, узнав о таком обстоятельстве. Организаторы псевдокомандировки, должно быть, его учитывали. Сам же его соглядатай теперь не казался Тимоше таким уж невыносимым. Конечно, у Селиверстова были дурные манеры, но зато что-то в нем сохранялось забавное, человеческое. Видимо, в иерархии тайного своего сообщества он стоял на низшей ступени.

Прощание получилось почти сердечным.

— Ну, бывай, — сказал маркетолог. — Спасибо, что не кидал в меня ночью ботинком.

— Пустяки, — ответил Тимоша. — Зато ты прикрыл меня на совещании.

Селиверстов хлопнул его по плечу; Тимоша ответил тем же. Им овладело чувство, прежде уже испытанное в туалете бурымского бизнес-центра, — чувство удачливого игрока, избежавшего всех ловушек. Только вчера оно было не окончательным, промежуточным, а сегодня Тимоша праздновал.

Подъездная дверь узнала магнитный ключик; лифт не застрял, доехал благополучно. В прихожей у стенки в ряд выстроились три пары тапок, самая крупная из которых ждала Тимошу. Квартира выглядела такой, какой сохранилась в памяти. Предметы располагались там же, где были раньше, двое суток тому назад. И всё же, как будто желая удостовериться окончательно, Тимоша прошел на кухню и отворил холодильник. Там в знакомой стеклянной кастрюльке он нашел нажаренные впрок котлеты. Голой рукой Тимоша выудил из кастрюльки одну котлету и, как была, холодную, съел ее, не сходя с места. С этой минуты сомнений не оставалось: Тимоша вернулся к себе домой. Котлеты были, бесспорно, мамины; подделку он распознал бы.

Вечером пришли с работы Тимошины папа с мамой. Трудились они в государственном учреждении и потому нечасто задерживались на службе. Вместе они уходили утром, вместе ве-

чером возвращались. В их отношениях не было ни расставаний, ни встреч. Только с Тимошей им иногда доводилось испытывать вкус разлуки. Увидев в передней ботинки сына и не увидев тапок, папа с мамой почувствовали облегчение. Однако Тимоша не вышел к ним поздороваться, и дверь в его комнату оказалась закрытой. Папа с мамой встревожились. Дверь, конечно, не запиралась, но никакой запор их бы не остановил теперь. Сдерживая дыхание, родители проникли в комнату. Тимоша в своей постели мирно и крепко спал. Мама понюхала воздух над головой сына, потрогала его лоб. Ни алкогольного перегара, ни повышенной температуры проверка не показала.

— С ним всё в порядке, — прошептала мама.

— Вечно ты паникуешь, — отозвался папа.

Но она уже успокоилась. Больше ничто не тревожило папу с мамой.

16. Успешный день

Тимоша проспал более полусуток. Утром он не услышал даже, как за родителями, с которыми он так и не поздоровался, лягнула дверной замок. А разбудило его изнутри здоровое чувство голода. Наверное, это и называется богатырским сном, потому что, восстав с постели, он ощутил необыкновенную бодрость духа

и мышц. Сегодня Тимоша не стал есть резиновую овсянку. Вместо этого он из трех яиц пожарил себе яичницу. Все яйца он расколот, не повредив желтков, так что в итоге вышла истинная глазунья. День начинался успешно. Народившееся еще вчера чувство довольства собой блуждало по-прежнему в подсознании — Тимоша отнюдь его не заспал. Теперь у него, укрепленного и физически, и морально, расширился горизонт возможностей. Обострились слух и зрение. Видимое бытие обрело глубину и четкость, а слышимое разделилось на множество внятных звуков. Весь окружающий мир сделался чем-то похож на кинотеатр три-дэ. Но Тимоша уже не боялся смурфиков. Предупрежденный, вооруженный, он хотел контролировать ход игры.

Зато какие подробности стали доступны его восприятию! По пути на работу он различал в шуме города даже мельчайшие шорохи, шепоты и мокрые шлепки подошв. Словно вооружась волшебным невидимым стетоскопом, слушал Тимоша Москву, все ее тоны и сокращения. А Москва, несмотря на мороз, оголенная до асфальта, выделяла испарину и многообразно бредила. В Проектной организации мало что изменилось за время Тимошиного отсутствия, впрочем, как и с его появлением. К счастью, никто не заметил того, как изменился он сам. Коллеги приветствовали его будничными кив-

ками, он отвечал им тем же. Ближе к обеду начальник вызвал его «на ковер». Вот по такому случаю секретарша Маечка взгляделась в Тимошу попристальнее.

— Ты посвежел, — сказала она. — Но не радуйся, сейчас завянешь.

Маечка ошибалась. Из кабинета начальника Тимоша вышел таким же, каким вошел в него. Хотя он действительно получил нагоняй по поводу невыполненного командировочного задания. Что-то он должен был утрясти с представителями заказчика, но не утряс. Тимоша особенно не вникал, зная истинную причину начальственного раздражения. Посылая его за полярный круг, кое-кто просчитался. Что-то у них не связалось, не получилось задуманное. Тимошу хотели сделать марионеткой, а он им не дался. Однако начальник об этом прямо не говорил, а Тимоша ему не показывал, что он всё знает. В итоге они разошлись вничью, как посчитал Тимоша. В остальном этот день приносил одни положительные эмоции. В обеденный перерыв Тимоша накоротке разгромил двух коллег в преферанс. Ближе к концу работы позвонила Надя. Она пригласила его на каток. Ее голосок в телефоне щебетал, такой узнаваемый. Легкими фразами Надя будто перекидывала словесный мостик через пропасть прошедшего времени. У Тимоши открылось

сердцебиение — от волнения и от радости. Надя была такой, какой сохранилась в памяти. Само же ее предложение, озорное и неожиданное, его ничуть не смутило. Тимоша не надевал коньков со времен подростковой юности, но он не раздумывая принял вызов.

Сегодня и время вело себя по-особенному. После Надиного звонка оно не замерло, как случалось прежде, а, напротив, помчалось вперед быстро-быстро. Тимоша и не заметил, как наступил вечер. словно во сне, декорации переменились, и вот он уже в коньках готовился выйти на лед. Выше себя на вершок, он ковылял без страха под фонари, туда, где звенели полозья, словно затачиваемые ножи. На льду он увидел Надю — веселую, во плоти; в красном пуховике. Но она никуда не исчезла, а приехала в его объятия. Надины щеки успели замерзнуть, но жарким было ее дыхание. Первым делом они упали, потом поднялись и упали вновь. Сегодня было не больно падать и было легко вставать. А в промежутках между падениями, приступами веселья и поцелуями они летали по льду. Тимоша воображал себя самолетом, преодолевшим звуковой барьер: управляемость у него была слабая, но всё искупала скорость. Ему совсем не хотелось у Нади спрашивать, что она делала в Великосибирске. Этот секрет добавлял пикантности в их возродившиеся отношения.

Чувство полета его не оставило даже после того, как они простились. Вернувшись домой, Тимоша поужинал, а на родительские расспросы уклончиво улыбался. Он ждал и не мог дождаться возможности уединиться.

17. Обмануть смурфиков

Но вот наступила ночь. Тимоша закрылся в комнате и запустил компьютер. Внутри у него дрожала как будто какая-то жилка, так хотелось ему писать. Последний свой текст он закончил перед отъездом в Бурым, но как это было давно! Тогда он еще не задумывался, для чего занимается литературным творчеством. Прежде Тимоша писал из авторского тщеславия; он думал, что проза его существует сама по себе, как явление красоты и отвлеченной мысли. И только теперь Тимоша сознал ее подлинное значение; он понял, что обладает защищенным каналом общения. Хозяевам технологий, говорящим на языке, непонятном непосвященному, самим недоступен язык искусства. Компьютер, их раб, зараженный вирусом, конечно, сольет им Тимошины тексты. Хозяева технологий припадут к мониторам, вчитываясь в строки прозы, но ничего не поймут. А поймет только Надя. Так Тимоша сумеет сказать ей то, что было сказать опасно даже на ухо на катке.

Глава шестая: Весна в Москве

1. Москва

Приземлившись в московском аэропорту, всякий русский до времени отстегнется. «Вот я и дома!» — выдохнет он и сей же час осмелеет. Не дожидаясь конца рулежки, русский выйдет из кресла и откроет багажный ящик, который под потолком. Неисчислимую свою ручную кладь он станет сбрасывать на головы другим русским. И вместе они потом устроят толкучку в проходе. Как знакомо, как хорошо всё это! И насупленная таможенница, и полицейский, и даже его собака, все они понимают по-русски. И канючит по-русски ребенок, пока мужичок-бомбила разводит его простофилю-папу. А тот размягчился от встречи с Родиной — хоть и видит, что мужичок мошенник, но всё равно поедет. И, стоя

в подмосковных пробках, вкусят они выхлопа нефильтрованного, отечественного. Дорогой папа с бомбилкой будут беседовать о том о сем. Для русского радость общения стоит дороже денег.

Москва — удивительный город, совсем непригодный для жизни. Так вам скажет любой его житель, любой из пятнадцати миллионов. Что держит несчастных в непригодном городе — это вопрос отдельный. Уж точно не могилы предков, потому что у большинства их предков могилы находятся далеко отсюда, преданные забвению. Сами же москвичи, как правило, могил не имеют вовсе. По мере того как они умирают, их кремируют и кладут в колумбарий, похожий на камеру хранения и такой же платный. Если спросить москвичей-покойников, то они бы сказали, что и для смерти город этот мало пригоден. Да только не верит Москва ни живым, ни мертвым — ни своим, ни чужим. Собственный организм ее процветает. Она потребляет без устали и постоянно отращивает что-нибудь. Метаболизм у Москвы чрезвычайно бурный. Это ли, спрашивается, не жизнь?

Двигается пробка со скоростью глетчера — улица, непригодная для езды. А вокруг пылает реклама и возвышаются деловые здания. Папа с бомбилкой клянут Москву, а дитя перестало канючить и замороженно смотрит. Хочет уже дитя машину с большими сверкающими колесами и кабинет высоко-высоко, на маковке не-

боскреба. Если ребенка не развивать, он так и останется на всю жизнь с примитивными идеалами. Чтобы ему не мечталось о кабинете, нужно читать ему вслух, ходить с ним в музеи, на выставки и в театры. Но к каким его ценностям ни приобщай, этот ребенок, конечно, вырастет москвичом. Таким же, как все, проклинателем своего города, человеком, достойным чего-то лучшего. И маршрут его жизни — от колыбели до колумбария — проляжет в пределах московской кольцевой дороги. Этот город — ловушка для людей. Над Москвою не светят звезды, кроме, конечно, кремлевских. Говорят, она — не Россия. Но что же она тогда? Не заграница уж во всяком случае. Это чувствует всякий русский, приземлившись в московском аэропорту. Ребенок в окошко таращится на вереницу вывесок и билбордов; тщится читать; вышептываемые слова туманом расплываются по стеклу. Папа беседует с дядей-таксистом. Но где же родитель номер один, мама ребенка, — где? Ребенок, наверное, по ней соскучился. А мама катается на коньках и целуется со своим любовником.

2. Детская тема

Взрослые в жизни ребенка были к нему равнодушны либо, напротив, ласкали его и любили. И если они о ребенке думали, то думали к его пользе. Он

и представить себе не мог, что самая мысль о нем омрачает что-то существование. Между тем один такой взрослый был. Вообще-то дела семейные, которые были свои у каждого, Тимоша с Надей не обсуждали. Эта тема у них относилась к зоне естественного умолчания. Разговоры о семейной жизни, так же как о загробной, чаще всего оказываются не к месту. Но особенно между любownikами, отдающимися преступной страсти. Уж для них-то, во всяком случае, нет ничего за пределами комнаты, где сплетаются их тела, или круга фонарного света, в котором они прощаются, или круга тьмы, где оказываются, простившись.

Но однажды после сплетения тел в пределах Тимошиной комнаты Надин взгляд задержался случайно на полке с коллекцией автомобильчиков.

— Прелестные машинешки, — выскочило у нее. — Васька был бы в восторге.

— Кто-кто? — переспросил Тимоша.

— Васька, сынишка, — пояснила Надя, слегка смутившись.

И оба они замолчали. Тимоша не стал развивать разговор о сынишке, но романтическое настроение у него погасло. Конечно, он и раньше знал, что у Нади есть муж и ребенок, но теперь у ребенка появилось имя.

С этого дня Тимоша старался не замечать коллекцию, будившую мысль о Ваське. В жизни и без того достаточно было трудных тем

для раздумий. Впрочем, Тимоша давно уже не включал анализ — отделяваться от трудных тем ему помогала проза. Если что-то его беспокоило в реальной жизни, он это переправлял в область вымысла — транзитом и не осмысливая. Собственные тревоги он заточал в крепко сложенные абзацы, превращая в предмет безопасного любования. Разумеется, имя Васьки в прозе никак не упоминалось, однако в Тимошиной «Азбуке» под литерой «Д» произошли пополнения. Детская тема тревожная зазвучала в его литературном творчестве.

Тимоша по-прежнему пользовался компьютером как шифровальной машиной. Поставить себе на службу враждебные технологии было с его стороны, конечно, и остроумно, и дерзко. Но шифровать послания имеет смысл, когда есть у автора адресат, умеющий и желающий раскодировать. Тимошин единственный адресат упорно не откликался. Только однажды Надя ответила по электронке: «Твой последний кусочек не так уж плох», — написала она.

3. Назойливая действительность

Тимоша трудился довольно много над вытеснением неприятных тем. Но стоит ли этому удивляться? Ситуация в экономике опять не радовала: назревала очередная рецессия или нечто

еще похуже. Некоторые из коллег теперь приносили обеды свои в коробочках. В офисных кругах Москвы разрасталось недовольство и возмущение. В местах для курения обострились политические противоречия. Интернет-магазины продавали файеры. Силы зла созревали для наступления — ждали только команды властей технологий. Силы добра вытесняли — надеялись, что всё плохое как-нибудь рассосется. Телевизор в Тимошиной комнате работал исключительно в режиме мьют, но на экране его, как дрова в камине, горели автопокрышки, бронетехника и дома. Только теперь горящие эти дома были такие же, как в Тимошином микрорайоне, — тех же отечественных знакомых серий. И лица людей, которые жгли, были вполне узнаваемые — хорошие, но искаженные ненавистью. Некоторые протестующие приносили обеды в коробочках и питались прямо на баррикадах в дыму и пламени. Вытеснить такие подробности было Тимоше непросто. Тем не менее звуки действительности до него все-таки доносились. В час новостей из-под двери родительской спальни просачивались они, нарушая и оскорбляя квартирную мирную тишь. Словно в дом залетало какое-то насекомое, отвратительное и несчастное. Тимоша в такие минуты не заходил к родителям, но хорошо себе представлял, как они внимают обезумевшему телевизору. Папа и мама смотрели новости и аналитические про-

граммы в напряженном безмолвии. Между собой они принципиально не разговаривали о политике. Родители разошлись по углам дивана после того, как папа вдруг объявил себя либералом. Это было и странно — в его-то возрасте, и обидно для мамы, с которой он даже не посоветовался. Что-то внезапное, как insult, случилось в мозгу у папы, и с тех пор дискутировать с ним стало практически невозможно. И не только в вопросах политики. Если мама его уговаривала перед ужином выпить стакан кефира, он отвечал раздраженно: «Пожалуйста, не агитируй!»

Семейный уклад размывался в самых своих основах. Посвящая свои вечера литературному творчеству, Тимоша обрек на забвение и вытеснение скандинавский кинематограф. Папа и мама, оставшиеся без культурного руководства, съехали на английские сериалы. Послабляюще-утешительные сериалы были далеки, конечно, и от искусства, и от действительности, но даже они иногда беспокоили Тимошин слух. Ему то и дело казалось, будто в квартире мечется и никак не содохнет чужеродное существо.

4. Секретарша Маечка

Нехорошие перемены происходили в Проектной организации. И предвкушение кризиса, и воздействие духа времени, и собственная дурь

начальства порождали безумные распоряжения. Ликвидированы были «курилки» и были отключены кофейные автоматы. Курящая офисная пехота мерзла теперь на улице, на февральском ветру. Пряча в кулак сигареты, служащие дрожали в своих костюмчиках и приговаривали: «Пора валить!» Имелось в виду валить из России, но чаще в виду ничего не имелось. Офисный люд согревался мечтой о предательстве, а в действительности боялся увольнения по сокращению. В отделах уже раздавали допросники: «Назовите причину, по которой вы необходимы на своей должности».

В обстановке общей нервозности и незнания будущего возрастало влияние лиц, приближенных к руководству, в частности секретарши Маечки. Этим своим влиянием она не стеснялась пользоваться и злоупотреблять. С отключением автомата Маечка полюбила, чтобы ей приносили кофе в закрытом стаканчике из «Макдоналдса». Это была, конечно, ее компенсация секретарши. Но при этом она оставалась верна своей должностной природе. Маечка и сама питалась, и питала весь коллектив информацией в виде сплетен. Эксклюзив она добывала за дверью, возле которой сидела. Ведь только она одна имела постоянную аккредитацию в кабинете начальника. Но и по эту сторону двери Маечка регулярно выводывала и даже фабриковала сама интересную инфор-

мацию. Известно, что медиа, включая изустные, — это инструмент власти, а власть — это «закулиса». В последнее время начальник почти не выглядывал из-за своей «кулисы». Судить о том, у себя ли он, можно было лишь по отлучкам Маечки. Если она отсутствовала возле двери, значит, была за дверью. Значит, там, в кабинете, был тот, кто ее призвал. Случалось, что Маечка у начальника оставалась довольно долго, однако на этот счет она никогда не сплетничала. Только, вернувшись из кабинета, Маечка долго подкрашивалась и собиралась с мыслями.

Тимоше она не нравилась ни в малейшей степени. Когда-то, когда он еще пользовался анализом, Тимоша отнес ее к категории провинциальных хищниц. Он относился с брезгливостью к технологиям, которые применяла Маечка. Но самое неприятное было то, что она положила на Тимошу глаз. Связей в верхах было Маечке недостаточно; видимо, ей и здесь требовалась компенсация. Одно было несомненно: Тимоша попал в прицел, и ему дискомфортно было чувствовать себя мишенью. Маечкин интерес к нему тяготил и вселял тревогу. Тимоша пытался ее вытеснить, но с началом очередного рабочего дня Маечка возобновлялась.

Секретарша, однако, умела не только симпатизировать, и худо было тому, кого она невзлюбила. Заслужить ее неприязнь можно было,

совсем того не желая. Некоторые сотрудники и сотрудницы были у Маечки не в чести, а по какой причине, никто не знал. Такая уж прихотливая была у нее натура. Лишь в отношении шефа Розкинда всё было предельно ясно: Маечка недолюбливала его по причине ориентации. В Проектной организации не носили бейджиков с соответствующим указанием, но Маечка шефу Розкинду навешивала от себя отвратительные ярлыки. А была бы на то ее воля, то и повесила бы самого его. Маечкина гомофобия объяснялась просто: она была из тех женщин, которые, как говорится, в жизни сами всего добились, а от таких, как Розкинд, такие женщины добиться ничего не могут.

5. Гомофобия

Коллектив Проектной организации «доедал» отложенные заказы, неаппетитные и непитаемые. Работы на всех сотрудников не хватало. Но главное, не хватало надежды на положительные изменения. Раньше тоже случались кризисы, и тогда героем-спасителем выступал начальник, который пользовался известностью не только в градостроительных, но и в градокомандующих кругах. В прежние времена он как-то, но умудрялся обеспечить работой любящих его сотрудников. Этой зимой, однако, началь-

ник будто не замечал приближения катастрофы. Сотрудники перешептывались:

— Что происходит? Почему он не чешется?

— Где вообще он прячется? Кто-нибудь его видел?

— Да где ж ему быть — в кабинете с Маечкой.

— Ох эта Маечка, чтоб ее!

Все они дружно винули секретаршу Маечку в том, что начальника организации разбил паралич воли. Простые суждения свойственны рядовым сотрудникам. Тимоша тоже был рядовым, но после командировки в Новый Бурый, после того, что он там узнал, Тимоша больше не верил простым суждениям. Коллеги перемывали косточки секретарше Маечке, а он не участвовал в этом. Только однажды, ни на кого не глядя, Тимоша пробормотал:

— Всей правды мы никогда не узнаем...

Может быть, их начальник утратил свое влияние, стал невхож в кабинеты власти. Может быть, кабинеты эти уже захватили хозяева технологий на погибель проектным организациям по всей Москве.

Начальник практически стал невидим для коллектива, но ежедневные распоряжения откуда-то исходили. Они были частью хозяйственные, частью просто бессмысленные, и разносила их Маечка. Возможно, она же и генерировала эти распоряжения. Также, по умолчанию, Маечка контролировала соблюдение трудовой дисциплины.

плины. Единомышленницы ее (были такие среди сотрудниц) отлучались в рабочее время на спа-процедуры и по иным своим надобностям. Остальным позволялось чатиться в соцсетях, но только используя личные гаджеты. Чего не терпела Маечка, так это игры в преферанс, который в ее сознании ассоциировался с шефом Розкиндом. Жесткий стук каблуков возвещал о ее приближении; если стук прерывался, это значило, что она подкрадывается.

— Что я вижу! — взывала Маечка. — Карты! Это беспрецедентно! Вы бы еще бордель открыли!

— Кто бы здесь про бордель говорил, — огрызнулся Розкинд.

Но Маечку нелегко было обескуражить.

— И конкретно про Розкинда будет доложено, — обещала она зловеще. — Скоро накроется этот ваш гей-клуб.

Она удалялась, победно стуча каблуками, а Розкинд был выбит из колеи.

— Доложено! — возмутился он. — Определенно, отсюда пора валить.

6. Весна более или менее

Самый ненужный, никем не любимый месяц в году — февраль. Словно больная собака с отороженным концом хвоста, полз он и полз,

покуда не окошел. В марте тоже было довольно холодно, и пожилые сугробы, которые наметали за зиму таджики-дворники, еще громоздились в московских дворах. Но это была уже не зима — это был труп ее. Разложение началось. Что-то такое возникло в воздухе, что можно было почуять, а объяснить нельзя. Весенние ветерки нагоняли неясные ассоциации; сознание озарялось частыми дежавю; нервы, как струны, пели. Весна набегала, словно волна, которую ждали все — и смельчаки, и трусы. Одни, чтобы весело прокатиться, другие, страшась быть прибитыми ею. Белки сновали в парках, грязные и худые. В аллеях младенцы уже совершали выезды в несамоходных своих экипажах. Их мамочки разом оконопатели. Обескровленная, но живая, под ледяной коростой кряхтела Москва-река.

Возрастая, соляризация провоцирует выброс гормонов в человеческом организме. Но действует этот выброс на всех по-разному. Кто-то почувствует литературное вдохновение и погрузится в творчество, сутками не выходя из комнаты. Кто-то, напротив, сбежит из дома, потому что ему жена надоела за зиму. А он пойдет на речной бережок, сядет на бревнышко и напьется. Женщины тоже томятся, но у них это выражено иначе. По весне они мониторят курортные предложения, обмеряют свою окружность и записываются на массаж.

В Москве за прошедший год стало меньше одним массажистом, но больше одним литератором. И добавился один влюбленный, может быть, даже двое. Тимоше хотелось верить, что Надя с ним не играла. Вообще, ему много чего хотелось. Хотелось писать и хотелось на бережок; хотелось, вытеснив всё ненужное, ассоциировать и созерцать. Этой весной Тимоша решил не противиться своим желаниям. С анализом он покончил еще зимой, а теперь был намерен отдаться природным естественным побуждениям. Только было немножко рано: лед не везде растаял, поэтому в Москву-реку еще не пустили из Волги воду. Тимоша ходил на берег канала и проверял. Он даже прогуливался в зеленой зоне, еще не зеленой и неопрятной, — пока что без Нади, но с думой о ней. Главное было не прозевать весну — эту, как все предыдущие.

7. Ярлыки от Маечки

Весенние настроения не обошли стороной коллектив Проектной организации. Можно было заметить игру гормонов и непосредственно в офисе, и на крыльце, где курили сотрудники разных подразделений. Даже обычное их присловье: «Пора валить» — звучало теперь мечтательно-томно. «Или какую-нибудь завалить», — каламбурили грубоватые маркетоло-

ги. Женщины вправду похорошели; походка их сделалась интереснее; макияж, бижутерия, аксессуары, всё у них стало ярче. Участились отлучки сотрудников и сотрудниц. Кто сбегал на спа-процедуры, кто на протестные демонстрации, ставшие модными в этом году. Некоторые успевали за один прогул и салон красоты посетить, и постоять в антиправительственном пикете.

Кое-что человеческое было не чуждо и секретарше Маечке. С приходом весны она не то чтобы расцвела, но стала одеваться во всё цветастое и поменяла парфюм на более сладкий. Ее интерес к Тимоше день ото дня усиливался. Она приняла в его отношении тон материнской строгости, на который не имела права ни по возрасту, ни по должности. В Тимоше всё ту же сжималась пружина терпения. И вот наконец между ним и Маечкой произошло выяснение отношений. Однажды ее каблучки простучали прямо к его столу. Тимоша поднял на нее глаза.

— Пойдем, ты мне нужен, — сказала Маечка.

— Куда и зачем? — с опаской поинтересовался он.

— Скажу не при всех, — ответила она кокетливо.

Некоторые из коллег прыснули, прячась за мониторами. Тимоша со вздохом поднялся. Маечка повела его коридором, как какого-то подконвойного.

— Новые джинсы, — заметила она неожиданно интимным тоном.

— Что? — удивился Тимоша.

— Джинсы новые у тебя. Очень тебе к лицу. Тимоша обеспокоился:

— Ты не скажешь, куда мы идем?

— На стоянку, — ответила Маечка. — У меня колесо спустило.

— А при чем тут я?

— Думала, ты поменяешь. Не мне же самой это делать.

Было нетрудно понять, что Маечка с помощью колеса хочет сойтись с ним поближе. Но Тимоша этого и боялся.

— Как это так! — возмутился он. — Кто я тебе? Автомеханик, что ли?

Маечка посмотрела ему в глаза:

— Просто мужчина, — сказала она значительно.

В их диалоге повисла пауза.

— Нет, извини, — пробормотал Тимоша. — Я абсолютно не расположен менять тебе колесо.

Маечка не ждала отказа. Grimаса презрения исказила ее лицо, ставшее очень непривлекательным.

— Вот оно что! — зловеще произнесла она. — Тогда с тобой всё понятно.

В Проектной организации были повсюду уши, поэтому закричать Маечка не могла. Но

она зашипела так и с такими брызгами, как если бы села на сковородку:

— Ты знаешь, что ты ничтожество? Он не готов поменять колесо! Это беспрецедентно! Никчемность! Пустое место! И все о тебе так считают! И правильно...

Не ожидал и Тимоша такой бурной реакции от секретарши. Он, конечно, расстался с нею так быстро, как только смог, но в душе был впечатлен этим выплеском негатива в свой адрес. Он запомнил каждое злое определение, которым его наградила Маечка. С этого дня гонения на преферанс усилились, и уже не один только Розкинд был предметом нападок Маечки.

8. Перемены назрели

Сложности на работе, московские политические волнения, общая напряженность в мире и, собственно, увеличившаяся соляризация способствовали непокою. Но у Тимоши все эти факторы только служили фоном для центральной душевной драмы. Его отношения с Надей были единственным невытесняемым. Даже в прозе Тимоша не мог отписаться от этой темы, потому что прямая лирика выдала бы его хозяевам технологий. И поскольку нельзя было вытеснить, все-таки приходилось искать ответы на мучительные вопросы. Главное, что Тимоша

хотел бы знать, — чем же на самом деле он привлекает Надю: литературным своим талантом или физической красотой? Этот вопрос встает перед каждым автором, который кого-нибудь привлекает. Только у старых и безобразных авторов нет причин сомневаться в своем таланте, а Тимоша был молод и хорош собой. Враг таланта — сомнения. Неуверенность тормозит творческое развитие. Конечно, Тимоше пора было развиваться. Малые формы стали ему тесны; он перерос свою «Азбуку»; его подмывало приняться за большой роман.

Но и в других областях его жизни Тимошу тяготил застой. Дни проходили в игре против тайных враждебных сил, маскировавшихся под случайные обстоятельства, — игре без азарта и без побед. Тимоша отписывался, вытеснял, а наутро партия начиналась заново. Так не могло продолжаться вечно. Жизнь — настоящая — это сюжет, который нельзя построить, механически прибавляя к существованию по одному дню. Необходимо было развитие или, по крайней мере, важные перемены. Требовался конфликт с разрешением или видимостью разрешения. Нужен был план предстоящей жизни или хотя бы мечта. Что же имел Тимоша? Только конфликт с тайными силами, неплодотворный и неизбывный. Строить житейские планы казалось ему наивным, ведь он был уверен, что сам является частью чьего-то плана. Оставалось

мечтать о романе. В сложившихся обстоятельствах лишь переход к крупной прозе мог бы Тимошу выручить.

Как снаряженное судно-парусник, которое, чтобы отправиться в плавание, ждет подходящего ветра, так и Тимоша томился. Надин читательский интерес, ее одобрительный компетентный отзыв, это могло бы надуть его творческие паруса. Но выйти на соответствующий разговор у Тимоши не получалось. Было бы хорошо, если бы Надя сама завела этот разговор, но она его не заводила. Она была склонна к абстрактному щебетанию. Чтобы не портить любовного настроения, Надя предпочитала во время свиданий не затрагивать серьезных тем. Впрочем, Тимоша и сам многое вытеснял. В результате их свидания проходили в обстановке физической близости, но интеллектуальной разреженности. Чтобы перевернуть пропорцию, нужно было возобновить прогулки. Вот почему Тимоша ходил проверять состояние зеленой зоны и откладывал разговор с Надей о своей прозе.

9. Погода испортилась

Весна вселяет надежды, но иногда сама бывает невыносима. Если она не в настроении, то становится хуже осени. При столкновении воз-

душных масс ветры носятся по Москве. Злая, нечесанная, немытая, весна кощунствует, вырывая плакатики из рук протестующей оппозиции. Она помогает полиции, прекращая митинги, и лишает гражданское общество охоты бороться за лучшее будущее.

В небе над зеленой зоной вороны летали вперед хвостом и кувыркались в воздухе как подстреленные. На открытой местности ветер угнал коляску вместе с младенцем. Безлистые деревца, удерживаясь на одной ножке, исполняли танец скелетов. Но в лесистой глубине парка всё же дуло потише, только деревья кричали и время от времени окропляли гуляющих ледяной водицей. Впрочем, гуляющих было немного: только маленький мальчик и его папа. Удовольствия не доставляло гулять в такую погоду. Папа и мальчик вздрагивали от капель, падавших им за шиворот. Так они молча шли, пока не увидели вдруг кормушку для белок, устроенную на дереве. На удачу у папы с собой был пакетик орешков, купленных вместе с пивом. И чтобы доставить радость белкам, а пуще мальчику, папа решил пожертвовать этим своим припасом. Едва они опростили пакетик в кормушку, как тут же сверху прибежала белочка и стала есть. Мальчик смотрел с умилением; впервые за всю прогулку он улыбался. Но в эту минуту откуда-то появилась крыса. Не обращая внимания на людей, она

полезла на дерево. Извиваясь противным телом и размахивая ненужным своим хвостом, крыса довольно уверенно взобралась по стволу и перескочила в кормушку. Белочка испугалась и убежала, а мальчик расплакался. Папа присел и обнял его, утешая:

— Васька, Васька, наматывай, брат, на ус. Столько крыс в этом городе, что смотри не зевай.

Васька не понимал папиных аллегорий, а папа не понимал, о чем плачет Васька. Если бы дело было в одной только гадкой крысе! А то и погода сегодня паршивая, и в семье у них нелады. Неизвестно даже, что хуже — быть игрушкой стихий, бродя по аллеям без цели и смысла, или дома сидеть и слушать, как ссорятся папа с мамой.

10. Тревожный анализ

Несколько дней продолжалась погодная свистопляска, но наконец поутихла. В изумлении всё живое ожидало, что будет дальше. А дальше-то ничего и не было. Живое надеялось, что весна, раскаявшись в собственном буйстве, выпустит солнышко и надышит тепла, но этого не случилось. Судя по изобарам, давление атмосферы было чрезвычайно низким, а казалось, наоборот, — брюхатое темное небо психологически подавляло.

Не иначе, сама природа давала Тимоше понять, что лучше ему воздержаться от прогулок на свежем воздухе и судьбоносных бесед. Свидания с Надей, возобновившиеся после памятного катания на коньках, проходили у Тимоши дома. Правда, в последнее время Надя всё чаще их пропускала, ссылаясь на обстоятельства — то семейные, то служебные. Что это были за обстоятельства, она подробно не разъясняла. И у Тимоши тоже было семейное обстоятельство, хотя свидания не отменявшее, но ограничивавшее в удовольствии. Родители не одобряли его отношений с Надей, и во время ее визитов было слишком понятно, что папа с мамой демонстрируют невмешательство. Они у себя сидели так тихо, что и Тимоше с Надей приходилось общаться шепотом. Вместо того чтобы всецело принадлежать друг другу, любовники реагировали на каждый шорох. Они начинали слышать голоса из-за стен, и отдаленные вздохи канализации, и часы, ни для кого отбивавшие время на кухне. Тимоша невольно считал удары часов и думал о том, что хорошо бы им с Надей куда-нибудь вместе сбежать. Только бежать было некуда, так как даже в кинотеатры он теперь не ходил, опасаясь попасть на смурфиков. Тем не менее раз примерно в три дня Тимоша, стараясь не повторяться, сочинял эсэмэску к Наде, чтобы условиться о свидании. Она отвечала не сразу, но все-таки отвечала. Свидание назнача-

лось или переносилось в зависимости от ее загадочных обстоятельств. И так продолжалось до самого того дня, когда на Тимошину эсэмэску Надя ответила вдруг живым звонком. Она звонила с работы, поэтому поздоровалась с Тимошей просто, без ласкательных и уменьшительных. После чего объявила, что да, хочет встретиться, но только не у него дома. Тимоша не удивился. Он подошел к окну и оценивающе оглядел небо.

— Как скажешь, — ответил он. — Можно пойти погулять, но я не уверен. Погода еще неважная.

— Пустяки, — возразила Надя, — мы хорошо оденемся. Дело в том, понимаешь ли... В общем, нам надо поговорить.

И снова Тимоша не удивился — будто что-то такое предчувствовал.

— Хорошо, — согласился он. — Если замерзнешь, сама будешь виновата.

Они договорились найти друг друга этим же вечером в зеленой зоне. Время, оставшееся до встречи, Тимоша провел в беспокойстве. Приехав домой с работы, он даже ничего не съел, а сразу переоделся во что полагается для прогулки. В зеленую зону Тимоша явился много раньше условленного с Надей часа. Долго бродил он один неприветливыми аллеями, а затем вышел на берег и наблюдал жизнь уток и чаек. Ветер срывал с головы его капюшон. По каналу прошел теплоходик «Москва»; он тоже бо-

ролся с ветром, двигаясь немного боком. И ни единого пассажира не было на теплоходике. Тимоша обдумывал предстоящую встречу с Надей. До сих пор никогда у нее к нему не было разговора. Уж не была ли она беременна? Но почему сообщить об этом нельзя было у него дома? Пришлось ему прибегать к анализу, как когда-то. Версия насчет беременности была отброшена. «Нет, — говорил анализ, — скорее всего, Надя намерена объявить о прекращении отношений». Но страшно Тимоше было даже думать о разрыве с Надей, ведь он таким образом сразу терял и любовь, и единственного читателя. А потом Тимоша почувствовал виброзвонок в кармане. Это Надя уже пришла и звонила сказать, что ждет его у центральной клумбы:

— Еле вырвалась! Дома такой скандал...

11. Последний поцелуй

Надя была одета все-таки не по погоде — видимо, собиралась наскоро. На ней были тонкие нешерстяные колготки и легкие полусапожки. От подола плаща и до щиколоток ноги ее были открыты и беззащитны. Тимоша испытывал острое чувство то ли жалости, то ли нежности к этим ногам, принадлежавшим, увы, чужому для него человеку. Он почти не прислу-

шивался к тому, что говорила Надя; она толковала о посторонних ему вещах, обрисовывала положение дел.

— Муж, — говорила Надя, — что-то подозревает. Вздумал устраивать мне сцены ревности. И на работе тоже напряженная ситуация: я уже третий месяц подсиживаю свою главную.

— Сочувствую, — пробормотал Тимоша.

— Ничего ты мне не сочувствуешь. Ты ведь меня никогда не спрашивал, как у меня дела. А я не хочу воевать сразу на всех фронтах, ужас как надоело.

— Ну извини, что не спрашивал.

— Можешь не извиняться. Просто, как все графоманы, ты законченный эгоцентрик.

— Кстати, о графомании, — оживился он.

— И даже совсем некстати, — возразила она. — Я о другом тебе говорю. Кажется, ты не слышишь: я говорю, что нам надо расстаться.

— Расстаться? — Он ненадолго ушел в себя. — Да, «расстаться», я слышу... Но что это значит, «как все графоманы»?

— Ты всё о своем! — Grimаска досады мелькнула на ее лице. — Что ты хочешь? Чтобы я твоим опусам сделала полноценный разбор? Чтобы дала рецензию? Ты пишешь и пишешь, и ни о чем — никакой актуальной темы.

Тимоша вдруг ощутил странное отвращение — не к чему-то, а вообще.

— Нет, не надо разбора, — ответил он через силу. — И ничего не надо. И давай больше не продолжать.

— Да, конечно, — согласилась Надя. — Ты отвлекись и не переживай.

Остаток прогулки прошел в молчании. Тимоша смотрел, как изящно ступают Надины полусапожки. Надя, наверное, отмеряла число шагов, положенное из приличия.

— Ну всё, мне пора, — сказала она наконец. — А то очень холодно, да и муж, думаю, уже бесится.

Так они насовсем распрощались. Надя поцеловала Тимошу, осторожно, как целуют покойников, и пошла налаживать отношения с мужем. А Тимоша вернулся на берег канала и продолжил смотреть на уток. Птицы покачивались на волнах вместе с пластмассовыми бутылками. Вода колебалась в канале даже не равнодушная, потому что была неживая и не имела души. Просто она была жидкая и поэтому колебалась.

А потом у Тимоши произошел первый провал в памяти. Он совершенно не помнил, как вернулся домой в тот вечер, что говорил родителям, ужинал или нет. Очнулся он поздно ночью, вдруг осознав, что стоит и курит, а на него откуда-то веет холодом. На миг ему показалось, что он по-прежнему на берегу канала, но в следующую секунду Тимоша сообразил, что находится на балконе своей квартиры. Но холодом веяло, как от канала.

12. Первый провал в памяти

Память к нему возвращалась как бы в обратной последовательности: сначала на сердце легло чувство тяжелой утраты, а потом уже само событие, вызвавшее это чувство, восстановилось в сознании. Словно на его, Тимошиной, странице жизни проявился текст, написанный симпатическими чернилами. И текст этот был не Тимошин, а вписан чужой рукой. Тимоше бы так хотелось вырвать испорченную страницу, впасть опять в амнезию, но теперь уже не получалось. Включился анализ и заработал, а скоро выдал единственно возможный вывод: этим вечером Надя себе не принадлежала. Не по своей, не по доброй воле она порвала с Тимошей и, разумеется, не была искренней, называя его графоманом. Да она ведь и не сказала: «Ты пишешь плохо», а только: «Ты пишешь и пишешь». Кто-то ее заставил так поступить. Тот же, кто не позволил им встретиться в кинотеатре в Великосибирске, тот и решил погубить их любовь окончательно и безвозвратно.

В глубокой печали стоял и курил Тимоша. В этот момент позади него скрипнула балконная дверь. Это пришла его мама.

— Ты совершенно не думаешь о своем здоровье, — сказала она, накидывая ему на плечи куртку.

Мама была сама завернута в папин плащ — стало быть, вышла поговорить.

— Как-то не спится, — вздохнула она. — Дай, пожалуйста, сигаретку.

Что-то ее, очевидно, тревожило, иначе бы мама не закурила. И эту свою тревогу она не удерживала в себе.

— Очень меня беспокоит, — сказала мама, — то, что у нас происходит. Что они делают со страной! Как так могут раскачивать лодку? Твой отец совершенно слетел с катушек. Ты представляешь, он написал в фейсбуке такое, что хоть стой, хоть падай.

Мама искала его сочувствия, но Тимоша безмолвствовал; это ее дополнительно огорчало.

— А ты! — воскликнула она в сердцах. — Ну хоть бы поддакнул. Знаешь, я поражаюсь твоему безразличию к происходящему. Правильно бабушка говорит: ты склонен к растительному существованию.

— Никчемность, пустое место, — глухо отозвался Тимоша. — Это я и без бабушки знаю.

Мама не стала разубеждать его. Она докурила и ушла с балкона. Тимоша тоже вернулся к себе и какое-то время просто сидел на диване. Потом взял с полки портрет своего кота и долго его рассматривал. Он испытывал состояние потрясения, какое, например, случается после серьезной аварии, когда человек понимает уже, что жив, но не знает, насколько

ко цел. Кроме этого человека, все остальные погибли; он уже видит это, но осознать не может. Кости Тимошины были целы, но что-то сломалось внутри него.

13. От себя не скроешься

Впрочем, наутро, когда он проснулся, память была при нем. Горькая память о том, как он одновременно потерял и любовь, и творческие надежды. Взять бы ему больничный по такой причине, но никто бы ему не дал больничного. В том, что произошло с Тимошей, медицина не усмотрела бы страхового случая. Завтракать он не стал, но через силу умылся, оделся и отправился на работу.

Понурый вошел Тимоша в Проектную организацию, а там застал неожиданно праздничную атмосферу. Шеф Розкинд, тот просто выглядел именинником. Завидев Тимошу, он подскочил и потряс его за плечо:

— Поздравляю! Маечку-секретаршу уволили!

Забыв о приличии, Розкинд радовался чужой беде. Тимоша отреагировал кислой улыбкой.

— Замечательно... — пробормотал он. — А меня тоже вчера уволили — в некотором отношении.

Но Розкинд его не слушал; он от души веселился, хлопая себя по ляжкам:

— Ты подумай! Ну, каково! Думала, она нас, а ее саму!

Когда он слегка успокоился, то приблизился и, понизив голос, поведал причину Маечкиного увольнения. Оказалось, прогнать секретаршу велела жена начальника, та самая мама Марика, которую Тимоша видел.

— Вот тебе лишнее доказательство, — резюмировал Розкинд. — Этим миром управляют женщины!

Тимоша не улыбнулся и ничего ему не ответил. Он-то знал, кто в действительности управляет миром. Скорее всего, думал он, версия с женой начальника была для отвода глаз. На деле же Маечка поплатилась за неудачу с Тимошей, за то, что не получилось завербовать его. Он сел за свой стол, включил макинтош, но никак не мог сосредоточиться на работе. Правда, сегодня в Проектной организации не работалось никому. Маечкины приятельницы помалкивали, скукожившись, как цветы без полива; большинство же сотрудников торжествовало, подобно Розкинду. Макинтоши эмоций не выражали и не испытывали, но были активны. Они общались в локальной сети, обмениваясь какими-то данными, и очень возможно, что эти данные касались вовсе не Маечки. Сегодня Тимоша подозревал, что компьютеры сообщаются на его счет. Внезапно ему стало трудно дышать — так же, как это случилось в Новом

Бурыме на совещании. Казалось, из комнаты откачали воздух; Тимоша почувствовал, что ни минуты не может оставаться здесь — в этой комнате и в этом здании. С трудом подбирая слова, он стал отпрашиваться у Розкинда. Тот, продолжая праздновать, не сразу его расслышал:

— Что такое?.. — Он повернулся к Тимоше веселым лицом. — Что у тебя за срочность? Ладно, не объясняй. Хочешь уйти — ступай. Сегодня мы все гуляем.

Малое время спустя Тимоша уже был на улице. Он стоял на крыльце Проектной организации в незастегнутой куртке и рефлекторно хлопал себя по карманам.

— Эй, чувак, тебе закурить?

Это спросили какие-то маркетологи, уже дымившие с утра пораньше.

Тимоша им не ответил. Он наконец достал свои сигареты и кое-как закурил. А маркетологи продолжали его рассматривать. Кто-то предположил, что ему «накрутило хвоста» начальство; другой заметил: «Вот мы смеемся, а завтра будем на его месте». Тимоша отлично их слышал; слух у него опять обострился. Маркетологи досаждали ему, но не более. Если были они членами тайного общества, то незначительными, неопасными.

Что-то, свалившись сверху, погасило его сигарету. Начался снегопад, неожиданный и неестественный. Снежинки, огромные, как плев-

ки, шлепались на асфальт и исчезали быстрее, чем голуби успевали их клюнуть. Уличную перспективу завесило белой мглой. Тимоша выстрелил зонтиком. Ему захотелось туда, в эту мглу, чтобы в ней раствориться, спрятаться от наблюдения. Спустившись с крыльца, он пошел направо по улице, и маркетологи потеряли его из виду. Но от себя человеку не скрыться. Куда бы ни шел Тимоша, в какие бы улицы ни сворачивал, всякий раз он оказывался в центре происходящего. Его обступали шумы и запахи. Всё обращалось вокруг него — снежные хлопья, прохожие, автомобили. Это кружение становилось всё опаснее для Тимоши. Наконец черный «ауди» стукнул его боковым зеркалом. Тимоша хотел извиниться, но из окошка «ауди» высунулась матерящаяся голова и рука с травматическим пистолетом. Раствориться не получалось. Уличное сообщество автомобилей и пешеходов выдавливало Тимошу, не принимало в себя.

14. Интерлюдия

Многоголос мегаполис. В любую погоду наперекор стихиям он поет свою песню войны и труда, песню жизни и смерти. Здесь не счесть чрезвычайных поводов — спецмашины, не умолкая, кричат сиренами. Здесь во дворах не могут разехаться свадебные лимузины с неприметными

труповозами. Здесь производятся горы мусора, которые, скрежеща, пожирают оранжевые машины, сзади снабженные челюстями наподобие тараканьих. Песню города исполняет многомиллионный хор механизмов, и матерящихся автовладельцев, и школьниц, дерущихся ранцами, и гастарбайтеров, разгоняющих лужи метлами, и полезных идиотов, пикетирующих с плакатами, и идиотов просто, которым плакатов не дали. В эпическом этом хоре не слышно только голосов птиц. Пешеходы, привычные к гаму и грому, прокладывают себе дорогу жесткими взглядами. Женщины строчат уверенно на высоченнейших каблуках, а мужчинам незачем быть любезными. Захромавшего, ослабевшего здесь выталкивают на обочину. Не добивают его потому, что некогда. Впрочем, очисткой города занимаются соответствующие службы. Всё сущее здесь относится к чьей-нибудь компетенции. Светофор управляет движением: открывает и закрывает окно возможностей. Люди включаются и выключаются, но лица их остаются бесстрастными и безмысленными. Город шлет командные импульсы непосредственно в мозжечок, и человек совершает действия, тысячи действий в течение дня. Городская диспетчерская контролирует миллионы людей, миллиарды действий, применяя самые современные технологии. Город без человека существовать не может — без мозолистых рук и умственных

выделений и регулярно вносимой платы. Люди городу очень нужны и полезны, поэтому он их разводит, ловит на стороне и обращает в жителей. И непрестанно пасет при помощи технологий. Правильный житель должен всегда находиться в тренде, поэтому городская диспетчерская формирует гражданскую модную точку зрения и возбуждает покупательский спрос на предметы необходимости. Это она, диспетчерская, вручает кому-то плакаты, а кому-то метлы; это она снабжает своих подопечных средствами производства, средствами нападения и защиты — всеми средствами к существованию. Ну а если какому-то жителю вдруг покажется, что он несчастлив — кто-то скажет ему, или сам подумает, что он ничтожество, — город станет ему утешителем. Несчастливцу достаточно оглядеться, чтобы удостовериться — все кругом таковы. Едут, идут, перебегают улицу, телефонируют, чистят нос, почесывают смартфоны — очевиднейшие ничтожества. Некрасивые, нездоровые, неудачливые в любви и безнадежно бездарные — все, однако, исправные жители.

15. Проза как угроза

Снегопад прекратился; небо приподнялось; тучи в нем уварились серыми кусками мяса. Несколько долгих часов Тимоша бродил по

городу; джинсы его намокли снизу и до колен. Он вдохнул в себя столько московского сырого воздуха, что весь уже им пропитался. Вдобавок он пропитался спиртным, выпитым в заведениях, попадавшихся по пути. Это было совсем на него не похоже. Что и в каком количестве пил Тимоша, он бы сейчас не вспомнил, да и не пробовал вспоминать. Он даже не пробовал определиться в пространстве. Станным образом он узнавал здания и названия улиц, но пользы от этого узнавания не было никакой. Москва перестала давать подсказки, куда Тимоше держать направление. Впрочем, паники он пока не испытывал, не сомневаясь, что в конечном счете выйдет к какому-нибудь метро. Движимый этой верой, шел он и шел вперед, подражая другим пешеходам, которые знали, куда идут. Однако метро не показывалось. Это уже начинало пугать Тимошу. Москва без метро невысказима. Без него она превращалась в заколдованный лес, из которого не было выхода. Город играл с Тимошей, и притом нечестно — пьяному человеку трудно переиграть город. И всё же Тимоша не хотел сдаваться. Он увидел стоянку такси, и машину с плафоном на крыше, и водителя рядом с машиной, покуривавшего в непринужденной позе. «Вот и способ уехать! — обрадовался Тимоша. — Как же я раньше не догадался».

— Вы свободны? — спросил он, подходя к таксисту.

Тот окинул его оценивающим взглядом.

— Я-то свободен, а тебе чего?

Грубость таксиста Тимошу несколько удивила.

— Ехать, — ответил он.

Таксист, не меняя позы, отряс с сигареты пепел.

— Ну и куда тебе такому ехать?

— Вы спрашиваете, в смысле, адрес?

— А в каком же еще, блин, смысле?

— Как же, конечно. Сейчас скажу...

В эту секунду Тимоша понял, что напрочь забыл свой адрес и даже название своего района. Стало неловко перед таксистом.

— Извините, какой-то бред... — только и вымолвил он, после чего отступил в смущении.

Словно судно, покинутое командой, безвольно и безотчетно дрейфовал Тимоша в уличных людских потоках. Встречные пешеходы увертывались от него, попутные толкали сзади. Наконец его вынесло в какой-то скверик. Усталость вместе с отчаянием заставили Тимошу сесть на сырую скамейку. Возможно, ему удалось бы все-таки собраться с мыслями или он на какое-то время заснул бы, а потом собрался. Но этому помешало одно незначительное, но ужасное происшествие. Проез-

жавший сквериком велосипедист не заметил сидевшего на его пути воробья, а воробей отвлекся и не заметил велосипедиста. В результате велосипед переехал птичку. Ни велосипедист, ни, скорее всего, воробей даже не поняли, что случилось. Переживание этого эпизода выпало всё на Тимошину долю. Воробей распластал свои крылышки по асфальту; мозг его вместе с глазом выдавился через раскрытый клюв. Тимоша смотрел на него заворуженно, больше не чуя мокрой скамьи под собой. Небывалое происшествие взволновало его, но почему-то не удивило. Слишком точно было всё срежиссировано и разыграно непосредственно для Тимоши. Воробей заплатил своей жизнью, маленькой жизнью в большой игре. Эта жертва, конечно, была предварительная, символическая, как бы послание или знак. Страшно было Тимоше это послание расшифровывать, но и без расшифровывания было тоже страшно.

Переживая смерть воробья, Тимоша мог бы не обратить внимания на мужчину в военной куртке, шедшего тем же сквериком. Но мужчина обратил внимание на Тимошу и вздумал составить ему компанию на скамейке.

— Здесь мокро, — предупредил Тимоша, но было поздно. Мужчина плюхнулся рядом с ним и даже притиснул Тимошу боком.

— Ты что, типа, против, чтобы я сел? — с вызовом поинтересовался он.

— Лавочек кругом достаточно, — ответил Тимоша мрачно.

— Значит, против, — констатировал мужчина в куртке. Он достал из-за пазухи пистолет и приставил его к Тимошину виску. — А теперь? Скажи теперь, что ты против.

Второй уже раз сегодня Тимоше грозили оружием. Он замер, пытаясь соображать. Наемный убийца стреляет, не спрашивая, — значит, это опять послание.

— Я против, — сказал он твердо.

Выругавшись, мужчина убрал пистолет.

— Ну почему ты такой козел?! — воскликнул он с горечью. — Почему вы, московские, все козлы? Может, я просто хотел пообщаться.

Если бы даже Тимоша что-то ему ответил, мужчина бы не услышал. Он откинулся на скамейке и захрапел. Эта сцена с вооруженным пьяницей лишь дополнила череду сегодняшних происшествий, внешне абсурдных и как бы не связанных между собой. Однако Тимоша уже был способен видеть одно, думать другое, а выводы делать совершенно третьи. Если требовалась уязка, он находил ее с помощью интуиции, которая, как известно, есть высшая форма мышления. Интуитивно Тимоша почувствовал, что на него началась охота. Хозяева технологий больше с ним не шутили. Но по-

чему, по какой причине они перешли в наступление? Ответ подсказывала ему та же обострившаяся интуиция. Скорее всего, хозяева технологий смогли раскодировать его тексты. Конечно, Тимошина проза грозила разоблачением хозяевам технологий, но кто дал им ключ к пониманию? Кто предал Тимошу? Некоторые свои опусы Тимоша показывал бабушке, но она хотела читать только дедушкины воспоминания и поэтому была не в счет. Значит, оставалась Надя. Как ни горько было открытие, но сомневаться не приходилось: это она сдала Тимошу хозяевам технологий. Бедная Надя! Конечно, в их подлой игре она и сама была жертва. Устрашенная и несчастная, потерявшая даже свою любовь. Теперь только Тимоша понял: Надя пыталась его спасти — в последние их минуты — пыталась спасти его, отворачив от занятия прозой.

Озаренные интуицией, открывались смыслы, истинное значение многих вещей и событий и Тимошиной прозы в широком контексте. Только теперь было слишком поздно. Тимошины ставки сделаны были все, и все они были биты. И не было пути назад. В Москве зажглись уже фонари, а Тимоша запомнил свой адрес. Пьяный сосед по лавочке повалился набок. Можно было забрать у него пистолет и здесь же, не сходя с места, прибавить свои мозги к воробыным. Но Тимоша

не захотел облегчить задачу хозяевам технологий. Он встал и пошел, чуть пошатываясь, навстречу своей судьбе.

16. Эпилог

Оказавшись на том или на этом свете, первое, что человек увидит, — это именно тот или этот свет. Лампочку или солнце; далекое синее небо или тускло отсвечивающий потолок. А потом он услышит слово. Нежное слово матери или грозное слово Господа или какое-нибудь еще.

Слово было у женщины в белом халате.

— По-моему, он не наш. — Женщина взгляды валаась через очки.

— Вы считаете? Но вчера он выглядел сильно загруженным.

— То-то и странно. Капаем, капаем, и всё без толку. Уж он весь опух.

— А что анализы?

— Два и пять этанола — ничего сверхъестественного. Мог бы проспаться элементарно.

— Значит, думаете, он не наш? Думаете — голова?

— Голова, никаких сомнений. Я уже вызвала специалистов. Пока что держите его в коридоре, чтобы был на глазах. Да, и прекратите капать.

Кровать с пациентом поехала, скрипя колесами. Остановилась она напротив сестринского поста, там, где под потолком мерцал неисправный светильник. Кто-то проверил заботливо, хорошо ли привязаны к койке руки и ноги больного.

— Слышал, голубчик? Специалисты едут. Они тебя скоренько распознают.

Светильник мерцал — от такого света можно было сойти с ума.

Рассказы

Осень в Зеленой зоне

1

Последний «банкетход» прогремел на реке и ушел в отстой. Чей-то мангал догорает на берегу. Осень; небо в алмазах. Черна, бесфонарна Зеленая зона, только мерцают вразбивку и гроздьями светлячки смартфонов. Голуболикие эльфы порхают между деревьев, чатятся и хихикают. Уж осень, пора в реале приступить к половым отношениям.

Что-то мокрое, хладное тычется мне в ладонь. Здравствуй, собака. В нашей Зеленой зоне собаки не лают и не кусаются, только гадят. Прямо как их хозяева. Половину цивилизации мы усвоили, вторая никак не дается. Дорожки вот проложили, а фонарей нема. Ходим, вежливые, в потемках.

Счастливые ходят парами, выясняют свои отношения. Ждали осени, чтобы поговорить. Вдовы гуляют молча, зато они очень многое примечают. Скажем, ночную купальщицу. Белая в черной воде, женщина плавает голая каждую третью ночь. Наверное, где-то работает по скользящему графику. Подробностей разглядеть не получается, но это, возможно, к лучшему.

Вдовы в темноте охотно идут на контакт. Друг друга опознают по голосам и политическим мнениям. Внешность подвержена переменам времени, а голоса и мнения нет.

— Что ж, спасибо вам за дискуссию. Было очень приятно.

— Меня дискуссия освежает. Как-то, знаете, молодит.

— Со мною аналогично. Совершенно забыл про палочку.

— Прощайте!

— Прощайте!

2

Осень. Что делать, закатывать банки или открывать сезон? Во всяком случае, не мешает возобновить культурные связи. Анна Романовна вернулась из летнего небытия и записалась на маникюр.

Лучшая часть человечества концентрируется на фуршетах: «Простите... простите... простите... Ах! белое уже кончилось». Худшая ищет незанятые подвалы. Осенью не зевай.

А я ухожу в Зеленую зону, зеваю, дружу с собаками. Это мой личный выбор. Здесь относительно тихо. Где-то воют сирены «скорых», но далеко и нестрашно. В Москве постоянно кому-то плохо.

Наша Зеленая зона — оазис покоя в городе. Зона мира и толерантности. Здесь уживаются чайки с утками, барбекю с шашлыками и пиво с водкой. Эльфы на скутерах вежливо объезжают инвалидов в колесных креслах. Никакого взаимного беспокойства. Недавно один отдыхающий умер и двое суток сидел под деревом. Собаки, конечно, знали, да никому не сказывали.

По реке идет сухогруз; порт приписки — Кукуево. Мимо. Жизнь обтекает Зеленую зону. Анна Романовна сюда не ходит. Если хотите встретиться с ней, ступайте в литературный клуб.

Здесь бывают другие женщины — те, что гуляют с собаками и плавают нагишом. Есть женщины в Зеленой зоне, только с ними нельзя познакомиться. Нынче для этого Интернет. Так же, как рыбка в Москва-реке, женщины не идут уже на простую удочку. Нужны современные технологии плюс терпение и оптимизм.

Но заманить сюда Анну Романовну — несбыточная мечта. Нет таких технологий. Зеленая зона не для нее. Да и поздно об этом думать — на дворе уже осень.

3

День похух и опал, потерялся в памяти. Завтра вырастет новый, похожий, только похуже и покороче. В природе без происшествий.

Зато во дворе назревают события. Возле выселенной пятиэтажки крутились какие-то личности, но не бомжи. Возможно, строительное начальство.

Утром приехали два агрегата, японский и южнокорейский, оба на гусеничном ходу. Один — гидравлический экскаватор, другой не знаю, как называется: длинная механическая конечность с маленькой страшной клешней. Раньше дома убивали «бабой», а теперь хирургическим методом. Клешня перекусывает дому жилы, и он осыпается сам. «Кореец» с «японцем» совсем не дымят, и шума от них самый минимум. Дискомфорта почти не чувствуется.

Самосвалы увозят домовый прах и куда-то его девают. Бывшие жители пятиэтажки не приходят ее оплакать. Я сделаю это за них: прощайте ночные концерты Маши Распутиной и «Любэ».

Сокрушение пятиэтажки расширило горизонт. Стало можно смотреть на соседний двор. Там примерно всё то же, что и в моем, но одно интересное обстоятельство: в этом дворе Анна Романовна держит свою машину. Маленький дамский автомобильчик. У ее мужа «паркетник», он помужественней и побольше. Супруги перемещаются независимо, каждый в своем экипаже, но это не означает, что спят они тоже раздельно. Хорошо бы узнать друг о друге побольше, мы же стали друг к другу ближе. Ночью наши дома перемигиваются окнами.

Увеличилась соляризация, осенью это важно. Только надолго ли? Вместо снесенной пятиэтажки что-нибудь да воздвигнут. И сверхнормативное солнце, и вид на машину Анны Романовны мне не принадлежат. Я в это не инвестировал.

Дом, которого уже нет, виден на гугловской фотокарте. Пугаться не надо, это фантом. Всё в порядке; его снесли; наша очередь пока не скоро.

4

В этом году уродились яблоки. Там, где сейчас Зеленая зона, раньше было село. Яблони одичали, но продолжают нести плоды. Люди, гуляючи, топчут их. У деревьев нет интеллекта, а у людей совести.

Каждый нечетный год здесь рождается потерянное поколение. Но сокрушаться нечего — яблоки несъедобны. Слово «совесть» есть в Википедии, но его уже нет в лексиконе эльфов. Прелестные эти создания, кто они — новая форма жизни или мутация прежней? Человечество одичало, но продолжает плодиться.

Зона доступных радостей. Сладко в лучах уходящего солнца брюзжать и впадать в деменцию. Я хочу умереть под деревом; можно под этой яблоней.

После этого, в жизни иной, я стану спасателем на воде. Все уважают спасателей. Форт МЧС возвышается на ином берегу реки. Смертным нельзя на ту сторону, а спасатели плавают где хотят. Но обычно они ничего не делают, только смотрят на нас в бинокль. Доглядывают на расстоянии, как небесные ангелы. Стать бы одним из них. Анна Романовна плавала бы и запуталась в лилиях, а я бы слетел на помощь.

Женщины любят спасателей и, по моим наблюдениям, часто у них бывают. Женщин интересуют неординарные личности. Анна Романовна посещает литературные клубы и митинги оппозиции. Предоставляет супругу пользоваться своим отсутствием. Он, не теряя времени, сверлит в квартире стены. Духовная жизнь человека не смешивается с семейной, сколько ни взбалтывай их. В сердце у каждой женщины

остаётся свободное место. Зарезервировано, но не занято.

Что же я, каковы мои шансы? Сидя под яблоней, я пытаюсь себя познать. Дерево мне помогает: дважды уже оно стукнуло меня по темени. Если это проверка на неординарность, то результат отрицательный — в голове моей даже не проясняется. Или яблоки слишком маленькие.

5

Это он, я почти уверен. Тот, о ком я внезапно подумал, вышел курить на балкон. Сейчас я ему задам: награжу геморроем, алкоголизмом, периодической шизофренией. Мелкий чиновник, кувшинное рыло: некреативен, аполитичен, лыс. Не читает даже в уборной. Самодостаточен, сидя в «паркетнике», но подумывает о подлинном внедорожнике.

Такими, как он, много погублено женских судеб. Без тумачков, без окриков, только одним удушением. Я уверен, что этот тип отнял молодость Анны Романовны. А годы ему помогли. И нет у него оправдания, и нет у нее утешения.

Сколько цветов завяло, не успевших раскрыться; сколько пало несозревших яблок. Осень подытоживает невеселый счет, а после его обнуляет.

Зона вежливой отчужденности. На здешних дорожках не сходятся мужское начало с женским; выются веревочки, а концы не связываются. Рыбка плещется в Москва-реке, да не ловится. Подружиться решительно не с кем, даже с собственной головой.

Отрезвляющая сила осени. Пора принимать решения или откладывать их еще на год. Надо смазывать сани или взбираться на печку.

Скоро Зеленая зона перестанет служить укрытием. Каково это, выбраться за ее пределы! Время в городе лимитировано. Переход через улицу: три-две-одна-ноль; секунды ценою в жизнь. Если спасся — шмыгнуть в метро. «Садитесь, пожалуйста!» — это я или мне уже? Всё меняется, всё в движении. Офисы переезжают со своими чайниками. «Здравствуйте, вы к нам по делу или просто так?» Не знаю, мне Анну Романовну.

Уж эти грезы воображения; с ними недолго шагнуть на красный. Нелегко держать концентрацию, делать вид, что везде по делу. Сохранять остроту ума. «Что вы думаете о проблемах ЛГБТ-сообщества?» Секунды ценою в имидж. Думаю, думаю, не могу закончить. Вы погасите свет и уйдете, а я еще буду думать.

Лучше спросите у Анны Романовны — быстрее вам никто не ответит. Она пусть и ду-

мает об ЛГБТ, а я буду думать о ней. Как органично в женщине сочетается игра маникюра с игрой ума. Как между пальчиками у нее танцует тоненькая сигаретка – танцует, а на пол не падает.

Тем не менее Анна Романовна ограничена в своем видении. Она обо всем имеет суждение, но только не обо мне. Правда, я тоже о ней не знал, пока пред моими глазами не рухнула пятиэтажка.

Романтическое незнакомство. Но и его, полагаю, настала пора расторгнуть – есть убедительная причина.

7

Девочка лет шести: трогательное дитя, упакованное с любовью. Тянет из носика козочку и отирает пальчик о мамин автомобиль. Сейчас ее повезут учиться играть на скрипке. Сыщется в ней дарование, нет ли, ничто от этого не изменится. Мир этой девочки не пошатнется, куда стоит на любви. Тысячью нитей связан, склеен тысячью поцелуев ее мирок, и тот, кто захочет его разрушить, будет последний подлец. Мама греет машину; папа машет рукой с балкона. Надеюсь, эту идиллию что-нибудь заслонит со временем.

А жизнь тем не менее продолжается. Под опавшей листвою собаки находят озимую

Рассказы

травку. В глубине курительной трубки теплится уголек — если еще пососать, можно вытянуть сколько-то дыма. Всё почему-либо несостоявшееся надо оставить прошлому. Плохи истории, что заканчиваются, так и не сочинившись. Время придумывать настоящее — правдоподобное, увлекательное, продолжительное.

Марина и море

1

Человек сам себе хозяин, в том числе, и особенно, женщина. Но иногда человеком овладевают желания неодолимой силы. Вдруг ему хочется чего-то сладкого, да так сильно, что образы суфле и муссов заслоняют в его глазах бланки рабочей документации. Или возникнет в душе порыв переменить прическу, а то и совсем перекраситься. Или взмечтается освежить свою личную жизнь: например, выбросить из квартиры старый диван вместе с мужем. Желания неодолимой силы, как правило, несовместимы со здравым смыслом; впрочем, самые несовместимые всё реже случаются с возрастом. К счастью, эти желания редко доходят до исполнения, а если доходят, то уже тогда, когда потеряют силу.

Да, человек сам себе хозяин, но, в сущности, потому только, что он ничей. Некому защитить его и направить; некому поддержать в желаниях или отвратить от них. Это особенно ощущает женщина. Окружающие, которых принято называть близкими, словно замерли в неизменных позах: муж на старом диване в позе равнодушного невмешательства, мама в позе страдания с рукой на лбу либо на пояснице, сын, отрада очей, в небрежно-просительной позе. Даже кошка теплом не поделится, а лишь принимает то тут то там типичные кошачьи позы.

Слаб человек, хотя и себе хозяин. Опоздав на работу, он врет, что застрял в какой-то необыкновенной пробке или что у него лопнула труба на кухне. На самом деле, конечно, человек проспал. Но это не значит, что нет в Москве пробок и трубы на кухнях не протекают. Есть и пробки, и разные гадкие неожиданности, и погода, вгоняющая в депрессию. И поэтому так мучительно по утрам вставать.

Когда на подобном фоне женщине вдруг захочется чего-то сладкого или сменить прическу, не стоит иронизировать.

2

В Москве проживает женщина Марина Викторовна. Работает в учреждении, где не шибко, но продвигается по карьерной лестнице. По-

тихоньку, конечно, делается элегантней возрастом, но кроме нее никто пока этого не замечает. Так называемым близким ее, вероятно, кажется, что она застыла в неизменной позе, но это не совсем так. Дважды в год у нее возникает желание неодолимой силы. Дважды в год, словно птица, Марина Викторовна стремится улететь на юг.

И как ее не понять. Если кожа у женщины сравнилась в тоне с московским бесцветным небом, если невмочь уже стало держать вахту в постылом офисе, то никакое даже посещение «Шоколадницы» не поднимет ей настроения. В воображении женщины возникают райские субтропические картины: море, блистающее под солнцем, пальмы в цвету и она сама в невозбранной естественной наготе. Эти образы посильнее, чем образы суфле и муссов. Никакие гробы-солярии не заменят ей живого солнца, и шорох тысяч автомобильных шин не заменит шума морского прибоя. Женщине нестерпимо думать, что пока она здесь, в Москве, бежит, словно белка, в колесе проблем, которое никуда не едет, — в это же самое время где-то некто, объятый негой, перекачивается на лежаке, пьет свежавыжатый сок гуавы или погружает тело в ласковые воды моря.

Эти приступы югомании у Марины Викторовны случаются поздней весной и в середине осени. Ее близкие к ним привыкли и принима-

ют как неизбежное, но сами им не подвержены. Поездка на юг означает хлопоты, а у Марины Викторовны муж такой, что хлопоты терпеть не может, то есть может терпеть, но никогда не хочет в них принимать участие. Мама, наоборот, хлопоты очень любит и обычно стремится участвовать всегда во всем, но и она устраняется, если заходит речь о поездке к морю. Мама во всю свою жизнь ни в какую воду не заходила более чем по колено. Сын поехал бы, но не с Мариной Викторовной; поэтому он говорит, что ему нельзя ни в коем случае пропускать учебу.

Словом, никто из близких не хочет сопровождать Марине Викторовне в поездке к морю, а впрочем, и не препятствует. Кто знает, возможно, у них даже имеются планы на время ее отсутствия. Муж созвонится с приятелем, с кем-то из ему подобных, нелюбимых Мариной Викторовной, организует встречу. Будут они бормотать о политике — два мешка на одном диване и бутылка водки на журнальном столике. Мама затеет уборку квартиры, генеральную, как сражение, но на второй уже комнате будет разбита радикулитом. Дни, оставшиеся до возвращения Марины Викторовны, она посвятит увлеченному самолечению. Сын, фанатик учебы, конечно, воспользуется безнадзорностью, но как — этого он, наверное, и сам не знает. Ведь его и обычное существование состоит в по-

иске развлечений и отращивании «хвостов». Есть у Марины Викторовны стойкое подозрение, что домашние совсем не прочь поскучать без нее какое-то время.

3

Расставание есть расставание — пусть малость, но всегда чувствительно. Москва, которая слезам не верит, сама, однако, поплакать любит. Московские слезы длинные, пресные и прохладные. Крыши машин покрывают они пупырышками, очки человеческие заматают моросью. Впрочем, Москва справляется со своими чувствами. Щетки омахивают лобовые стекла; слезы сглатывает ливневка. Как-нибудь, худо-бедно, Москва проживет без Марины Викторовны. Ну и она проживет две недели без этого без всего. Не верит Марина Викторовна слезам Москвы. На Ленинградке по ком-то рыдают сирены «скорых», но это Марины Викторовны не касается.

Такси доставляет ее к терминалу «Д». Здесь кончается зона собственной ее ответственности, и она поручает себя как бы высшим силам. В терминале Марину Викторовну словно принимают на руки административные ангелы: строгие ангелы безопасности, приветливые — информации, пронизательные — контроля. Здесь не надо осмысливать свои действия — просто

читай объявления и иди по стрелкам. У женщины Марины Викторовны это хорошо получается.

У ее чемодана бывалый вид, это доказывает, что его хозяйка — опытная пассажирка. Марина Викторовна давно могла бы приобрести чемодан получше — более новый и более статусный, но не хочет. Многое она с удовольствием поменяла бы в своей жизни, но только не чемодан. Пусть вихляются его колесики и заедают молнии, к чемодану она относится, как к проверенному товарищу. Пятый год он единственный, кто сопровождает Марине Викторовне в одиноких ее путешествиях. Но сейчас они расстаются, а встретятся только в Африке.

В наше время российские граждане отдыхают в разных местах сообразно своему достатку и степени своего снобизма. Но относительно статусные курорты находятся далеко, курящему человеку не долететь до них. К тому же туда не поедешь с таким чемоданом, как у Марины Викторовны. Люди простые, курящие, весной и осенью отправляются все в Египет. Отношение к этой стране у Марины Викторовны такое же, как к чемодану. Тамошняя инфраструктура, конечно, порядком обшарпана и постоянно где-нибудь заедает, но солнце и море Марину Викторовну ни разу не подвели.

Чемоданная ручка повязана яркой ленточкой, будто шея любимой собачки, но это сделано не для красоты, а для будущего опознания.

4

Аэродром похож на ладонь, с которой взлетают, как птички, и куда садятся доверчиво аэробусы. Гул их моторов почти не слышен в здании аэропорта; только видно через стекло, как одни приземляются осторожно, а другие вспархивают, подбирая лапки.

По эту, аэродромную, сторону терминала происходит движение, непонятное непосвященному. Смешные приплюснутые толкатели самолетов и другая ярко окрашенная спецтехника ездит туда-сюда, но не как попало, а в соответствии с линиями разметки. Ярко окрашенные спецчеловечки управляют сложными механизмами. Аэропорт, он весь функционирует, словно отлаженный механизм. Если б еще пассажиры были все как Марина Викторовна, то есть ходили бы строго по стрелкам и слушали объявления, здесь вообще не случилось бы никаких недоразумений. Но среди пассажиров всегда найдутся такие, что встрянут соринками в точные шестеренки. Парочка идиотов запוקаается в дьюти-фри или чей-то ребенок вздумает опорожняться в то время, когда объ-

явлена уже посадка. Марина Викторовна тоже женщина и тоже мать, но ей претит такая неорганизованность. Перед отлетом земные дела должны быть завершены заранее.

Лобастый авиалайнер напоминает какое-то океанское существо. Он и есть обитатель воздушного океана, вынырнувший сверху вниз. Сейчас у Марины Викторовны есть возможность увидеть его в лицо. Обычно она рассматривает придирчиво, свежий ли самолет и нет ли на нем заплаток и потеков ржавчины. Вообще-то она в авиации ничего не смыслит, но просто немного нервничает перед полетом. Скоро Марина Викторовна погрузится в самолетную обнимающую утробу, словно вернется в хранимое предсознанием эмбриональное состояние.

5

Есть у Марины Викторовны легкая клаустрофобия, но в общем-то ей всё равно, у окна сидеть или нет. Если бы она летела с мужем, он бы, конечно, тарачился в иллюминатор. Ему, как мужчине, свойственна бесцельная любознательность. Но муж далеко отсюда и продолжает стремительно удаляться. Под крылом самолета съезживается Москва, заволакивается дымкой. Марина Викторовна медитирует с леденцом во

рту. В течение полетного времени ей предстоит перейти в иное качество: насколько возможно, освободиться от бремени возраста, стать из Марины Викторовны Мариной просто — без отчества и без забот.

В спинках кресел для пассажиров встроены персональные медиацентры. Те, кто хочет отвлечься и релаксировать, могут смотреть киношку или слушать музыку; для тех же, кому нужна иллюзия, что они контролируют ситуацию, выкладывается в реальном времени маршрут полета. На экране показано, как самолет на своем пути огибает беспокойные регионы планеты. Где-то внизу, на дне, копошится и ссорится само с собой нелетающее человечество, но с высоты десяти километров эта активность уже практически незаметна. Преобладающая картина мира, видимая в иллюминатор, выглядит как ослепительная комбинация голубого с белым. Созерцание горных величественных пейзажей помогает преобразению Марины Викторовны.

А обед на борту помогает скоротать полетное время: за едою Марина минует Черное море и Турцию. Питание в самолетах бывает разное, в зависимости от экономического положения авиационной компании. Но оно непременно в себя включает плавленый сыр «Дружба». Это традиция наших авиалиний, как для швейцарских горячие булочки, а для турецких орешки.

Сыр этот кушать необязательно, но если вздумаешь, то узнаешь, какой он прыгучий и крепкий.

После обеда Марина слегка откидывает спинку кресла. Медицентр информирует, что она пролетает над Средиземным морем. Конечно, оно показано без подробностей, но Марине и так известно, что оно из себя представляет: его повидавшие виды воды сейчас бороздят круизные лайнеры, набитые гедонистами, а также резиновые посудины с изголодавшимися беженцами. Средиземное море Марину в общем-то не привлекает, хотя оно и обставлено разными античными древностями.

Опали, как взбитые сливки, истаяли облака Европы. Небо над Африкой голое, а земля ее бурая и бесплодная, не похожая даже на песочный торт. Только Нил извивается, как змея с разможенной головой. Неужели это всё та же наша планета, обитель жизни? При виде спаленных солнцем колючих угрюмых гор хочется минералки.

И однако, марсианские эти горы служат преддверием земного рая. Скоро авиалайнер начнет снижение. Пора пристегнуться Марине и в рот положить леденец. Евреи блуждали сорок лет в пустыне, а ей предстоят всего-то пятнадцать минут относительного дискомфорта. Зато когда самолет приземлится — будем надеяться, благополучно, — Марина выйдет из чрева его, как бы рожденная заново.

6

Аэродром Хургады военно-гражданского назначения. На полях его притаились, словно тарантулы в норах, истребители в капонирах. К счастью, они туристами не питаются и, кажется, даже наоборот, обеспечивают безопасность. Тем не менее такая близость чужой боевой авиации настораживает и слегка тревожит.

Самолет приземлился и отрулился; турбины его умолкли, устало распластались крылья. К нему подкатывает приставная лестница, а за ней автобусы. Покуда вокруг самолета длятся хлопоты, внутри него происходит мобилизация. Но вот наконец отворяются его люки. Самолет, как большое живородящее существо, прямо в Африку выпускает несколько сот возбужденных засидевшихся россиян. Наши люди, попавши в непривычную для себя реальность, инстинктивно делаются решительными и хищными, как свежевывлупившиеся крокодильчики.

Русские молодцы; они очень быстро ориентируются в неразберихе хургадского аэропорта. Египетская администрация подбрасывает им задачки, а русские их раскусывают. Времени на тратя даром, русский папа бросается к визовому окошку, дети вцепляются в хвост очереди на контроль, а мама уже заполняет идиотские еги-

петские туристические анкеты. Ей досталось самое трудное: вспоминая латинские буквы, мама грызет авторучку. Впрочем, какая разница, ведь египтяне в латинице смыслят не больше, чем она сама. Можно писать на листочках произвольную абракадабру.

В человеческом водовороте ловят рыбку решалы с бейджиками. За каких-нибудь двадцать долларов они всё устроят без очереди. Это было бы возмутительно, если бы не было так смешно. Русские у них не ловятся.

Но наконец-то осуществлены все египетские формальности. Со свежим штампом в загранпаспорте Марина торопится встретиться с собственным чемоданом. Вот запущен уже транспортер и поползла чемоданная вереница. Марина поедает ее глазами, ждет не дождется, когда покажется ее единственный.

Дальше всё будет не так волнительно. Скоро Марина выберется из хаоса и попадет в надежные руки отечественного туроператора.

7

Чемодан отправляется в брюхо автобуса, но она сама в автобус войти не торопится. Ей хочется постоять на воздухе, понежиться под африканским солнцем и выкурить сигаретку для полноты блаженства. На душе ее делается лег-

ко; в эту минуту она даже не просто Марина, а просто женщина, не утомленная солнышком. И вот уже кто-то, стоящий рядом, протягивает зажигалку — просто мужчина проявляет к ней свое мужское внимание.

Автобус, наполненный щебетанием гида, развозит отдыхающих по отелям. Дорога бежит параллельно морю: справа горы, острые, как акулы зубы, слева череда резортов и впечатляющих парадизов. Время от времени их автобус сворачивает налево и, лавируя в аллеях пальм, подкатывает к подъездам. Марина из окна автобуса рассматривает фасады чужих отелей. Их названия ей знакомы, потому что, собираясь в отпуск, она мониторила предложения. Эти отели Марина отвергла по тем или иным причинам, и надо теперь воочию убедиться, что она поступила правильно.

Но кто-то уже высаживается — те, кто сделал неверный выбор. Ох уж эти наши русские, как еще много в них наивного дурновкусия! Любят, чтобы их встречали позлащенные сфинксы и нефертити, а того, что на въезде кривой шлагбаум подвязан бельевой веревкой, даже не замечают. Ну и будет им переполненный ресторан с дурным питанием, тесный пляж, до которого топать долго, как тем евреям из Библии, и невоспитанный персонал. Впрочем, русским такие мелочи нипочем. Две недели пролетят как сон, и вернутся они в свою

Россию загорелые, просоленные и премного довольные.

Марина же выбрала себе отель небольшой и не слишком пафосный. Однако не дураки составляют рейтинги. В нем, по отзывам, неплохая кухня, а также песчаный пляж и европейский менеджмент. И, что существенно, наших русских в этом отеле мало. Попадая куда-нибудь на курорт, немец тянется к своим немцам, француз ко французам, если найдет, а Марине, наоборот, хочется от соотечественников отдохнуть.

Но помимо всего перечисленного, для окончательного комфорта важно добыть себе номер поближе к морю. Это делается при регистрации на ресепшене. Чтобы служащий-египтянин понял, о чем вы просите, надо дать ему двадцать долларов. У Марины достаточный запас английского и валютных резервов хватит, чтобы хорошо устроиться.

Автобус опять маневрирует, неуклюже поворачиваясь всем туловищем. Очередной отель, однако, отличается от других. Здесь, в этом отеле, отдых забронирован для Марины; кто как, а она приехала.

8

Присутствие моря чувствуется даже на расстоянии, ощущается всеми фибрами. Всё живое вышло из моря и только немецкое, види-

мо, из бассейна. Взрослые немцы полощутся в хлорированной купели, игнорируя призывы моря. От бассейнов доносится банный дух и гортанный немецкий гам. Марина проходит мимо.

И вот наконец в просвете цветущих отельских кущ показывается море. Целых полгода не виделись они с Мариной. Море, которое существует миллионы лет, могло бы подождать еще, но у Марины времени гораздо меньше. У нее перехватывает дыхание, а море дышит, как дышало вечность — величественно и мерно. И все-таки они друзья — огромное море и маленькая Марина. Оно забавляется с ее тельцем, а ей сладко нежиться в его лапах.

В номере чемодан еще не разобран; Марина даже не успела выяснить, где в отеле находится ресторан. Всё потом; оставшиеся часы от приезда и до заката она проведет у моря.

9

Первое утро в отеле. Солнце уже проклюнулось и наливается силой, чтобы, жарким цветком распутившись, вознестись над пальмами. Марина сидит на балконе номера, попивает растворимый кофе. Чайник и этот кофе она привезла с собой. Возле нее висит и улетать не хочет облачко сигаретно-

го дыма. Воздух недвижим и необыкновенно тих. Даже не слышно моря, которое в этот час лежит расслабленное и такое гладкое, будто шелковое покрывало. Помалкивают и голуби, но это потому, что у них закончился период спаривания. В Египте, конечно, всегда тепло, но голубям ведь тоже нужна какая-то передышка. Здесь они мелкие, в сравнении с нашими, но зато певучие; весной их звонкое «курру-ку-ку» целыми днями стоит в ушах. Египетские вороны тоже маленькие и худые, величиной с российскую галку. А вот кошки в обычном теле. Когда-то они в Египте считались священными существами, но теперь навряд ли. Уборщики в ресторане их гоняют из-под столов.

Кстати, о ресторане. Скоро начнут пускать на завтрак. Марина еще не знает, чем по утрам тут кормят, однако надеется в душе на лучшее. Оптимизм и хорошее настроение надо в себе выработать, чтобы деньги, потраченные на отдых, не пропали зря. Прямо с утра начинай улыбаться, невзирая на самочувствие. И если ты эту свою улыбку подаришь первому встречному немцу, он ответит тебе зеркально. Так вы оба с ним сэкономите деньги, потраченные на отдых. А еще лучше будет сказать ему «морнинг». «Гутен морген» говорить не стоит, потому что немец может полезть с разговорами, а если приветствовать

его по-нашему – «доброе утро», он задумается надолго. По дороге на завтрак Марина здоровается с каждым встречным; если кто и не отвечает, то это русские.

10

Походка у женщины должна быть плавной и слегка замедленной, даже когда ей хочется кушать. Так, во-первых, она не вспотеет, а во-вторых, мужчины успеют открыть перед нею двери.

– Битге, мадам! – улыбается высокий немец.

– Сэнк ю, – говорит Марина. Ей по душе мужчины рослые и любезные.

На завтрак мадам съедает омлет, круассан и кусочек сыра. Лишнего – ничего, потому что она заботится о своих кондициях. С чашкой кофе Марина идет на уличную террасу – кофе в ее представлении неотделим от курения. Здесь, на террасе, пасутся все представители местной фауны: от голубей, ворон и кошек до большого глупого ибиса. Разве что крокодилы остались в Ниле. Вместо того чтобы охотиться друг на друга, египетские животные охотятся на кусочки, упавшие со столов белого человека.

Марину не раздражает компания перепаркивающих и попрыгивающих попрошаек, но мыс-

ли ее сейчас не с ними. Заканчивается утренняя прелюдия, пора возвращаться в номер, переодеваться в пляжное — и скорее к морю.

11

И вот уже Марина шествует по дорожке к пляжу. На голове у нее соломенная широкополая шляпа, на бедрах развевающееся парео, а на плече сумка с купальными принадлежностями. Опытная, экипированная курортница, только телом пока что белая. И конечно, по опыту она знает, что в это время ей уже не достанется зонтика на первой линии. Русские и даже некоторые из немцев еще на рассвете бегают занимать на пляже место. Марина ни в каких отелях не делала этого и не будет; за место под солнцем ей надоело воевать в Москве. Впрочем, здесь не Москва, а, наоборот, Египет; всё живое здесь стремится в тень. Две беды угрожают всякому отдыхающему в египетском «олинклюзиве»: переедание и перегрев. Опытная Марина об этом знает. Первой угрозы она избежала за завтраком, а сейчас постарается избежать второй.

Главная добродетель цивилизованного человека — предусмотрительная умеренность в том, что касается удовольствий. Надо из-за стола вставать с легким чувством голода,

а с любовного ложа с чувством легкой неудовлетворенности. Сигаретка должна иметь всепоглощающий фильтр, а тело под египетскими лучами солнца должно быть защищено средствами предохранения. Только одно удовольствие показано всем без ограничений — это морские ванны.

Под зонтиком реет повязанное на столбе парео. Так поступают многие — повязывают столбы, чтобы отпугивать опоздавших искателей свободных мест. Реет под зонтиком штандарт Марины, но где же она сама? Конечно, Марина в море — плавает, узнаваемая по широкополой шляпе. Медленно, но уверенно шляпа перемещается по акватории, ограниченной шариками буйков. В избранном неторопливом стиле Марина изящно движется; жаль, что увидеть это могут одни лишь рыбы. Впрочем, достаточно и того, чтобы ею любовалось море, ведь это оно научило Марину плавать.

Воды Красного моря, теплые и уютные, подсознанием, вероятно, ощущаются как плацентарные. Покидать их никак не хочется. Но время от времени человеку требуется покурить и помазать плечи. Выходящая из воды Марина — это тоже приятное зрелище, впрочем, рыбам уже недоступное. Оказывается, она может изящно двигаться в любой стихии. Марина поводит бедрами, потому что ей с каждым шагом приходится отнимать у песочка ногу. Этому

море ее не учило, но честное слово, она так привлекательна не намеренно. Просто женщина хороша всегда, когда у нее хорошее настроение.

12

Пляжное времяпрепровождение состоит из купания и лежания под зонтом. Такое двухтактное существование кому-то покажется примитивным. Человек деловой, активный, привыкший решать задачи и стремиться к целям, — такой человек на пляже почувствует нехватку вводных. Ощущение это в просторечии зовется скукой. Марине в ее московской жизни тоже приходится ежедневно решать задачи. Целей она давно особенных не преследует, но от задач никуда не денешься. Однако ей не бывает на пляже скучно. Просто надо уметь перестроиться, переключить мозговую деятельность на созерцание и размышления. Когда успокоишься, втянешься, то начинаешь получать и вводные — извне и даже изнутри себя. С кем такого не происходит, те, значит, внутренне пустые люди.

Даже в капле воды обитает множество организмов, достойных изучения и описания. А у Марины для наблюдения целая водная акватория и прилегающий участок суши. Ей даже и микроскоп не нужен, только темные очки для защиты глаз. Конечно, она ничего не описывает, но раз-

мышляет и делает свои выводы. О том, например, что немки поразительно некрасивы и совершенно не стоят своих мужчин. Немцы мужского пола крупные и подтянутые; в плавательных трусах они неплохо смотрятся. Удивительно, как они женятся на таких страшилах. Русские женщины толще немок, но более симпатичные. А вот россияне-мужчины напоминают Марине мужа и потому не являются интересными для нее объектами.

Когда она переводит зрительный фокус подальше, то видит прогулочные суденышки, закоренные на рейде. Это не вся флотилия; многие поутру загрузились дайверами и ушли куда-то за горизонт. На якоре остались худшие, на которые не нашлось спроса. Подоржавевшие старички, выдавшие лучшие времена, а может быть, и не выдавшие. «Принц какой-то», «принцесса какая-то» — поистерлись на их бортах пышные имена. Эти названия выведены латиницей, чтобы могли прочесть туристы. Но египтяне на всех языках пишут как слышат, и оттого в здешнем море часто плавают орфографические недоразумения.

Суденышки привязаны за корму и за нос, чтобы не вертелись и стояли смирно. В бездейтельном забытии они медленно переваливаются с боку на бок. Старички-неудачники погружены то ли в мечты, то ли просто в сон. Но что это? Одно суденышко, кажется, вздумало погрузиться въяве. Марина не верит своим глазам; может

быть, она не заметила, как задремала сама? Но нет, это в действительности происходит: суденышко тонет прямо напротив пляжа. Если кому-то здесь не доставало событий, то ему неожиданно повезло.

13

На берегу собираются равнодушные — главным образом немцы. Они не умеют жестиковать и только обмениваются соображениями. Их учили сочувствовать чужой беде. Русские лишь поглядывают, не прерывая своих занятий: тонет суденышко, ну так что ж, значит, пришел его срок; если посудина ржавая, то когда-нибудь она потонет. Это восточная философия, и похоже, египетские судовладельцы тоже ее придерживаются. Суденышко тонет, немцы волнуются, а местные словно бы и в ус не дуют. Впрочем, это не совсем так. Египтяне, оказывается, всё видят; вон они сошлись на пирсе и, по-видимому, решают, как беде помочь. Пока что они ничего не предпринимают, но дискутируют горячо и выразительно жестикуют, в отличие от зажатых немцев. Картина, обычная для Египта; всякое дело здесь, даже очень срочное, предворяется долгими обсуждениями. Будто прежде у них никогда суденышки не тонули.

Впрочем, само суденышко тоже, кажется, не спешит на дно. Оно просело уже изрядно и на-

кренилось на левый борт, но всё еще терпит и ждет спасения. Интересное происшествие растягивается во времени, утрачивая новизну. Созерцание этой неторопливой драмы надоедает Марине, тем более что она по натуре своей не зевака. Самое для нее разумное — пойти купаться, а события пусть развиваются без ее участия. Кому предназначено утонуть, тот утонет, но у Марины замечательная плавучесть. Стало быть, жизнь должна продолжаться.

Пока она плавает, египтяне приступают к действию. Они выкатывают на пирс пластиковые бочки. Может быть, это бочки из-под чего-то, а может быть, и специально припасенные для такого случая. Одни египтяне выкатывают, другие сбрасывают бочки в море, третьи толкают их в плыв к бедующему суденышку и привязывают к его бортам. Дело спорится; надо надеяться, они успеют подоткнуть суденышко бочками до захода солнца. На них оно сможет провисеть до завтра, а там будет новый день, и египтяне придумают, что делать дальше.

14

У кого-то в море трудовой аврал, кто-то плавает для удовольствия, но вечер приходит и выгоняет на берег всех. Скоро зубастые горы слопают красно солнышко, но у Марины до ужина

есть еще много дел. Надо собрать свои вещи и сдать пляжное полотенце. Надо, вернувшись в номер, смыть с себя морскую соль и прополоскать кондиционером волосы. После этого надо передохнуть и, сидя у телевизора, посмотреть из России новости. Торопиться, конечно, некуда; можно даже побаловать саму себя глотком дьютифришного «Хеннесси». Египетскую отраву Марина, разумеется, не взяла бы в рот и поэтому закупается коньяком в дорогу. И только когда физически и морально она почувствует, что расположена уже к ужину, лишь тогда она станет краситься и готовиться к выходу.

Одна только часть этой части вечера остается непредсказуемой — это новости из России. Не угадаешь заранее, будут они приятными или нет. Может быть, рубль опять подешевел к доллару, а может быть, мы опять кого-нибудь победили. И каков на завтра прогноз синоптиков? На карте Родины спорят циклоны с антициклонами, но кто бы ни выиграл в этом споре, ясно, что в конечном счете на Родине грядут морозы. И странная параллель мерещится после «Хеннесси»: где-то на одном боку Земли мерзнут, да не замерзают люди, а на другом прогулочное суденышко тонет, да не потонет.

Однако уже пора накладывать макияж. Марина от телевизора пересаживается к зеркалу, от которого, правда, новостей не ждет. С помощью небольших привычных манипуляций

она скрывает истинное свое лицо, размышляя при этом о совсем другом. Как одеться на этот вечер — вот, о чем ее мысли. Можно надеть сарафан или легкое платье без пояса, а можно летние брючки или даже лосины. Ноги — ее представительский раздел фигуры, так что лосины можно. Но с лосинами, как и с брючками, возникает проблема «верха». Тут есть Марине над чем призадуматься. Впрочем, эта проблема не относится к числу нерешаемых — при наличии вкуса и соответствующего выбора блузок, топиков и туник. Когда доходит до дела, подбирание «верха» к «низу» совершается в считанные минуты.

И вот наконец Марина готова идти на ужин. Если у женщины всё в порядке во внешности и в душе, ею движет одно лишь бодрящее чувство голода.

15

Вопреки рекомендациям диетологов, ужин в отеле — это главная трапеза дня. В ресторане на ужин бывает максимальное предложение, и к ужину полагается принаряжаться. За ужином женщины демонстрируют свой вкус в одежде. У русских он чаще всего дурной, а у немцев чаще всего отсутствует. Марина невольно оценивает некоторых представительниц. Кто, оступаясь на высоченных шпильках, еле несет тарелку,

нагруженную питанием? Ну конечно же, наша русская. А кто нахлобучил поверх сарафана что-то похожее на мужской пиджак? Разумеется, немка; они одни умеют так одеваться. И что удивительно, у этой фрау вполне себе импозантный герр. Он, между прочим, тот самый немец, который за завтраком открывал для Марины двери. Кажется, она потом видела его на пляже. Немец хорош, ничего не скажешь, но зачем ему это чучело в пиджаке?

После ужина полагается романтическая прогулка. Это полезно перед сном для нервов, и вообще, Марина не для того одевалась и красилась, чтобы сразу вернуться в номер. В этот час между ужином и вечерним шоу большинство отдыхающих тоже делает променад. В центре отельского парка отдыхающие прогуливаются с детьми или сбиваются в шумные, то и дело хохочущие компании. Марина проходит мимо; она углубляется в те аллеи, куда забредают лишь пары, ищущие уединения, и одиночки, может быть ищущие себе пары. Здесь ароматы ночных цветов витают в искусно подсвеченном полумраке и в нужных местах поставлены лавочки для сидения. Здесь хочется думать о любви или грустить об ее отсутствии. Юные пары, и зрелые, и пожилые, приходят сюда укреплять отношения. Русские девушки мучаются на шпильках, из-за которых у них коленки не разгибаются, но они крепко держатся за осадистых своих спут-

ников, ухвативши их за руку возле подмышки. Немецкие женщины твердо стоят на своих безобразных ногах, но тоже нуждаются в мужском внимании. Мужья их, которые к ним привыкли, дружески шлепают их по задам. Одиночкам же не к кому прислониться; им остается завидовать чужому счастью.

А когда-то Марина с мужем тоже гуляли парой. Уезжали из города, например, в Абрамцево и гуляли под елями, пиная шишки. И о чем-то они беседовали и целовались даже. От Абрамцево до Египта огромное расстояние; но эти два пункта связывает долгая ниточка жизни со множеством узелков.

Марина прогуливается без плана: захочет, повернет налево, захочет, пойдет направо. Полная свобода выбора в пределах выделенной территории. Приятно дать волю своему капризу, особенно человеку, которому осточертели его повседневные вынужденные маршруты. Что ожидает Марину за следующим поворотом? Другая аллея, проложенная под углом. А по этой другой аллее навстречу Марине шагает тот самый примеченный ею немец. Он гуляет один, без фрау; в зубах у него сигара, что забавно и необычно. Поравнявшись с Мариной, немец вынимает сигару щепотью.

— Гутен абент, мадам!

О нет, это не простая вежливость: немец даже слегка поклонился.

— Гуд ивнинг! — мурлычет в ответ Марина.

И продолжает путь в облаке вкусного дыма. Конечно, она не оглядывается, но ее походка становится еще женственнее.

16

Если в номер не залетит комарик, ночь промелькнет незаметно. Завтра Марину ждет еще один пляжный день. Повторение праздника образует будни, которые складываются в образ жизни. Что ж, на пляже хороши и будни; в общем и целом такой образ жизни устраивает Марину. Ей даже кажется, что она так и всегда жила, а другая жизнь, московского образа, словно была придумана. Конечно, Марина тешит себя иллюзией; этот чудесный мир впустил ее ненадолго. Кончится срок путевки, и ей придется вернуться туда, откуда она приехала.

Но это в будущем, а сегодня Марина воображает себя царицей подсолнечного мирка. С пляжного лежака она благосклонно оглядывает своих подданных. Всё спокойно, и каждый занят положенным делом. Египтяне галдят, собирая разбегающиеся бочки; их нетонущее суденышко тем временем переваливается на другой борт. Отдыхающие на пляже тоже время от времени переваливаются, подставляя борта

для загара. А солнышко перекатывается по небосклону с юго-востока на юго-запад.

Будни дают ощущение значимости мелочей. Тонкая прелесть будней вся состоит в небольших различиях между ними. Вчера свежавыжатый сок разносил один египтянин, а сегодня уже другой. Этот, сегодняшний, более симпатичный, на взгляд Марины. И она ему тоже нравится – женщина такое чувствует. Тонконогий, изящный, он, словно ибис, похаживает между зонтиками и покрикивает: «Фреш, фреш!» Марина уже купила у него стакан, но он всё равно то и дело объявляется в поле зрения и улыбается лично ей.

– Как делья? Хорошо? – спрашивает он по-русски.

Да уж, с немкой ее не спутаешь. Марина меняет позу, перекладывая иначе ноги.

17

Вообще-то Марина сюда приехала не для того, чтобы покорять мужчин. Если бы она планировала курортный роман, то отправилась бы не в Египет. Она совершенно не виновата в том, что мужчины поглядывают в ее сторону. Тем более что на пляже достаточно есть особ и помоложе, и побойчее. Может быть, дело в том, что Марина лежит одна, а молодые особы разобра-

ны. Но не хотелось бы думать так. Факт остается фактом: мужским интересом она здесь не обделена. Даже немного обидно, что этого не может видеть Маринин муж. То-то зафыркал бы он и заерзал на своем диване. От нечего делать Марина прикидывает гипотетические возможности. Пока только два персонажа мужского пола попали в поле ее внимания — это давешний любезный немец и сегодняшний грациозный разносчик сока. Кого бы она предпочла чисто гипотетически? Египтянин, наверное, горячий, он моложе и не потеет. А немец... кстати, вон он, выходит из моря — немец не только хорошо воспитан, но и очень фактурный мужчина. Однако здравый смысл останавливает бег фантазии. Отношения с египтянином стоили бы Марине денег, а у немца обременение в виде фрау. Так что роман у нее не получился бы даже гипотетически — ни с Африкой, так сказать, ни с Европой.

Для чего вообще нужны подобные приключения? Кому-то надоедает быть постоянно хорошей девочкой в то время, как этого никто не ценит. Кому-то хочется, чтобы позавидовали подруги, которых мужа одних в отпуск не отпускают. А у кого-то курортный секс просто входит в оздоровительную программу. Марина не попадает ни в одну из перечисленных категорий. Она предпочитает быть с совестью

своей в ладу, а ее единственная подруга живет в разводе и оздоравливается сколько хочет даже без выезда из Москвы. Так что можно сказать, что Марина на отдыхе представляет собой как бы вещь в себе. В чудный загар облекается ее тело, но только для визуального предъявления.

С высоты безмятежной самодостаточности Марина благосклонно оглядывает окружающее человечество. Люди кажутся трогательными, когда голые. Они без конца хлопочут: намазывают друг друга кремом, милуются, или ссорятся, или просто треплются, или утирают сопли детям, которые произошли от них. Если же кто-то замер, то это значит, что человек спит или загорает. Но ни у кого в Мариной зоне видимости нет ничего на лицах, что выдавало бы работу мысли. Люди, когда они голые, судя по всему, глупеют.

Впрочем, и созерцание — это тоже не то чтобы интеллектуальный труд. Есть у Марины время, чтобы поразмышлять о чем-нибудь, да не хочется. Можно попробовать разобраться в самой себе, да только надо ли? Начнешь и не кончишь, а лишь настроение себе испортишь. Научно доказано, что никакая вещь, в себе она или не в себе, постигнуть себя не может. Для досужего размышления подошла бы какая-нибудь отвлеченная тема, но ничего такого Марине не приходит в голову. Наоборот, в голову просит-ся то, о чем думать бы не хотелось. Это набор

неприятных, несвоевременных тем и дум, которые она нечаянно вывезла из Москвы. Ненужные мысли постоянно рядом и лишь караулят момент, когда бы забраться Марине в голову. О том, что в ее конторе объявлены сокращения, о том, что она, потратившись на Египет, опять пролетела с покупкой шубы, о том, что с мужем у них не осталось друг к другу чувств, и о том, что не за горами климакс. Нет уж! Чем углубляться в такие темы, лучше придумывать себе роман. А еще того лучше пойти купаться.

18

Египтяне на палубе своего суденышка установили помпу и после долгих усилий пустили в ход. Помпа откачивает и выливает в море воду, которая в том же объеме поступает обратно в суденышко. В результате ничто не меняется — ни уровень затопления египетского суденышка, ни уровень моря. Помпа негромко цикает, море шуршит волнами, дети и девушки взвизгивают в прибое. Мирная, размягчающая обстановка. И вдруг — ужасающий грохот обрушивается с небес. Над головами разнеженных отдыхающих проносятся два истребителя. На пляже немало вздрогнуло голых тел. Что это было? Не успевают отдыхающие прийти в себя, как новая пара боевых машин прошивает небо

и катятся за ними громы. Поразительно, какая мощь. Должно быть, такие моторы немало жрут керосина.

Вот и еще ненужная тема для размышлений. Так беспокойно сегодня в мире, что египтяне слетываются на всякий случай. Спустя какое-то время в воздухе появляется вертолет, похожий на автобус с двумя винтами. Американский винтажный летательный аппарат, знакомый по старым антивоенным фильмам. Хлопая лопастями, он пролетает над пляжем и удаляется в сторону горизонта. Отдыхающие уже начинают терять к нему интерес, как вдруг вертолет, словно пригоршню конфетти, выбрасывает парашютистов. Они медленно куда-то сыплются за край воды. Там, где канут парашютисты, над горизонтом вырастают дымки со шляпками, и скоро оттуда доносятся такие звуки, будто кто-то ходит по железной крыше. Это, наверное, у египтян учения, ведь не войну же они затеяли на самом деле. Видимо, там у них какой-нибудь полигон на острове. Тем не менее у Марины душа делается не на месте.

Впрочем, можно ко всему привыкнуть. За горизонтом по-прежнему продолжается милитаристская суета; там отважные египтяне бомбят песок и крушат кораллы, сами с собой отработывая взаимодействие. Ну и пусть. На Марину снова нисходят покой и нега.

Сегодня сработал эффект неожиданности, главный козырь любой боевой операции. Но больше Марину не напугает египетская военщина. Если маневры завтра возобновятся, надо их просто включить в распорядок дня, как перевертывание суденышка.

На закате Марина спускает флаг, то есть отвязывает от столбика свое парео. Время складывать пляжные принадлежности и отправляться в номер. Вернувшись к себе, Марина первым делом принимает душ и осматривает себя на предмет загара. Теперь ее тело выглядит так, словно принадлежит двум разным людям. Это в порядке вещей, хотя и забавно смотрится. Налюбовавшись собой, она завертывается в полотенце и усаживается в креслице. Рядом на журнальном столике «Хеннесси» и сигареты. Всё приготовлено, и сама Марина готова отдохнуть от отдыха. Остается лишь справиться в телевизоре, не случилось ли сегодня в мире чего-то такого, что ее касается.

Минута нужна телевизору, чтобы, нагревшись, заговорить. Еще с минуту в мозгу Марины совершается осознание. Новость есть, и она ужасная: сегодня упал самолет с россиянами, и не где-нибудь, а в Египте. Телевизор наполняет номер трагическим бормотанием —

разными домыслами и комментариями. Этим вечером Марина выпьет больше «Хеннесси», чем обычно.

20

Русские больше не улыбаются; впрочем, они и раньше не отличались улыбочивостью. Египтяне выглядят слегка смущенными. Немцы только посматривают с любопытством. Их учили, конечно, сочувствовать чужой беде, но русские наверняка виноваты сами. Как бы то ни было, жизнь в отеле, разумеется, продолжается. Всё идет своим чередом: ужин, детская дискотека, а потом непременно шоу на египетско-немецкий вкус. Вечерняя здешняя шоу-программа не повторяется чаще чем раз в неделю. Так задумано, чтобы отдыхающие не скучали и чтобы у них в отеле дни не слились в один. Но для русских и так этот день вряд ли сольется с другими. Им сегодня не хочется знать, чем египтяне развлекают немцев — танцами живота или юмористическим переодеванием мужчин в женщин. В этот вечер отель поделился на две неравные части: большая наслаждается танцами с переодеваниями, меньшей выпали переживания. Естественная пропорция для отеля с немецким преобладанием.

Марина не может отделаться от чувства несправедливости. Кому это нужно, чтобы само-

леты падали, и чтобы наши российские самолеты? А люди, погибшие россияне, — они уже не похвастанут перед знакомыми своим загаром и не расскажут о том, как отдохнули в Египте. Эти люди уже не выйдут после отпуска на работу и вообще не узнают, какая у них впереди была бы жизнь. Грустные мысли не составляют логических построений, а просто цепляются друг за дружку. Для кого-то сегодня всё было кончено, а для кого-то нет. Кому-то еще предстоит трудная жизнь после отпуска.

На фоне трагедии и после «Хеннеси» в Марине не то чтобы происходит переоценка ценностей, но что-то все-таки происходит. Сегодня она общается с другими русскими. Конечно, ни нового, ни толкового ничего русские не говорят, но между ними чувствуется единение. От души у Марины отлегло немного. Ночью, еще не в состоянии спать, она курит на балконе номера. Небо в Египте черным-черно, а мысли у Марины светлые, хотя и грустные. Глядя на огоньки пролетающих самолетов, она думает о своих родных: о муже, о сыне, о маме. Больше-то у нее никого и нет.

21

Это настолько по-человечески — утешаться светлыми мыслями в час трагедии. Если горький факт отменить нельзя, значит, можно его за-

сахарить. Когда происходит теракт или даже обычная катастрофа, равнодушные люди обнимаются крепче и возлагают кукол к импровизированным алтарям. Начинают теплее думать о родных и близких. Больше заботятся о безопасности, усиливают досмотр. Что же еще они могут поделать? Каждая катастрофа — это уведомление оставшимся пока в живых: мemento мори. Как избавиться людям от страха смерти, к какой прислониться вечности? Только к морю и остается — все остальные виды вечного люди отменили сами.

Марина грустит со стаканом «Хеннесси», слушая, как оно, настоящий ее утешитель, мерно дышит во тьме египетской.

Литературно-художественное издание

Зайончковский Олег Викторович

ТИМОШИНА ПРОЗА

Заведующая редакцией *Елена Шубина*
Ответственный редактор *Анна Колесникова*
Редактор *Анна Колесникова*
Художественный редактор *Елисей Жбанов*
Технический редактор *Галина Этманова*
Компьютерная верстка *Галины Ключковой*
Корректоры *Ольга Грецова, Наталья Яснева*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гулауар, д. 21, 3 қурылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор
және өнім бойынша арыз-талалттарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92
Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шекталмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

<http://facebook.com/shubinabooks>

<http://vk.com/shubinabooks>

Подписано в печать 29.03.2016. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 3000 экз. Заказ 3746

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-17-097052-0

9 785170 970520 >

А С Т

ОЛЕГ ЗАЙОНЧКОВСКИЙ ТИМОШИНА ПРОЗА

Олега Зайончковского называют одним из самых оригинальных современных русских прозаиков. Его романы «Петрович», «Сергеев и городок», «Счастье возможно», «Загул» вошли в шорт-листы престижных литературных премий: «Русский Букер», «Большая книга» и «Национальный бестселлер».

Герой романа «Тимошина проза» – офисный служащий на исходе каких-либо карьерных шансов. Его страсть – литература, он хочет стать писателем. Именно это занимает все его мысли, и еще он надеется встретить «женщину своей мечты». И встречается. Но роман с ней как-то не задается, так же, как и роман с литературой. Новое возвращение к святой русской теме «маленького человека»? Или «уж не пародия ли он»?

«Зайончковский безусловно национальный автор, с особенным отечественным строем ума, выражающимся в философствованиях, напоминающих Гоголя и Пелевина».

Лев Данилкин

«Традиция... Я ее не ощущаю. На самом деле я не продолжаю кого-то и не отталкиваюсь. Моя литература начинается... с меня».

Олег Зайончковский

Библио-Глобус 781-19-00
Искра, Машинная БС стр 1. тв 328-35-67
<http://biblio-globus.ru> 324-46-80

Зайончковский О Тимошина проза

Цена: 419,00